

Мама
ТРАУБ

НАМ ВЫХОДИТЬ
НА СЛЕДУЮЩЕЙ

Annotation

В центре романа «Нам выходить на следующей» – история трех женщин: бабушки, матери и внучки, каждая из которых уверена, что найдет свою любовь и будет счастлива.

- [Маша Трауб](#)
 -
-

Маша Трауб

Нам выходить на следующей

Алла сидела и плакала в своей комнате. Вытерла слезы и пошла на кухню – мать стояла у плиты и готовила.

- Мам, мне плохо, – сказала она.
- Что, голова болит? Выпей таблетку, – ответила мать.
- Нет, не голова. Просто плохо.
- Так, давай приводи себя в порядок, у нас вечером гости. Надо еще в магазин сходить – я майонез забыла купить.
- Мам, а давай просто посидим на кухне. Вместе. Я тебе про работу расскажу. И еще кое про что.
- Алуша, обязательно посидим. Только не сегодня. Ладно?
- Мама, я беременна. Что мне делать?

Аллу называли в честь бабушки. Маминой мамы – Аллы Сергеевны. Она бабушку не помнила, но очень хорошо ее себе представляла. Со слов мамы. Екатерина Андреевна рассказывала дочери историю их семьи. Какие-то моменты биографии остались в ее памяти эпизодами, люди сохранили только имена, а какие-то расплзались до самостоятельных историй, обрастали деталями и подробностями.

Алла Сергеевна, Алуша, была коренной москвичкой. Жила на Пятницкой. Работала машинисткой-стенографисткой. У нее была феноменальная память. Записанный текст могла пересказать по памяти слово в слово.

У Аллы Сергеевны был муж – красавец. Голубоглазый блондин Андрей Андреевич. Любил он жену больше жизни. Хотя они толком и не успели пожить. Только поженились, началась война. Андрей Андреевич ушел на фронт. Алуша отказалась ехать в эвакуацию и вслед за мужем записалась добровольцем.

И Алла Сергеевна и Андрей Андреевич прошли всю войну и остались живы. Чудо? Судьба? Чудо, но оказалось, что не судьба.

Алла Сергеевна в Москву не вернулась. Дошла до Орджоникидзе, там и осталась. Ранение в ногу в самом конце войны. Госпиталь. Ногу спас хирург – Аслан. Хотели ампутировать, а он не дал. Другим резал – тогда проще было отрезать. А на Алушу рука не поднялась. Вылежал, выбинтовал, выходил ногу. Больно нога красивая была.

– Я буду ходить? – спросила Алуша, когда пришла в себя. Она ничего не помнила – ни ранения, ни того, как оказалась в госпитале. Только глаза Аслана помнила – черные, с карей звездочкой вокруг зрачка.

– Обязательно, – пообещал Аслан.

Аслан сдержал обещание. На парад в День Победы Алуша пошла. Осторожно, потихоньку, но сама. Аслан ее расхаживал. Она наконец его рассмотрела, и все ей в нем понравилось – плечи, руки, особенно руки. Опухшие, в кровавых цыпках, тяжелые, с длинными тонкими пальцами. А пальцы – теплые, от подушечек заряд идет, когда прикасается.

- Что чувствуешь? – спрашивал Аслан, осторожно трогая искаленную ногу.
- Тебя чувствую, – отвечала Алуша.
- Ты уедешь? – спросил он в тот день, когда она побежала по дорожке перед зданием госпиталя.
- Никуда я от тебя не уеду, – сказала Алуша и засмеялась. Она тяжело дышала, разругалась от бега, весны и счастья.

– У тебя там муж есть.

– Мне никто не нужен. Мне здесь так хорошо!

Во дворе госпиталя зацвела вишня. Алуша отломил веточку и вдохнула запах.

Аслан стал для нее открытием. И все, что он делал, было открытием. Откровением. Однажды он принес в палату тарелку с тутовником.

– Что это? – спросила Алуша.

– Попробуй. – Аслан взял одну ягоду. Положил в рот. Губы стали синими.

Алуша засмеялась. Попробовала. Ничего вкуснее она в жизни не ела.

Аслан все время ей что-то приносил. Абрикосик. Нежный, недозрелый, с тонкой кожицей. Или подсолнух. Алла держала в руках цветок с семечками и хохотала.

– Ты ешь, – говорил Аслан.

– Как я могу есть такую красоту?

Алуша осторожно вынула одну семечку – мягкую-мягкую. Подержала в руках и вставила назад – в

гнездышко.

Ей все было удивительно в этом городе. Тепло, прогревающее внутренности. Теплые ливни. Как вода из крана. Кто-то резко повернул вентиль, и хлынуло. Кто-то повернул еще раз – дождь докапывал крупными тяжелыми каплями. Теплый суп из крапивы, которым невозможно наестся.

Аслан стал ее любимым мужчиной. Самым главным мужчиной в ее жизни. Алуша думала, что он – ее судьба.

Но у Аслана была семья – жена. Беременная. Жениться на Алуше он не мог. Алла Сергеевна все знала, все понимала, но ничего не могла с собой поделать. Ей действительно было достаточно того, что Аслан просто был рядом.

Рядом – это в соседнем доме.

Алуша устроилась работать машинисткой в местный горком партии. Аслан работал в больнице. После смены приходил к Алуше – в ее комнатку в квартире на три семьи. Выходные проводил дома – с женой и родившейся дочкой Ниночкой.

Так и жили. Все знали, что у Аслана две жены. И законная жена знала. И тоже думала, что судьба у нее такая – мужа делить. Они с Аллой Сергеевной здоровались, если встречались на рынке. Алла Сергеевна передавала для Нины подарки на праздники...

Андрей Андреевич вернулся после войны домой, на Пятницкую. В их с Алушей маленькую квартирку – пустую и мертвую. Соседка передала ему клочок бумаги – Алла Сергеевна считалась без вести пропавшей. Андрей Андреевич бумагу разорвал и начал искать жену. Долго искал. Запросы писал. И нашел. Ответ пришел из Орджоникидзе. В кадрах горкома числится некая Алла Сергеевна. Только непонятно – та или не та?

Он собрал вещмешок и поехал в Орджоникидзе. Андрею Андреевичу и хотелось и не хотелось, чтобы их Алла Сергеевна оказалась его Аллой Сергеевной. Если не она – будет искать дальше, а если она, то почему не вернулась в Москву? И его не разыскала?

Андрей Андреевич с вокзала пошел в горком. Там ему дали адрес. Он нашел улицу, дом, квартиру.

Нажал кнопку звонка. Дверь открыла пожилая женщина. За ее спиной толпились дети.

– Алла Сергеевна здесь живет? – спросил Андрей Андреевич.

Женщина махнула рукой в сторону двери. Ушла, прикрикивая на детей.

Андрей Андреевич постучался и вошел. Алла Сергеевна сидела за пишущей машинкой. На столе горела лампа.

– Алуша?

– Андрюша? Ты как здесь?

Алла Сергеевна встала, Андрей Андреевич сел на стул. Оба замолчали. Алла Сергеевна стояла, ее муж сидел.

– А ты не изменилась, – сказал Андрей Андреевич.

– Только поседела.

– Я тебя искал. Я не верил, что ты пропала...

– Я в госпитале здесь лежала. Теперь работаю.

– А почему домой не вернулась?

Алла Сергеевна так и не ответила. Пошла на кухню – чайник ставить. Когда вернулась в комнату, за столом сидели уже двое ее мужчин. Аслан зашел после смены.

– Иди, нам поговорить нужно, – сказал Аслан Алле Сергеевне.

Алла вернулась на кухню. Стемнело. Соседка накормила детей. Алла помогла помыть посуду. В комнату зайти не решалась. Наконец на кухню зашел Андрей Андреевич.

– Пойдем, спать пора, – сказал он.

– Ты остаешься? – спросила Алла Сергеевна.

– Да.

– А Аслан?

– Он пошел домой. К семье. К своей семье.

Андрей Андреевич остался в Орджоникидзе. На работу устроился – инженером. Жили как все.

А совсем скоро Алла Сергеевна дочку родила. Катю. Черненькую, смугленькую, крепенькую. Алуша на дочку все насмотреться не могла. Кормила и разглядывала. И молоко текло. Алуша и Катю кормила, и сына соседки подкармливала. В их доме, в больнице все знали, от кого ребенок. И Аслан знал, что его дочка. И жена Аслана знала. Она приданое детское для Аллы Сергеевны собрала и прислала дочь Нину передать. И Андрей Андреевич знал, что не от него ребенок. Но записал на себя. И свою фамилию дал.

Через четыре года у Кати брат появился – Коля. Беленький, голубоглазый. И опять все знали, от кого – от Андрея Андреевича. Только мальчик слабенький родился. Недоношенный. И молока у Аллы Сергеевны почти не было. Коленка болел все время. А Катя ходила, румянцем под смуглыми щеками

светилась. И матери помогала, и работала наравне со взрослыми, а все равно – хоть бы что. Бегала как заведенная. Никаких хворей, тьфу, тьфу.

Андрей Андреевич приходил с работы, смотрел на плачущего сына и зло на Кате срывал. Мог и подзатыльник отвесить, и ремнем отходить. Алла Сергеевна за дочь заступалась.

– Ну что ты к ней цепляешься? – говорила она мужу, прижимая одной рукой хнычущего Коленьку к груди, другой – Катю к боку.

– А чтобы уважала. Вон как смотрит. Глаза наглые. Не позволю.

– Она сегодня целый день бегала – и за молоком, и за хлебом. Пеленки помогла полоскать. Пожалей ее. Она же маленькая еще.

– Потом лупить поздно будет. А что бегают, правильно. Должна помогать.

Коленька тяжело заболел, когда ему исполнилось два года. Кате шел седьмой.

Был поздний вечер. Южный. Теплый. Ранний. Внезапный. Алла Сергеевна прикорнула. На чуть-чуть. Всего на полминутки. Андрей Андреевич в ночную смену дежурил. Катя качала люльку с Коленькой и тоже задремала. Вдруг очнулась, посмотрела на брата, а тот лежал тихо-тихо и как будто не дышал. Катя кинулась к матери:

– Мама, Коленька не дышит.

Алла Сергеевна подбежала к кровати, схватила на руки Коленьку и побежала на улицу. Катя бросилась следом. Она не знала, куда они бежали. Только боялась от матери отстать. Они прибежали в какой-то двор.

– Звони, стучи, скорее! – крикнула Алла Сергеевна дочери. Они стояли перед чужой дверью.

Катя звонила, стучала.

Дверь открыла женщина. Алла Сергеевна зашла в коридор и протянула женщине Коленьку.

– Вот, не дышит. Разбуди его, – сказала она женщине.

Женщина позвала – «Нина!» Вышла девочка. Взяла Катю за руку и увела на кухню. Поставила чашку на стол, варенье, хлеб нарезала.

– Тебя как зовут? – спросила девочка.

– Катя.

– А меня Нина. Ешь. – Нина намазала на хлеб варенье и дала Кате.

Катя сидела, пила чай, ела хлеб. Нина сидела напротив и смотрела, как Катя ест. В другой комнате бежали, сустились, разговаривали люди.

– А что с Коленькой? – спросила Катя Нину.

– В больницу его отвезут. У меня отец в больнице работает. Он хирург. Очень хороший врач. Его все в городе знают. Он в войну много людей спас.

На кухню зашла та женщина, которая дверь открыла. Что-то сказала дочери по-осетински.

– Пошли спать, мама велела, – сказала Нина.

Катя легла на диван с Ниной. Валетом. Сунула холодные ноги под бок Нине и заснула. Успела подумать, как хорошо было бы, если бы у нее была старшая сестра, как Нина.

Алла Сергеевна прибежала с сыном к Аслану. Больше не знала, к кому кинуться. Он спас ее, спасет и ее сына. Аслан на руках донес ребенка до больницы. Алла Сергеевна и жена Аслана бежали следом. Неделю Алла Сергеевна жила в больнице. У Коленьки – пневмония, и врачи не могли сказать, выживет или нет. Антибиотиков не было. Аслан после своих операций приходил к ней. Сидел, курил, молчал. Каждый день приходила жена Аслана – приносила Алле Сергеевне две кастрюльки. В одной еда, в другой – травяные отвары. Сидела рядом и говорила: «Ешь», «Пей». Катя жила в семье Аслана. Помогала Нине по хозяйству, спала с ней валетом. Домой не хотела. Когда возвращалась женщина, Катя спрашивала:

– Как мама и Коленька?

Спрашивала, надеясь, что мама еще побудет в больнице, а она еще поживет здесь – у дяди Аслана.

Но через неделю за ней пришла мама. Серая, согнувшаяся, с обкусанными в кровь губами.

– Пойдем домой, доченька, – сказала Алла Сергеевна и заплакала.

Жена дяди Аслана – Катя так и не знала, как зовут эту строгую женщину, – принесла чашку с травами.

Алла Сергеевна сказала:

– Спасибо тебе за Катю.

Катя еще удивилась: при чем тут она? Нужно было сказать: «Спасибо за чай».

Они пошли домой той же дорогой, по которой бежали неделю назад. Только шли медленно. Катя все время обгоняла мать, останавливалась и ждала. Алла Сергеевна шла медленно – нога ныла.

Дома на кровати лежал пьяный Андрей Андреевич. Кровать Коленьки была пуста. Даже одеяло и матрас пропали. Только на буфете появилась фотография – *единственная Коленькина фотография. Сделали в фотоателье*, когда ему годик исполнился. Катя тогда еще смеялась – на девочку похож – в

нарядном чепчике и распашонке.

– А где Коленка? – спросила Катя.

– Нет больше Коленьки, – сказала Алла Сергеевна.

Проснулся отец, стянул ремень, зажал Катю между коленок, задрал платье и начал хлестать ремнем. Для Кати все слилось в одном крике – материнском и отцовском. Мама кричала:

– Оставь ее,пусти.

Отец:

– Ты виновата. Заснула. Недоглядела. Он больной, а ты здоровая. Плохо за ним смотрела.

Катя плакала, ерзала между отцовскими коленками и кричала:

– Я не виновата. Мама, скажи ему. Я смотрела. Только один раз заснула. Мамочка, я за ним смотрела. Я не виновата.

Алла Сергеевна схватила наконец Катю и выволокла ее на улицу. Опять они бежали по той же дороге. К дому дяди Аслана.

Алла Сергеевна позвонила в дверь. Открыла жена дяди Аслана.

– Пусть у вас побудет, – попросила Алла Сергеевна, подтолкнула Катю в проход и побежала назад.

Женщина привела Катю на кухню. Дала чашку с чаем и кусок хлеба. Сказала: «Ешь, пей». Когда Катю положили на диван с Ниной – валетом, – она даже не поверила своему счастью. Подоткнула ноги под бок Нины, та поворчала. Катя заснула счастливым детским сном.

Через три дня за ней пришла мама.

– Пойдем домой, доченька.

– А папа?

– Не бойся, он больше не будет тебя бить.

– Обещаешь?

– Обещаю.

Катя зашла в комнату – попрощаться с Ниной.

– Не бойся, к нему мой отец ходил. Поговорить. Если что, ты моему папе скажи. Его все слушаются, – сказала Нина.

– Хорошо.

Но отца дома не было – ушел на смену.

А на следующий день Катя с мамой стояли на вокзале. Ехали в Москву. Домой. Так Кате мама сказала: «Домой едем». На вокзале их провожали дядя Аслан, его жена и Нина. Катя плакала. Жена дяди Аслана дала ей газетные кульки с травками – сушеной липой, ромашкой, чабрецом. Нина подарила свою тряпичную куклу. Дядя Аслан погладил по голове.

Они сели в поезд. Катя прижималась лицом к грязному стеклу и махала рукой.

– Катя, запомни дядю Аслана. Хорошо? – сказала Алла Сергеевна.

– Зачем?

– Это твой отец. Твой настоящий отец.

– А Нина – моя старшая сестра?

– Получается, что так.

– А жена дяди Аслана – тетя?

– Тетя.

– А почему мы не можем жить с ними?

– Потому что так нельзя.

– Почему нельзя?

– Потому что нельзя. Вырастешь – поймешь.

– А мы к ним приедем?

– Не знаю.

– Мы навсегда уезжаем?

– Может быть, и навсегда.

– Я не хочу.

– Так надо. У нас своя жизнь.

– А папа? Мой другой папа? Он с нами будет жить?

– Нет, не будет. Он в другой город уедет.

– В какой?

– В другой.

– А ты от меня не уедешь?

– Я не уеду. Никогда.

Они вернулись в Москву. В квартиру на Пятницкой. Алла Сергеевна поставила на стол свою пишущую машинку и устроилась на работу – в машбюро. Катя училась. Когда подросла, стала помогать

матери печатать.

– Учись, тренируй память, без куска хлеба никогда не останешься, – говорила Алла Сергеевна. У нее все чаще болели кисти рук, набухали вены – профессиональная болезнь. Нога ныла.

После школы Катя пошла на курсы стенографисток-машинисток. Решила два года отработать, а потом в институт поступать. Зарабатывать нужно было.

На курсах вместе с Катей училась девушка Регина. Из Орджоникидзе.

Катя, когда узнала, обрадовалась. Хотя мало что помнила про Орджоникидзе. Она Регине сказала: «Я родилась в Орджоникидзе». Та накинулась на Катю и стала душить ее в объятиях.

Регина окончила школу с красным дипломом и была то ли ударником, то ли передовиком производства. Плюс комсомолка. Ее специально в Москву делегировали – учиться. У Регины, правда, папа был в должности. Не то чтобы в большой, но все же. Помог с учебой в Москве – по национальной квоте.

Регина числилась в общежитии, а жила у Кати и Аллы Сергеевны. Она была веселая, шепутная. Маленькая, кругленькая, на толстых ножках. Страшененькая, но обаятельная. Алле Сергеевне она не нравилась, но Кате с Региной было весело. Хотя главную причину дружбы Катя никому не говорила и самой себе не признавалась. Регина была ниточкой, которая связывала ее с прошлым. С детскими годами. С отцом. Настоящим и тем, который по документам. С той жизнью, о которой они с матерью не вспоминали. Регина была для Кати как дальняя родственница, пропавшая на много лет и вдруг появившаяся.

Хотя связь с Орджоникидзе все-таки была. Их телефон иногда звонил – короткими настырными гудками. Межгород. Алла Сергеевна тянула шнур в комнату, закрывала дверь поплотнее, чтобы Катя не слышала. Но Катя слышала, что мать рассказывала про нее. Как учится, как выглядит. Иногда Катя обнаруживала пропажу фотографий. Она догадывалась, что мать отправляет ее фото в Орджоникидзе. Дяде Аслану.

Катя заканчивала учебу на курсах, когда дядя Аслан умер. Телефон зазвонил ночью. Ночные звонки всегда к несчастью. Алла Сергеевна потащила шнур в комнату. Но вышла очень быстро.

– Аслан умер, – сказала она Кате. – Твой отец. Нина звонила.

– Мы поедем туда?

– Поедем.

– А где мы там жить будем?

– Не знаю. Пошли спать. Надо выспаться. Утро вечера мудренее.

Утром Катя встала, зашла на кухню поставить варить кофе. На столе горел ночник. Видимо, Алла Сергеевна не ложилась. Из ванной выскочила Регина. Радостная. Шепутная.

– Ночью кто-то звонил или мне приснилось? Ты чего такая мрачная? – затараторила она.

– Отец умер, – сказала Катя.

– Какой отец? – опешила Регина.

– Мой отец. Который в Орджоникидзе живет. Точнее, жил.

– У тебя отец в Орджоникидзе? И ты молчала?

– Да. Он – осетин. Но у него там другая семья.

– Понятно. Поедете?

– Надо. Только там жить негде.

– Тоже мне проблема. У меня остановитесь. Да я с вами и поеду. Аллу Сергеевну надо поддержать.

Регина тут же развила бурную деятельность. Собирала вещи. Звонила в справочную – узнавала расписание поездов.

Она действительно все организовала – отпросила себя и Катю с курсов, билеты вырвала, чемоданы бечевкой перевязала, чтобы не развалились в дороге.

В Орджоникидзе приехали утром. На вокзале их встречала толпа. Съехались чуть ли не все родственники Регины. Катю и Аллу Сергеевну Регина знакомила с двоюродными братьями, сестрами, племянниками. Они стояли потерянные в этом круговороте незнакомых лиц. Их привезли в дом, где в двух комнатах были накрыты столы, как на ужин. Хотя на часах было только одиннадцать.

– Катя, пойдём погуляем, – тихо сказала Алла Сергеевна.

– Неудобно как-то.

– Скажи Регине, что нам нужно выйти.

Катя подошла к Регине и прошептала просьбу. Регина немедленно подняла Аллу Сергеевну и увела. Отдохнуть якобы.

– Вот наш адрес и телефон. На всякий случай. Или позвони из автомата, если заблудитесь, я вас встречу.

Они вышли, дошли до автобусной остановки, сели и поехали. Катя смотрела в окно и ничего не

узнавала. Ни улиц, ни домов. Чужой город. А вот Алла Сергеевна, кажется, все помнила.

– Нам выходить на следующей, – сказала она Кате.

Катя вышла вслед за матерью. Алла Сергеевна шла по дорожке уверенным шагом. Катя семенила следом.

Они дошли до какого-то дома, поднялись на третий этаж. Алла Сергеевна позвонила в дверь. Дверь открыла молодая женщина с ребенком на руках.

– Здравствуйте, – сказала Алла Сергеевна, – а Андрей Андреевич здесь живет?

– Нет таких, – удивилась женщина и затрясла, укачивая, ребенка. – Никогда не было.

– А вы давно здесь живете?

– Давно. А вам что надо?

– Ничего. Спасибо. До свидания.

Они спустились во двор. Алла Сергеевна повернула направо и пошла по дороге. Катя плелась следом. Она устала. Куда они идут? Можно было отложить все до завтра. А сегодня отдохнуть. И вдруг она узнала эту дорогу. Справа палисадник, здесь – остановка. По этой дороге они бежали с мамой. Ночью. К дяде Аслану.

Дошли до дома. Алла Сергеевна постучала в дверь. Открыла молодая женщина, ненамного старше Кати, с черной повязкой на голове.

– Ниночка? – спросила Алла Сергеевна. Молодая женщина кивнула и повела их в комнату.

Катя вспомнила – Нина. Так звали дочь дяди Аслана.

В квартире черными полотнищами были завешаны все зеркала. В комнате со свежевывитыми полами сидела на стуле пожилая женщина во всем черном. Рядом с ней стоял еще один стул. Круглая спинка, потресканное деревянное сиденье. Около стены – высокая железная кровать. Покрывало без единой морщинки, две подушки, сложенные одна на другую – высокой горкой. Верхняя подушка закрыта связанной крючком салфеткой. На буфете – фотография мужчины. Перед фотографией – стакан водки и кусочек черного хлеба сверху.

Алла Сергеевна молча прошла и села на свободный стул. Катя так и осталась стоять на пороге. Подошла Нина и сделала знак Кате – «пойдем».

Они вышли, а две женщины – две жены одного мужа – так и сидели рядом, одинаковым жестом сложив руки на коленях. Сидели и молчали.

– А ты Катя? – спросила молодая женщина.

– Да, – ответила Катя.

– А меня ты помнишь? Ты у нас жила.

– Помню.

– Я не хотела, чтобы ты уезжала. Ты смешная была маленькая.

– А я хотела, чтобы ты была моей старшей сестрой.

– Вы где живете?

– У моей подруги. Она отсюда, из Орджоникидзе. Мы в Москве вместе учимся.

– Хорошо. Надолго приехали?

– Не знаю.

– У мамы ноги болят. Раньше еще ничего было. А три дня назад – после похорон – почти совсем отнялись. Еле-еле ходит. Не знаю, что делать, – пожаловалась Нина.

– Может, пройдет? А у моей мамы руки болят. Артрит. И нога. Во время войны ее ранило.

– Да, я знаю, а мой отец ей ногу спас. Никто не верил, что она ходить будет, а он – верил.

– А я ничего про это не знала.

– А ты работаешь или учишься?

– Курсы машинисток-стенографисток заканчиваю. Работаю. Дома печатаю. А ты?

– А я медсестрой работаю. В нашей больнице. Где отец работал.

– Мы опоздали на похороны...

– Ничего. Главное, что приехали. А похороны хорошо устроили. Людей много было. Из других городов приехали. Памятник обещали поставить. Нам деньгами помогли. Папины друзья и пациенты. А жених у тебя есть?

– Нет. Что ты! А у тебя?

– Есть. Посватался, когда еще отец жив был. Успел. Собирались свадьбу играть. А сейчас нельзя. Ну ничего, подождем.

Из комнаты вышла Алла Сергеевна:

– Ниночка, спасибо, что позвонила. Пусть Катя с тобой побудет, а я на кладбище съезжу, ладно?

– Мам, давай я с тобой? – попросилась Катя.

– Не надо. Я одна хочу. Я вернусь за тобой.

Алла Сергеевна ушла, а Катя, как в детстве, осталась с Ниной. Помогла ей приготовить, посуду помыла.

– Мамочка, пойдем обедать. Давай потихоньку. У нас Катя, дочь Аллы Сергеевны. Помнишь Катю? – Нина осторожно вела мать по коридору на кухню.

Катя встала, когда на кухню, тяжело ступая, вошла пожилая женщина. Она села на стул. Нина налила в тарелку суп и поставила перед матерью:

– Мамочка, давай поешь.

Женщина взяла кусок хлеба и накрошила в суп кусочками. Ложкой подцепила размокший мякиш и с усилием поднесла ложку ко рту.

– Мама, еще ложечку, – уговаривала мать Нина. – Ты тоже ешь, – сказала Нина Кате.

Сама Нина встала и поставила на плиту большую турку. Насыпала кофе, налила воды. Стояла и смотрела, как поднимается пенка. Поставила на стол три чашечки. Разлила кофе. Катя отхлебнула. Кофе был крепкий, горький и горячий. Катя обожгла язык и поморщилась. Вдруг женщина кивнула головой в сторону Кати.

– Что, мамочка? – подскочила Нина.

Женщина указательным пальцем показала на Катину чашку.

– Допьешь, переверни чашку на блюдце. От себя, – сказала Нина Кате.

– Зачем?

– Мама тебе что-то сказать хочет.

Катя в один глоток допила кофе и перевернула чашку на блюдце. Нина взяла у нее чашку и передала матери.

Она посмотрела в чашку и отставила ее со стуком. Стала тяжело отодвигаться от стола. Нина подскочила, подхватила мать.

– Что, что там? – испугалась Катя.

Женщина что-то тихо сказала по-осетински. Нина повела ее назад в комнату. Уложила на кровать, вернулась к Кате.

– Что твоя мама сказала? – спросила Катя Нину.

– Сказала, что дочь ты потеряешь...

– А что это значит?

– Не знаю.

Алла Сергеевна все не возвращалась. Катя уже начала волноваться.

– Нина, может, за ней поехать?

– Не надо. Приедет. Не волнуйся. Алла Сергеевна город знает.

Уже начало темнеть, когда в дверь постучали. Нина открыла. Алла Сергеевна вошла, опустилась на стул. Нина налила ей чай.

– Мама, ты как? – спросила Катя. Алла Сергеевна как будто не слышала. Достала из сумочки пакетик и положила на стол.

– Нина, отдай это матери.

Нина развернула пакетик – золотая цепочка. Толстая, с крупными звеньями.

– Мне ее Аслан подарил, – сказала Алла Сергеевна. – Пойдем, Катя, уже поздно.

Нина проводила их до остановки. Помахала рукой.

– Мама, а сколько мы еще здесь пробудем? – спросила Катя.

– Мне тут больше делать нечего.

Они вернулись в дом Регины. Там продолжалось застолье. Их ухода, казалось, никто и не заметил. Алла Сергеевна ушла в комнату – отдыхать. Регина бегала с тарелками. Катя поймала ее на ходу.

– Регина, мама уехать хочет, – сказала Катя подруге.

– Как, уже? Мы же только приехали. – Регина чуть тарелки не уронила.

– Регина, пожалуйста, давай, мы уедем, а ты оставайся. Только билеты надо взять.

– Ладно. Я отца попрошу. Он поможет. А может, хоть на пару дней останемся?

– Нет, мама хочет уехать.

Регина опять развила бурную деятельность, и вечером следующего дня они стояли на вокзале. Регина тоже решила вернуться. Их провожала толпа народу – Регинины родственники. Женщины плакали. Мужчины затаскивали в вагон плетеные корзины.

– Регинка, что это? – спросила Катя. Корзины заняли весь проход между полками.

– Банки, – бросила Регина, запихивая корзину под столик.

– Какие банки?

– Компот, варенье, огурцы, помидоры.

– А как же мы их в Москве дотащим?

– На такси придется ехать.

Через год раздался междугородный звонок. Трубку взяла Катя.

– Катя, это Нина. Из Орджоникидзе. Я замуж выхожу.

– Поздравляю.

- Приезжайте.
- Спасибо. Вряд ли получится – мама болеет.
- Ладно, счастливо. Алле Сергеевне скажи, что я звонила.
- Хорошо, скажу. Еще раз поздравляю.

* * *

За этот год Алла Сергеевна совсем сдала. Лежала, читала книги. Работать не могла.

Катя так и не поступила в институт – нужно было работать, деньги зарабатывать. Правда, работа была хорошая – машинисткой в издательстве. Катю ценили. У нее не было такой феноменальной памяти, как у Аллы Сергеевны, зато она умела разбирать любой почерк. И печатать под диктовку, на ходу редактируя фразы.

От Регины остались только большие плетеные корзины, в которых теперь хранились картошка, лук... Регина после окончания курсов вернулась в Орджоникидзе – поступила в институт на юрфак. Писала письма.

Катю в издательстве прикрепили к писателю – Владлену Синецкому. Катя приходила к нему на дом. Тот надиктовывал очередной кусок из своего романа.

Действие романа под рабочим названием «Доярка и шофер» развивалось в колхозе. Главная героиня – доярка, боролась за увеличение надоев молока. Доярку обхаживал Председатель колхоза, который боролся за звание передового колхоза. Доярка же, поглаживая коровье вымя, мечтала о Шофере, который грузил бидоны и ни за что не боролся. В конце романа Председатель должен был оказаться вредителем советского хозяйства, Шофер стать председателем, получить звание передового колхоза и Доярку в придачу.

Владлен был относительно молод – чуть за тридцать. У него была жена – поэтесса Риммочка. Поэтесса периодически жила на даче, где ей лучше творилось. Но в Москве были рестораны, гости, общение, без чего она не могла обойтись. Риммочка разрывалась и страдала от необходимости разрываться. Катя иногда сталкивалась с Риммочкой – та скользила по Кате мутным взглядом, не фокусируя, и порывистым движением поправляла на голове шелковый платок, замотанный на манер тюрбана. Риммочка не расставалась с зеленой солдатской фляжкой. Во фляжке был спирт. Она признавала только чистый медицинский.

Владлен жаловался Кате, что они с Риммочкой друг друга не понимают – вращаются на разных орбитах. В творчестве, говорил он, всегда так. Два таланта не могут сосуществовать рядом. Таланту нужна прислуга. Чтобы приходила по звонку колокольчика, делала черную работу и уходила. Катя и была такой прислугой. Приходила по звонку телефона, печатала и уходила.

На середине романа, как раз на том эпизоде, когда Шофер, загружая очередной бидон, признавался Доярке в любви, Владлен бросил рукопись на стол, сел и зарыдал натуральными слезами. Катя решила, что автор неравнодушен к судьбе персонажа. Она перестала печатать и тактично молчала.

– Катя, Катюша, поговори со мной, – попросил Владлен.

– Хорошо, – сказала Катя и вытащила лист из машинки. Поговорить с Владленом означало посидеть и послушать. Владлену и в творчестве не удавались диалоги, зато в монологах ему не было равных.

– Риммочке плохо, – сказал Владлен. – Она слишком много работала. Не щадила себя.

– Что с ней? – спросила Катя, потому что Владлен любил наводящие вопросы. Как будто он не хотел рассказывать, а его упрашивали рассказать.

– Галлюцинации. Слуховые. Врач рекомендовал покой, перерыв в работе, свежий воздух. Но она не может без работы, не может не творить.

– А что она слышит? Голоса?

– Нет, звуки. Шорохи.

– А вы что-нибудь слышите?

– Нет. Ты же знаешь, я работаю по ночам. Сплю в кабинете. А шорохи раздаются только в Риммочкиной спальне.

На самом деле Владлен с Риммочкой давно исключили из своей жизни понятие супружеского долга. Они не только спали в разных комнатах, но даже ели отдельно. Владлен – у себя в кабинете, Риммочка – в своей спальне.

– А вы не пробовали зайти в спальню, послушать?

– Заходил. Слушал. Ничего. Правда, иногда мне кажется, что я что-то слышу, но ведь я мог поддаться под Риммочкино влияние. Я же очень впечатлителен, как все творческие натуры. Катя, это так тяжело. Не могу смотреть, как она мучается. И взгляд у нее такой стал... Станный, настороженный. Как будто сквозь меня смотрит.

Катя подумала, что у Риммочки всегда был такой взгляд – от спирта, но промолчала.

– Может, ей действительно лучше на даче пожить?

– Я ей говорил. Но теперь она не хочет ехать.

– Почему?

– Она думает, что шорохи – это какой-то знак. Понимаешь, она слышит эти звуки в какие-то особые для нее даты. В день ее рождения всю ночь не спала – шорохи усилились. Она думает, что это к беде.

– А вы что думаете?

– Я – реалист. Я не могу позволить себе верить в потусторонние силы. И мой долг – избавить жену от этих идей. Она ведь про эти шорохи всем знакомым рассказывает. Начала новый цикл стихотворений под названием «Шорохи». Представляешь, что будет с моей репутацией?

– Может, все уладится?

– Не знаю, не знаю...

Катя приходила на диктовку к Владлену два раза в неделю. В очередной ее приход дверь открыла Риммочка – еще более порывистая и мутная. Схватила Катю за руку и потащила к себе в спальню.

– Слушай, – приказала она и устала на Катю. – Слышишь? Ты мне веришь?

Катя не знала, что ответить, чтобы не обидеть больную. С больными же нельзя спорить. Нужно во всем соглашаться.

– Слышу, – сказала Катя.

– Вот! – закричала Риммочка и потащила Катю в кабинет. В кабинете за столом сидел Владлен, обхватив руками голову. – Теперь ты не будешь говорить, что я сумасшедшая. Она тоже слышала.

– Катя, Катюша, ну зачем? Зачем ты подтверждаешь ее фантазии? Господи, как я устал.

– Мы работать будем? – спросила Катя.

– Какая тут работа! Ты знаешь, что она сделала? – Владлен вскочил, начал размахивать руками. – Она привела сюда какую-то бабку с иконой. Представляешь? С иконой. Если об этом узнают! Она не понимает, чем это может грозить. Не хочет понимать. Все, Катя, иди, беги из этого сумасшедшего дома.

Катя пришла на следующей неделе. Дверь открыл Владлен. В коридор выскочила Риммочка. Катя ее даже не узнала. В халатике, без платка, черные волосы рассыпаны по плечам. Катя отметила, что нервное истощение Риммочке шло – она побледнела, похудела и похорошела. На осунувшемся лице сверкали безумием глаза.

– Хуже? – шепотом спросила Катя Владлена.

Владлен устало махнул рукой.

Они сели работать, но работа не клеилась. Владлен два раза перечитывал один абзац, забывал, где остановился, был рассеян. Сюжетная линия Председателя тоже буксовала. Владлен никак не мог решить, как именно Председатель навредил советскому хозяйству.

Вдруг в комнату ворвалась Риммочка.

– Сейчас! Долго! Громко! Быстрее! – Она кричала и тащила Владлена в комнату. Катя побежала следом.

И тут она услышала. Хрысь-хрысь. Владлен тоже услышал и смотрел испуганно на Катю. Наверное, он решил, что тоже сошел с ума. Катя подошла к окну, открыла раму.

– Нет, не надо! – закричала Риммочка и вцепилась в мужа. Владлен попятился.

Катя высунулась в окно – пятый этаж, деревья под окном. Все нормально. И вдруг опять хрысь-хрысь. Риммочка вскрикнула. Катя подняла голову – звук шел сверху. Прямо над ее головой висели санки – большие, деревянные, с железными полозьями. Они раскачивались на ветру и скребли железом по бетону. Санки свешивались на длинной веревке с шестого этажа – видимо, соседи решили их вывесить, чтобы не мешались. Балконов же не было.

После истории с санками Риммочка уехала на дачу – приходит в себя, лечить нервы.

Кате она оставила свой новый поэтический цикл «Шорохи». Катя перепечатывала стихи в трех экземплярах и не могла не согласиться – стихи были хорошими, лучшими из всех, что написала Риммочка.

Роман Владлена тоже подходил к счастливому концу – Доярка увеличила надои молока и стала передовиком производства. В конце пятилетки, которую сдавали за четыре года, она должна была выйти замуж за Шофера.

Катя осталась на ночь у Владлена в тот день, когда Шофер женился на Доярке. Сельскую свадьбу играли шумно, Катя засиделась допоздна – у Владлена был приступ вдохновения. Все случилось на рабочем диванчике в кабинете. Владлен Синицын был ее первым мужчиной.

Утром она сразу поехала на работу. Писатель после трудовых и постельных подвигов спал. Она не стала его будить.

Еще неделю Катя ждала, что ее пошлют по знакомому адресу. Но на нее навалили другие заказы. Катя не знала, что думать, – Владлен заболел, переживает творческий кризис, что-то с Риммочкой... Хотя она была не настолько наивной, чтобы не понимать – дело в той ночи, а не в кризисе жанра.

Догодка подтвердилась, когда Катя расписывалась в ведомости, получая зарплату. На бланке стояли фамилии машинисток, перечень выполненной работы с указанием имени автора и его адреса. Катя увидела на верхней строчке над своей фамилией адрес писателя. Работу выполнила ее коллега – грудастая хохотушка Лиля.

Катя получила деньги, достала из ящика шоколадку, которую принес кто-то из авторов, и подошла к Лиле.

– Лиль, как там Владлен Синицын? – спросила Катя и положила на стол шоколадку.

Лилия была болтлива.

– Нормально. Я корректорскую правку в его Доярку вносила. А что?

– Я этот роман набирала.

– Да, я знаю. Я бы тебя и по работе узнала. Просто он позвонил и попросил прислать другую машинистку. Я еще удивилась. От тебя еще никто не отказывался. У вас что-то случилось?

– Да нет, ничего.

– Ой, да не бери в голову. Ты же знаешь, их, писателей, не поймешь. Как дети, ей-богу. Хочу эту машинистку, нет, дайте другую...

– Да, ты права.

Катя вернулась с работы.

– Мамочка, я дома. Сейчас ужин приготовлю! – крикнула она из прихожей.

– Катя, иди сюда, – откликнулась Алла Сергеевна.

– Что, тебе плохо? – Катя вмиг забыла про писателя. Мать лежала на кровати. – Мама, сейчас «Скорую» вызовем. Почему ты мне не позвонила? Я бы с работы отпросилась.

– Катя, послушай меня. Похорони меня в Орджоникидзе. Рядом с Асланом. Пообещай мне. Я знаю, это ложно, но пусть Регина тебе поможет.

– Мама, ну что ты такое говоришь? Перестань. Сейчас врача вызову, он тебе укол сделает, сразу легче станет.

– Нет, Катенька, не станет. Уже не станет.

Алла Сергеевна умерла рано утром. Катя всю ночь просидела у ее постели, а часа в четыре утра задремала. Очнулась как от толчка. Мать не дышала. А Катя вдруг вспомнила. Как она сидела вот так же ночью и качала Коленьку. Задремала буквально на секунду, а Коленька дышать перестал. Детский кошмар повторился.

Потом все было как во сне. Катя звонила Регине, плакала, передавала просьбу Аллы Сергеевны. Регина тоже плакала, обещала все устроить.

Так Катя опять оказалась в Орджоникидзе. Опять была толпа из незнакомых лиц – Регининых родственников. Катя выхватила только одно – Регинино. Она действительно все устроила. Все на себя взяла – и поминки, и похороны.

Катя шла, куда вели, сидела там, куда сажали. У нее с собой даже платья черного не было. Регина дала ей свою юбку, шаль черную, повязку на голову по осетинской традиции повязала.

Людей было не много. Да и тех, кто был, Катя не знала. Слова говорили по-осетински, Катя не понимала. Она стояла и смотрела не на свежий холмик, заваленный цветами, а на могилу рядом – с общей мраморной плитой. Два портрета, фамилия и имена – Аслан и Лиана.

Лиана? Кто такая Лиана? Катя вглядывалась в лицо женщины, высеченное в камне. Не узнавала – молодая осетинка. Была смутная догадка, которую Катя отогнала, – жена дяди Аслана, мать Нины. Та женщина из ее детства, которая травки заваривала и напугала ее гаданием на кофейной гуще. Но совсем не похожа.

Вечером были столы, люди. Регина бегала с тарелками.

– Я пойду пройдуся, – сказала Катя подруге.

– Куда ты? Заблудишься. Давай я с тобой?

– Нет, я одна хочу. Я помню.

Катя, когда собирала документы Аллы Сергеевны, нашла в бумагах матери смятую бумажку с адресом. На бумажке было написано – Аслан.

Катя вышла на улицу. Дошла до автобусной остановки. Села. Ехала, вглядываясь в дома, дворы, улицы, пытаясь узнать. Ничего знакомого. Спросила у водителя, где выходить. Тот резко затормозил и открыл переднюю дверь: «Сейчас». Остановку проехали. «Иди прямо, вон туда», – сказал водитель.

Катя пошла. Дом она узнала сразу. Поднялась на этаж, постучала в знакомую дверь. Дверь открыла маленькая девочка.

– Здравствуй, а Нина здесь живет? – спросила Катя девочку.

Малышка улыбалась и молчала.

В коридор вышла женщина. Нина.

– Нина, здравствуй, ты меня помнишь? Я – Катя, дочь Аллы Сергеевны.

– Узнала, узнала, проходи.

Катя вошла. Нина стояла и рассматривала Катю. Сказала что-то дочке по-осетински. Девочка убежала в комнату.

Они сидели на кухне. Нина варила кофе. Катя не знала, с чего начать разговор.

– Это твоя дочка? – спросила она.

– Да.

– А как зовут?

– Лиана, в честь мамы.

– Красивая девочка. И имя красивое. Я ведь даже не знала, как твою маму зовут.

Они опять помолчали.

– Мама умерла. Я приехала сюда – похоронить. Она так хотела. Чтобы быть рядом с дядей Асланом, – сказала наконец Катя.

– Я знаю. Мне сказали.

– А твоя мама давно умерла?

– Через два месяца после отца. Не смогла она без него. Все повторяла – побыстрее бы отмучиться...

– А ты как?

– Нормально.

– А муж где?

– На работе. У него дежурство сегодня. Он хирург. Как отец.

– Нина, скажи, ты не против? Ну, что Алла Сергеевна там, рядом... Что могилы их рядом? – Катя разглядывала цветок на клеенчатой скатерти. Боялась посмотреть на Нину.

– Судьба такая. Не чужие ведь.

– А ты знала? Что я дочь дяди Аслана?

– Всегда знала. Мне мама сказала. Да все знали.

– Мне мама тоже сказала. Но я маленькая была. Не поняла ничего.

– Алла Сергеевна хорошая женщина была.

– И твоя мама Лиана тоже. Я помню ее травмы. Только предсказание не помню. Помню, что плохое.

А ты не помнишь, что она мне тогда сказала?

– Не помню, – ответила Нина. Но Катя почувствовала, что Нина помнит, только говорить не хочет.

– Ты когда назад? – спросила Нина.

– Завтра.

– Хорошо.

– Ты звони. Приезжай к нам, ко мне, в Москву.

– Хорошо. Спасибо.

Катя знала, что Нина не позвонит и не приедет.

– Ладно, я пойду.

Из комнаты выбежала девочка – проводить гостью. Катя погладила ее по голове.

– До свидания, Нина. До свидания, Лиана.

– До свидания.

Катя долго стояла на автобусной остановке. Теперь она осталась одна. Совсем одна. Нина, конечно, родственница. Но у нее своя жизнь, и Катя ей не нужна. Подошел автобус. Катя была единственным пассажиром. Водитель спросил: «Куда?» – она показала бумажку с адресом. Водитель кивнул и домчал ее до нужной остановки, не останавливаясь по дороге.

Регина ее ждала на улице, ходила вокруг остановки и смотрела на дорогу.

– Я уже не знала, где тебя искать. – Регина сердилась.

– Автобус ждала.

– Ты куда ездила?

– К Нине, дочери дяди Аслана. Она моя сводная сестра.

– Да знаю я.

– Откуда?

– У нее муж – врач. Хирург. Руки – золотые. К нему со всей республики приезжают. Ладно, пошли в дом. Уже все ушли.

Регина взяла подругу под руку и повела в дом. Катя подумала, что слишком долго не видела Регину. Знала, что подруга вышла замуж – за Володю, русского парня, что Регина особо подчеркивала, сына родила – Сашу. Регина сообщала новости срочными телеграммами. На свадьбу звала, на крестины. Но Катя так и не выбралась – маму не могла оставить.

– Кстати, а где Володя и Саша?

– Дома, тебя ждут. Сашка спит уже, наверное.

Катя видела Володю на вокзале. Высокий, худющий парень. Они с Региной очень смешно

смотрелись рядом – она, маленькая, кругленькая, доставала ему до подмышки. Сашка родился длинный, в отца. Регина считала его самым красивым младенцем на свете.

Катя сидела, пила чай, Регина с Володей переругивались из-за того, кто завтра поведет Сашку в садик.

Катя вдруг зажала рукой рот и побежала в ванную – ее вырвало. Она умылась. Посмотрела в зеркало. Ее целый день тошнило. И вчера, и позавчера. Катя думала, что на нервной почве и от усталости.

Она вышла из ванной. Володя ушел спать. Регина домывала посуду.

– Ты чего? – спросила Регина.

– Не знаю. Перенервничала, наверное. Устала.

– Ну-ну. А грудь появилась тоже от усталости?

– Что ты имеешь в виду?

– А то и имею. – Регина встряхнула мокрой рукой и поправила лифчик.

– Брось ты. Грудь как грудь.

– А ты посчитай, посчитай.

– Регина, тебе бы в милиции работать.

– А я и работаю. В детской комнате. Представляешь? Я тебе разве не говорила? На пенсию майором выйду. Да и с детьми я общаться умею. Они у меня шелковые ходят.

– Молодец.

– А ты все стучишь?

– Стучу.

– Может, и ребеночка успела настучать?

– Регина, не говори ерунды.

– Ну, не хочешь рассказывать, не надо.

Утром Катя стояла на вокзале. Рыдающего Сашку Володя отвел в садик и вернулся помочь с вещами. Регина собрала Кате здоровенную плетеную корзину – персики, груши, банки.

– Регина, у нас до сих пор те корзины стоят, а ты мне еще одну впихиваешь. Как я ее дотащу? И кто это все есть будет?

– Бери-бери, на такси доедешь. Еще меня вспоминать будешь, – ворчала Регина. – Я тебе там банку с огурчиками малосольными положила, на всякий случай.

– Регина, ты опять за свое? Спасибо. Приезжайте.

Катя стояла в вагоне и махала рукой. Регина на своих коротеньких ножках семенила за вагоном. Володя шагал рядом.

Катя вошла в их с мамой квартиру на Пятницкой. Села на мамину кровать. На столике еще стояли пузырьки с лекарствами, лежали очки. Катя так и не смогла все это убрать. Потом.

Катя ходила на работу. Она уже не сомневалась – беременная. Пока было не видно. Отправила Регине телеграмму – «Огурцы пригодились». Регина позвонила и долго кричала в трубку:

– Кто отец? Он что, женат? Он знает?

– Женат, не знает, – устало отвечала Катя.

– Подай в суд, пусть алименты платит.

– Не буду.

– Дура ты. Ой, у меня Сашка скандалит, – сказала Регина и бросила трубку.

На работе, конечно, пошли разговоры. Но Катя на них старалась не обращать внимания. Лиля все не унималась:

– А папаша, случайно, не Владлен Синицын?

– С чего ты взяла?

– Да он про тебя все спрашивал.

– А что спрашивал?

– Да так, как у тебя дела, как ты поживаешь? Привет передавал.

– Ну спасибо. А ты за ним закреплена?

– Да, он новый роман пишет. «Колхозница и рабочий».

– И как?

– Я не вникаю. Печатаю и забываю.

– А как его жена, Риммочка?

– Ты знаешь, говорят, она с ума сошла. Вроде в пансионате. Но на самом деле в больнице. Шизофрения у нее. Или параноя. Или и то и другое.

– Бедная.

– Пить надо меньше.

– А ты два раза в неделю к нему приезжаешь?

– Да, по вторникам и четвергам.

Начальница вошла в Катину комнату и давала ей надомную работу. Катя приезжала, забирала рукописи, печатала дома. Привозила готовое. Времени было достаточно. Она все-таки решила съездить к Владлену – поставить в известность. Сначала не хотела. А узнав от Лили, что Риммочки нет в Москве, решилась.

Визит наметила на среду, чтобы с Лилей не столкнуться. Катя надела свое самое просторное платье, заехала в издательство, забрала рукописи и поехала к Владлену. Позвонила в дверь. Тишина. Катя еще раз нажала кнопку звонка. Поддержала. Она уже собиралась уходить, когда дверь открылась.

– Ой, Катя, почему ты без предупреждения? – Владлен был растрепан и не одет, как будто только что встал с постели.

– Здравствуйте, можно мне войти? – спросила Катя. Она уже знала, чем закончится разговор.

– Прости, у меня не убрано. – Владлен стоял в проеме двери.

Катя не удержалась и улыбнулась.

– Владик, кто там? – раздался голос из глубины квартиры. Не Риммочкин.

– Машинистка, пришла рукопись забрать! – крикнул Владлен. – Ты ведь за рукописью? Лилиа что-то забыла?

Владлен говорил, опустив голову. Смотрел на Катин живот. Не выше.

– Нет, Лилиа ничего не забыла. Я пришла сказать, что жду ребенка, – выдавила Катя.

– Что ж, поздравляю. С меня подарок. Ты замечательная машинистка. Между нами, Лилиа тебе и в подметки не годится.

– Спасибо.

– Ладно, рад был повидаться.

– Владик, ты скоро? – спросил голос из комнаты.

– Иду! – крикнул Владлен. – Мне пора. Извини. Еще раз поздравляю.

– Спасибо.

Владлен захлопнул дверь.

Катя родила на пороге издательства. Так потом шутили коллеги. Она приехала забирать рукопись, и вдруг начались схватки. Хорошо, что в отделе оказалась Лилиа.

– Катя, сиди тихо. Сейчас «скорую» вызову.

– Не надо, еще рано. Восемь месяцев.

Лилиа вызвала «скорую», поехала с Катей в роддом. Лилиа волновалась больше Кати. Их посадили в коридоре, сказали, что будут оформлять. Лилиа подскочила, побежала по коридору, ворвалась в какой-то кабинет, заорала:

– Да она родит сейчас в коридоре! Да вы знаете, где мы работаем? Я вам такое устрою! – кричала она.

Катя стараниями Лилии родила через два часа. Экстренные роды. Лилиа все это время была в больнице. Катя была рада, что не одна. Одна бы она точно родила в коридоре. Лилиа успела сбегать позвонить из автомата на работу. Девочки-машинистки собрали деньги.

– Кто родился? – Лилиа хватала за руку медсестер.

– Девочка. 48 сантиметров, 2500. Недоношенная.

Лилиа порылась в Катиней сумке, которую так и держала в руках, достала ключи от ее квартиры и поехала убирать, мыть...

Катю из роддома встречал весь отдел. Даже начальница пришла. Они усадили Катю в издательскую машину – специально выбили ради такого случая – и повезли домой.

Дома у стены стояла новая кровать. На столе были стопочками разложены пеленки, распашонки, чепчики. Все переглаженное. Девочки сушили, издательский водитель Гена открывал шампанское.

– Как назовешь, Катя?

– Аллой, в честь мамы.

Девочки разошлись, а Катя стояла и плакала. Аллочка была маленькой. Очень маленькой.

У Кати от страха опускались руки. К тому же врач в роддоме сказала, что девочку надо выхаживать. В тепле. А на дворе сентябрь. Промозглый московский сентябрь. И грудью кормить. А молока мало.

Катя плакала и спрашивала у мамы, что делать. Но мамы не было, никого не было. Через месяц Катя не выдержала – взяла телефонную трубку и набрала один из номеров, который знала наизусть.

– Регина, что мне делать? – спросила она подругу. Где-то далеко кричал Сашка, скандалил Володя.

– Приезжай. Бери билет и приезжай. Разберемся, – сказала Регина.

Катя позвонила Лиле:

– Лилечка, помоги. Мне нужен билет до Орджоникидзе. Как можно скорее.

– Ладно, попробую достать. Но не обещаю, – сказала Лилиа.

Но Катя успокоилась. Лиля достанет все, что угодно. С ее-то природной напористостью и болтливостью.

Катя приехала в Орджоникидзе. Ее встречали Регина с Володей. Регина была мрачная из-за своих дел и в то же время радостная – из-за дел, которые натворила подруга. Володя молчал всю дорогу.

Они ехали в машине. Свернули в другую сторону. Катя, прижимая дочку к груди, спросила:

– Регин, куда мы едем?

– В нашу новую квартиру.

– А что со старой?

– Ой, давай потом поговорим.

Новая квартира оказалась крошечной двушкой. Катя узнала район. Здесь, буквально через два дома, жила Нина.

– А почему вы переехали? – спросила Катя.

– Пришлось. Брат женился.

Катя знала, что у Регины бесчисленное количество братьев – родных, двоюродных, троюродных. Наверное, один из братьев женился, и им пришлось разменяться.

– Вы разменялись? – спросила Катя.

– Нет, я сама ушла. Не могу жить с ними под одной крышей. Папа нам эту квартиру купил.

– Понятно.

Регинин папа уже перестал быть большим начальником, но сохранил связи и репутацию. Володю – Регинино мужа – он не признавал, и отношения с родственниками у Регины были натянутыми. Володя был инженером, но в душе – художником. Отец Регины хмыкал – не дело, чтобы мужик, хоть и русский, фигней занимался. Володя рисовал и вязал. На работу, конечно, ходил, но инициативы не проявлял. Все попытки тестя продвинуть зятя по службе рушились. Володе это было не нужно. А нужен лист бумаги, карандаш, пряжа и спицы. Володя рисовал женщину – с длинными ногами, широкими плечами. Потом он ее одевал – в струящиеся платья, короткие юбки, блузки-балахоны. Его рисунки валялись везде – на шкафах, на полу... Регина их собирала, комкала и выбрасывала. На их месте появлялись новые. Володя умел делать из ниток все, что угодно. Плел макраме – под цветочные горшки, салфетки крючком вязал, на спицах вывязывал сложные узоры. Володя мог сидеть, смотреть телевизор, а его руки жить отдельной жизнью – перекладывать нить, считать петли...

Катю с маленькой Аллой поселили в одной комнате, Регина с Володей и Сашкой устроились в другой. То, что от Регины никакого толку и помощи в смысле ребенка не будет, Катя поняла на второй день.

– Я не знаю, как с девочками обращаться. Сашка другой был, – сказала Регина и убежала в свою детскую комнату милиции. С трудными подростками ей было проще, чем с младенцем. А Володя помогал – купал, пеленал, не хуже профессиональной медсестры. Он и с Сашкой возился, разве что грудью не кормил.

Дня через три Катя оставила Аллу на Володю и пошла по знакомой дороге. К Нине. Позвонила в дверь. Дверь открыл мужчина. Катя, как его увидела, сразу подумала, что он очень устал.

– Здравствуйте, – поздоровалась Катя, – а Нина дома?

– Дома, проходите, – сказал мужчина. – Нина, – позвал он.

Нина вышла из комнаты.

– Здравствуй, это опять я, – поздоровалась Катя со сводной сестрой.

Нина провела ее на кухню. Поставила на плиту кофе.

– Ты даже не удивилась, – сказала Катя.

– Я знала, что ты приедешь, – ответила Нина.

– Я дочку родила. Алушу. В честь Аллы Сергеевны.

Она слабенькая. Восьмимесячная. Мужа нет. Ей тепло нужно и молоко. А у меня мало. – Катя неожиданно для себя выложила сразу все. И заплакала.

– Алик, – крикнула Нина, – иди сюда!

Алик зашел на кухню. Из-за его спины выглядывала девочка – уже не ребенок, но еще не подросток.

– А ты Лиана? – обрадовалась Катя.

– Да, – ответила девочка. – А почему вы плачете?

– Алик, это Катя, дочь Аллы Сергеевны. У нее дочка восьмимесячная, слабенькая. Посмотришь?

– Посмотрю. Приходите завтра в больницу, – ответил Алик.

– Лиана так выросла, совсем большая стала, – сказала Катя.

– Дети быстро растут. Особенно чужие. Ты с кем живешь?

– С Региной.

– Вот тебе травы, пусть заварит, или сама завари и пей. Молоко прибудет.

– Спасибо.

- И к Алику сходи. Он хороший врач. Как папа. Он ее вытащит.
Катя заплакала. Она долго плакала. Лиана села рядом и гладила ее по голове. Пришел Алик:
– Хочешь, пойдем сейчас посмотрим?
– Нет, все в порядке. Я завтра приду. Просто я очень боюсь.
– Не надо бояться. И плакать не надо. Нельзя.
– Не буду.

* * *

Катя, Володя, Алик и Нина вытащили, выцарапали маленькую Аллу. Володя пеленал, укачивал. Алик смотрел, назначал лекарства. Нина заваривала травы, договорилась насчет грудного молока. Брала у женщины – три рубля бутылочка. Даже Сашка помогал – тряс погремушкой. Только Регина ходила недовольная. Она вроде как оказалась лишней в этом круговороте вокруг ребенка.

Когда Алуше исполнилось восемь месяцев, Катя вернулась в Москву. Пришла в поликлинику – показать. Доктор всплеснула руками:

- Совсем другая девочка, как вам это удалось? Я уж и не думала. Замечательный, здоровый ребенок.
– Да, я знаю.

Катя работала. Стала начальницей отдела машбюро в издательстве – теперь к ней обращались по имени-отчеству, Екатерина Андреевна. Аллу отдала в ясли. Потом на пятидневку в сад. Ясли и сад были хорошими – для детей членов Союза писателей. Владлен Синицын пристроил. Екатерина Андреевна передала просьбу через Лилю. Сама не стала звонить. Тот не отказал. Отделался малой кровью. Алла росла спокойным социализированным ребенком.

Екатерина Андреевна давно встала в очередь на квартиру – не могла она жить на Пятницкой. В квартире, где мама умерла. Сердце начинало ныть, как только за порог переступала. Екатерина Андреевна очень хотела переехать. Подальше. На окраину. Где зелени много.

Квартиру им дали от издательства, когда Алле пять лет было. В Чертаново. Самая окраина, дальше ехать некуда. Зато двухкомнатную. И комнаты большие. Их дом в округе назывался «Китайская стена», «Китайка» – потому что был длинный, с аркой посередине. Китайка совершенно не вписывалась в пейзаж. Вокруг стояли серые девятиэтажки, а Китайка была облупленно-голубая. Новая, а уже облупленная. Собственно, с этого времени Алла и помнила себя. У нее была поздняя детская память.

Тетю Лилю – мамину коллегу по работе Алла хорошо помнила. Она знала, что тетя Лиля помогла ей родиться. Мама ей рассказывала, как тетя Лиля ее в роддом отвезла, как деньги собирала на детские вещи. Они после этого и сблизились. К тому же Лиля знала, что отец Аллы – Владлен Синицын. Догадалась. Тетя Лиля считала Аллу своей «крестницей» и часто приезжала к ним в гости. И с переездом на новую квартиру помогала.

Лиля вышла замуж. Удачно. По большой любви. За Димочку – юриста из Роспосылторга. Лиля там подрабатывала машинисткой на полставки. Лиля говорила, что с таким мужем не пропадет – Димочка был евреем.

Только со свекровью – Диной Матвеевной – у Лили отношения не сложились. Лиля Дину Матвеевну не любила и побаивалась.

– Как зыркнет на меня! – рассказывала Лиля Екатерине Андреевне. – Не знаю, что она там себе думает. И молчит. Лучше б сказала все как есть. Что ей нравится, что не нравится. А то молчит и смотрит. Ну ничего, внуки появятся – успокоится.

– Чем ты недовольна? Она же согласилась квартиру разменять. Как ты и хотела. – Екатерина Андреевна всегда была за справедливость.

Лиля действительно захотела разменять квартиру Димочки. И разменяла. Им досталась однушка, Дине Матвеевне – двушка. Лиля все равно была недовольна, хотя сама однокомнатную и выбрала.

– Почему ей двушка? – доставала она Димочку.

– Лиля, перестань. Ты хоть метры жилые посчитай. Там от двушки – одно название. И комната – проходная. С дверью на кухню. Тебе же там не понравилось.

Но у Лили все равно осталось чувство, что эти евреи – Димочка и Дина Матвеевна – ее обманули.

Димочка был не намного младше Екатерины Андреевны. Года на четыре. Но Екатерина Андреевна его всегда воспринимала как милого юношу. Поэтому и называла – Димочка. Выглядел Димочка тоже как милый юноша – вечный джинсовый костюм, растянутые свитера.

Димочка во время их переезда помогал вещи перетаскивать и лифт держал. Хотя лучше бы не

брался. У него от усердия все валилось из рук – развалился, например, старый журнальный столик, который еще Алла Сергеевна покупала. Столик был круглый, на трех ножках. Так у стола, как только до него Димочка дотронулся, все три ножки сразу отвалились, и тяжелый круг покатился по асфальту. Когда Димочка диван в комнату заносил, палец умудрился прищемить и диван бросил – себе на ногу.

– Дима, отойди, Катя, давай сами. – Лиля отодвинула мужа и взялась за угол дивана. Они затащили диван, подпихнули под шкаф картофельные дольки, чтобы скользил, и задвинули его в угол. Димочка потирал отбитую ногу и руководил.

Алла любила и тетю Лилю, и Димочку. Она тоже его так называла. Димочка всегда приносил «сюрприз» – конфету «Театральная». Это была их игра.

– В какой руке? – спрашивал он Аллу.

– В правой! – вскрикивала Алла.

Димочка показывал пустую руку.

– В левой. – Алла начинала подпрыгивать от нетерпения на месте.

Димочка опять показывал пустую ладонь. А потом доставал конфетку – из-за уха, из носа, из живота. Алла хохотала. Димочка тоже.

Однажды он пришел с огромной коробкой – проигрывателем и стопкой детских пластинок. Водрузил агрегат в Аллиной комнате и показал ей, как ставить иглу на пластинку.

– Пусть слушает. Пусть много слушает, – сказал он Екатерине Андреевне. – Это развивает воображение и творческие способности.

С тех пор Димочка вместо конфеты приносил новую пластинку. Алла хлопала в ладоши.

– Димочка, послушай со мной, – просила Алла.

– Пошли, – серьезно отвечал Димочка.

Вместо прежней игры у них появился ритуал – новую пластинку они слушали вместе. Димочка садился на пол, рядом устраивалась Алла. Димочка всегда смотрел на вертящийся блин пластинки. А Алла смотрела на иглу – она легонько подпрыгивала и шуршала. Когда на игле скапливалась пыль, пластинка заедала на одном месте. Алла смеялась. Она даже специально ждала, когда пластинка заест. А Димочка снимал иглу, протирал специальной тряпочкой пластинку, сдувал пылинки и ставил на том же месте.

Димочка приносил пластинки не только для Аллы, но и для Екатерины Андреевны. Однажды принес пластинку Окуджавы. Поставил и попросил ножницы. Екатерина Андреевна принесла. Димочка аккуратно вырезал из картонного футлярчика для пластинки портрет Окуджавы и прикрепил на стену кнопками. Рядом Екатерина Андреевна по собственной инициативе повесила такой же вырезанный портрет Юрия Антонова. Но пришел Димочка и портрет снял. Еще и рассердился. А Окуджава долго висел на стене.

Екатерина Андреевна иногда просила Лилю и Димочку посидеть с Аллой. Когда задерживалась на работе.

Алла ждала, когда выпадет такой день. Тогда тетя Лиля и Димочка оставались у них на ночь. Можно было не ложиться вовремя и не чистить зубы. Алла могла заснуть в большой комнате на диване, под боком у тети Лили, или на кухне – на коленях у Димочки. Утром тетя Лиля жарила гренки с сыром. По особому рецепту – внизу хлеб был поджаренный, а сверху сыр расплывался. Алла обожала эти гренки, но Екатерина Андреевна такие жарить не умела – у нее либо низ сгорал, либо сыр не плавился. Лиля приучила Аллу к гренкам – с медом, с вареньем. Самый любимый ее завтрак.

У Лили с Димочкой детей не было. Не получалось. Лиля сначала переживала, а потом плюнула – значит, не судьба, и загуляла. Димочка знал о бесконечных и скоротечных романах жены и страдал. Между окончанием одного романа и началом следующего Лиля приезжала к Кате – посплетничать. Они запирались на кухне и разговаривали. Екатерина Андреевна понимала, почему Лиля пустилась во все тяжкие, – не от большой радости, но не одобряла такое поведение. Алла ревновала тетю Лилю к матери и сердилась. Потому что тетя Лиля с Димочкой теперь приезжали к ним в гости по отдельности и больше не оставались на ночь. Тетя Лиля не жарила гренки, Димочка забывал про пластинки.

– Лиля, ну пожалей ты Димочку. Нельзя же так. Он же мучается, – убеждала Екатерина Андреевна подругу.

– А пусть не мучается. Пусть уходит, я его не держу.

– Он же тебя любит. А ты этого не ценишь.

– Ну и пусть любит на здоровье. Или тоже загуляет. Мне все равно. Хоть с тобой.

– Лиля, не говори глупости. Тоже еще выдумала.

– А что? Он к тебе равнодушен.

– Замолчи, Лиля. Димочка – порядочный человек. Держалась бы ты за него. А то останешься как я, одна. Думаешь, лучше?

– У тебя Алка есть. Что тебе еще надо?

Екатерина Андреевна так и не смогла признаться подруге. Димочка, может, и порядочный человек,

да вот она – Катя – не очень. Было у них с Димочкой. Один раз. Засиделись на кухне, вина много выпили. Димочка говорил, как любит Лилю. Екатерина Андреевна прижала его к груди и гладила по голове – жалела. А Димочка на близость женской груди среагировал адекватно.

Они про этот вечер потом не вспоминали. Как будто ничего и не было.

Неизвестно, чем бы закончилась семейная жизнь Димочки и Лили, если бы Лиля вдруг не забеременела. От кого – не говорила, но явно не от Димочки. Приехала к Екатерине Андреевне, заплаканная. Глаза вытаращенные, испуганные. Она так долго мечтала о ребенке, а теперь не знала, что с ним делать.

– Что делать? – спросила Лиля Екатерину Андреевну.

– Рожать.

– А Дима?

– А Дима отцом будет.

– Он согласится? Не его же ребенок.

– Поговори с ним.

Разговор состоялся в большой комнате в доме Екатерины Андреевны. Лиля с Димочкой сидели на диване, держались за руки и плакали. Лиля понимала, что Дима не из-за нее плачет, а из-за себя. Кто-то другой смог сделать Лилю счастливой, а он не смог. Но Екатерина Андреевна оказалась права – Димочка не раздумывая согласился записать ребенка на себя.

Лиля родила мальчика. Чернявенького. Маратиком назвали. Алла с мамой и Димочкой поехали в роддом – встречать тетю Лилю с малышом. Димочка курил и чувствовал себя лишним. Алла держала цветы. Екатерина Андреевна – чемодан с Аллиными детскими вещичками – пеленками, распашонками. Дина Матвеевна ехать встречать чужого внука отказалась.

Лилю как подменили – она превратилась в дерганую истеричку. На Маратике свет для нее сошелся клином. Маратик рос болезненным и избалованным.

Алла его терпеть не могла. И тетю Лилю тоже разлюбила – из-за Маратика. Они опять к ним в гости зачастили. Лиля сдавала Алле Маратика и шла на кухню – жаловаться Екатерине Андреевне на Димочку.

Димочка хотел полюбить ребенка, но так и не смог. Начал попивать, втихаря. Лиля не замечала – не до того было, а Екатерина Андреевна сразу поняла.

– Он к нему даже не подходит! – кричала на кухне Лилечка. – С твоей Алкой вон как возился, а этого даже на руки не берет.

– Его можно понять, – заступалась за Димочку Екатерина Андреевна. – А потом, ты Маратика совсем распустила. Совершенно неуправляемый. Что ты с ним потом делать будешь? К люстре привязывать?

– Ой, тоже мне нашлась Макаренко. За своей смотри. У Маратика тонкая нервная организация. Он необычный ребенок. К нему нужен особый подход.

– Ремень ему нужен, вот и весь подход.

– Вот свою и лупи. А я считаю, что это не метод. Я Димку прошу – принеси что-нибудь вкусное для Маратика, – тетя Лиля возвращалась к своей любимой теме, – у них в Роспосылторге и салями можно взять, и икру, и рыбку. А он знаешь, что берет? Вино или коньяк. И сам дует в одно горло.

– Но он же тебе деньги все отдает.

– Отдает. А ты знаешь, сколько творог на рынке стоит? Я Маратику по двести граммов беру. А ему каждый день нужно – для косточек.

– Раздави яичную скорлупу и давай. Тот же кальций.

– Он не будет эту гадость есть.

– Тогда таблетки купи.

– Не верю я в эту химию. Только желудок портить.

Тетя Лиля и в гости со своей, то есть Маратиковой, едой приезжала. Доставала из пакетов эмалированную кастрюльку, тарелочку отдельную и кормила с ложечки, тоже специально привезенной.

– Пусть сам ест. Пора уже, – говорила Екатерина Андреевна.

– Ничего, еще научится. Давай, золотце, еще ложечку.

Маратик сжимал зубы и отворачивался от ложки. Если видел, что мать потеряла бдительность, опрокидывал тарелку. Тетя Лиля вытирала, накладывала очередную порцию. Аллу тоже сажали есть, даже если она не была голодная. Алла послушно садилась и ела, хотя ей тоже хотелось перевернуть тарелку.

– Смотри, Маратик, как Алуша кушает. Хорошо кушает. Вон какая большая выросла. Ты тоже вырастешь. Давай, поешь вместе с Аллой.

Пока Маратик был маленький, Алла его еще терпела. Играла с ним в ладушки или в сороку-белобоку. Крутила своим пальцем по ладошке, загибала ему пальчики. Маратик то смеялся, то вдруг начинал плакать надрывно. Алла сажала его на колени и играла «по кочкам, по кочкам, по маленьким

дорожкам». Маратик опять смеялся. А как только Алла прекращала – начинал плакать. Когда Маратик постарше стал, Алла уже не хотела с ним играть. Маратик был толстый, рыхлый, в вечных соплях, которые вытирал рукавом. И вместо рыданий начинал орать на всю квартиру как резаный. Из-за ерунды. В комнату врывается тетя Лиля.

– Что, Маратик, что, моя рыба? Что случилось, мой золотой? – причитала она.

Маратик рыдал и показывал пальцем на Аллу.

– Алла, почему он плачет? Что ты сделала? – накидывалась на Аллу тетя Лиля.

– Ничего я ему не сделала. Он свой трактор сломал, вот и орет. Я ему сказала, чтобы он не трогал мои тетради, а он начал стучать трактором по столу. И тетрадь мне чуть не порвал.

– Алла, ты уже взрослая, а Маратик маленький. Ты должна уступать.

– Я уступаю – другую тетрадь ему дала. А он все равно орет.

Уходили они всегда с концертом. Маратик ложился на лестничной клетке, бил ногами по полу и орал на весь дом.

– Маратик, сокровище мое, пойдем. Домой пора. Хочешь, нажми кнопку лифта, – крутилась вокруг тетя Лиля.

– Не-е-ет, не пойду, – вопил Маратик.

– Что, что ты хочешь? Скажи маме.

– Мишку-у-у, – орал на одной ноте Маратик.

– Какого мишку?

– Моего мишку он хочет. – Алла тоже готова была расплакаться. – Не отдам. Он уже все игрушки мои по забирал. И лошадку, и зайца. Не отдам. Мишка – мой любимый. Почему я ему все должна отдавать? Это мои игрушки.

– Аллочка, отдай ты ему, я тебе другого куплю. Еще лучше, – упрашивала дочь Екатерина Андреевна.

– Не нужен мне другой. Мне этот нужен.

– Алла, ты злая жадная девочка. Ребенку игрушку пожалела, – вступала в спор тетя Лиля.

Эти споры входили в программу концерта. Алла знала, что все равно Маратик настоит на своем и ей придется отдать игрушку. И обижалась на мать – почему она ее не защищает?

Алла окончательно потеряла веру в справедливость взрослых, когда узнала, что тетя Лиля купила Маратику попугайчика. Алла давно просила у матери собаку, или кошку, или черепаху, но Екатерина Андреевна к животным была равнодушна. А Маратик захотел и получил.

Попугая называли традиционным попугайским именем Кеша. Тетя Лиля утверждала, что он будет разговаривать. Маратик, конечно, попытался оторвать Кеше лапку, после чего попугайчик стал прихрамывать. Клетку перенесли на кухню и поставили на холодильник, чтобы Маратик не достал. А у тети Лили появилась еще одна тема для жалоб.

– Ты представляешь, – говорила она Екатерине Андреевне, – я его кормлю, клетку чищу, а он меня клонуть норовит. А у этого, – имелся в виду Димочка, – с руки ест и на плечо садится.

– Не было у бабы заботы, купила баба пороса, – отшучивалась Екатерина Андреевна.

Однажды тетя Лиля приехала к ним в гости с Маратиком и Кешей.

– Вот. Держи. – Она грохнула клетку на кухонный стол.

– Ты что, Лиль? С ума сошла? – Екатерина Андреевна стала стаскивать клетку со стола.

– Забирай. Я тебе и корм привезла.

– Лиля, я его не возьму. Я не умею с птицами обращаться.

– Зато этот умеет. – Даже Алла уже знала – «этот» значит Димочка.

– Что случилось?

– А ничего, мало того что сам пьет, так еще и птицу спаивает. Прихожу я вечером домой, а этот, – теперь Лиля имела в виду Кешу, – говорит: «Кеша хочет водки». Этот наливал этому вместо воды. Я, когда услышала, чуть в обморок не упала. А у меня Маратик маленький.

– Так мне что, его водкой поить?

– Чем хочешь. Алла у тебя давно живность просит. Вот, пусть возится.

– Мамоchка, давай Кешу возьмем, – попросила Алла.

– Лиля, я не хочу, чтобы в моем доме жил хромой алкоголик. Даже если он и попугай.

– Мамоchка, ну пожалуйста. Я буду за ним ухаживать. И клетку буду сама чистить, – просила Алла.

Екатерина Андреевна сдалась. Но Кеша переезд не перенес. Через три дня Екатерина Андреевна нашла его лежащим на дне клетки кверху лапками. Она позвонила Лиле:

– Лиля, что делать? Он лежит и не двигается.

– Сделай ему искусственное дыхание, – засмеялась Лиля. – Рот в рот. Или клюв в клюв.

– Ты с ума сошла?

– Что делать? Выброси. Вместе с клеткой.

– Лиля, а почему он умер?

– А наверное, ты ему опохмелиться не дала. – Лиля продолжала веселиться. – Этот ему пивка с утра наливал.

Екатерина Андреевна с Аллой положили Кешу в коробку из-под обуви, взяли детскую лопатку, сели в автобус и поехали до конечной остановки. Там лес начинался. Они похоронили Кешу под деревом. Алла плакала. Она нарвала одуванчиков и положила на холмик.

Вернулись домой. На лестничной площадке сидела тетя Лиля.

– Ты что тут делаешь? – удивилась Екатерина Андреевна.

– Тебя жду.

– А Маратик где?

– У соседки.

– Что-то случилось?

– Случилось.

Они вошли. Аллу отправили в комнату – делать уроки. Тетя Лиля с Екатериной Андреевной закрылись на кухне.

– Ну, рассказывай, – сказала Екатерина Андреевна.

– Это ты мне рассказывай.

– Что?

– Как ты с Димкой переспала.

– Господи, Лиля.

– Что – Лиля? А еще говорила – он порядочный, ничего не может быть...

– Да ничего и не было. С чего ты взяла? – Екатерина Андреевна еще пыталась отговориться.

– Он сам мне рассказал. Напился и рассказал. Какая ты замечательная, какая нежная, какая внимательная...

– А с чего вдруг?

– Он разводиться захотел. Видите ли, решил начать новую жизнь. Сказал, что изменял мне. С тобой.

– А ты?

– А я сказала – развод получит только через суд. Он мне всю жизнь сломал. Так я его и отпустила. Пусть алименты платит. Еще и квартиру отсужу.

Лиля всегда быстро переключалась с одной темы на другую. Но Екатерина Андреевна знала – к теме измены Лиля еще вернется.

– И долго ты с ним валандалась? – спросила Лиля.

– Лилечка, ну давай без пошлостей. Ну, было. Один раз. Выпили много. Оба. Я думала, он и не вспомнит. Я-то уж точно не вспоминала. – Екатерина Андреевна врала. Она помнила ту ночь. Хорошо помнила. И забывать не хотела. Ночь была замечательная, хотя ей и сравнивать было не с чем. Разве что с Владленом Синицыным. – Прости меня. Я тебе обещаю, это больше никогда не повторится.

– Да уж в этом я не сомневаюсь. Больше к тебе не приеду. Никогда. И ты мне не звони. Кстати, и Маратику Алка не нравится. Не любит он с ней играть. Так что давай расстанемся по-хорошему.

– Лиля, ну зачем ты так? Мы же с тобой столько лет друг друга знаем.

– Только вот еще что. Я, собственно, зачем приехала? На ваши шуры-муры мне наплевать. Ты должна на суде выступить. На моей стороне. Подтвердить факт измены Димы. И то, что он пьет давно. И то, что о Маратике никогда не заботился.

– Лиля, я не могу.

– Мало ли что я не могу. Ты должна. Я тебе позвоню и скажу, когда в суд надо прийти. Все, пока, подруга.

Лиля уехала. Екатерина Андреевна сидела на кухне и плакала.

– Мапочка, почему ты плачешь? Из-за Кеши? Хочешь, мы другую птичку купим? – спросила Алла.

– Нет, дочка. Я не из-за Кеши. Я плачу, потому что очень плохо поступила. Потому что глупая я. И не знаю, что делать дальше.

– Мама, не плачь. Я же у тебя есть.

– Есть, конечно.

Лиля позвонила и сказала, что суд через две недели. Бросила трубку. Екатерине Андреевне захотелось убежать, подальше. От Лили, Димочки, суда и свалившейся проблемы. Она посмотрела на телефон и стала крутить диск. Этот номер она не набирала несколько лет.

Она знала, куда можно убежать – в Орджоникидзе, к Регине. Пусть без нее здесь разбираются. Тем более летние каникулы начались. И Аллу некуда девать. А Регина что-нибудь придумает. Да и к маме на могилу надо сходить.

– Регина, привет. Это Катя. Я приезжаю. Не знаю. Еще билеты не взяла. Скоро. Позвоню. Встретишь? Хорошо, целую. Аллочка, хочешь к тете Регине поехать?

– Хочу, хочу.

Они собирали вещи, и Екатерина Андреевна рассказывала дочери: тетя Регина – ее давняя подруга. Вместе учились. Она замечательная. Очень веселая. И бабушку знала. Бабушка жила в том городе после войны, а потом в Москву вернулась. У тети Регины есть муж – дядя Володя, он рисовать и вязать умеет и Аллу научит, сын Саша, он старше Аллы на три года, и дочка Лариса, на полтора года младше. У Аллы будет подружка. Город красивый – теплый, светлый, тихий.

Когда ехали в поезде, Алла представляла себе, как их встретит красивая добрая женщина, отвезет в большой дом.

Но все оказалось не так, как она себе представляла. Их встретил высокий худой не улыбающийся мужчина – дядя Володя. Алла поверить не могла, что этот мужчина умеет вязать. Они шли к машине, дядя Володя тащил чемоданы.

– А где Регина? – спросила Екатерина Андреевна.

– Не смогла вас встретить. У нее вызов. Вечером придет.

– А дети?

– Дома. Убираются к вашему приезду. Еле заставил. Совсем обнаглели, ничего делать не хотят. Сашке лишь бы во дворе шлаться. Год на тройки окончил. Оболтус. А у Лариски только шмотки в голове. Мои, вязаные, ей не нравятся. Магазиновые подавай. А как Алуша выросла! А была малявка.

Они приехали в квартиру дяди Володи и тети Регины. Квартира Алле показалась меньше, чем их московская. Может быть, из-за того, что вся она была завалена вещами. Вещи, книги, грязные тарелки лежали везде – на журнальном столике, креслах, вываливались из шкафа. В коридор вышли дети – длинный, сутулый, сумрачный Сашка – копия отец. И маленькая вертлявая девочка. Лариса, догадалась Алла.

– Я же велел вам навести порядок! – закричал дядя Володя.

– Мы убрали! – закричала в ответ Лариса.

Алла потом привыкла, что в этом доме все не разговаривали, а кричали. Ей мама запрещала кричать из комнаты. Говорила: «Подойди и скажи, не кричи на весь дом». А здесь дядя Володя кричал из комнаты, Лариса отвечала ему из ванной, что-то бурчал Сашка.

– Проходите, устраивайтесь, – сказал дядя Володя.

В большой комнате, которую они называли «зала», на письменном столе стоял какой-то прибор. Рядом валялись пряжа, нитки, рисунки.

– Мама, что это? – спросила Алла.

– Это вязальная машина, – объяснил дядя Володя, – я тебе потом покажу, как она работает. Иди лучше в другую комнату. Лариса, покажи Алле свое хозяйство.

Лариса повела Аллу в детскую. Саша убежал гулять во двор.

– Как вы тут живете? – спросила Екатерина Андреевна Володю.

– Нормально. Регина работает. А я вот – вяжу. – Он показал на стол. – Больше ведь я ничего не умею делать. Прав был ее отец.

– Продаешь? Регина писала, что ты на продажу вяжешь...

– Пытаюсь. На рынке стою. Но идет плохо. Зимой еще ничего – свитера расходятся. А сейчас совсем застой. Регинка ругается. Ну, ты ее знаешь. Лишь бы поскандальить.

– Когда она придет?

– А кто ее знает? Поздно. Она сюда, по-моему, только спать приходит. А живет в своей детской комнате милиции. Ей, кстати, майора дали.

– А что родственники?

– А что родственники? Мы их не трогаем, они нас не трогают. Отец так Регинку и не простил. За то, что за меня замуж вышла. Он меня никогда не уважал. Да ты помнишь, что я тебе рассказываю. Говорил, что я семью не смогу прокормить. А я и не могу. Может, ты возьмешь в Москву мои эскизы, покажешь кому-нибудь? Или вещи возьми.

– Володь, да я никого не знаю. Я же из другой области.

– Да, я понимаю.

– Ладно, давай я пойду что-нибудь приготовлю. У вас хоть продукты есть?

– Не знаю. Кочан капусты точно есть. Слушай, а ты просто так приехала или что случилось?

– Считаю, что просто так.

– Ладно.

Екатерина Андреевна собрала грязные тарелки, отправила Ларису в магазин, помыла полы, Алле дала тряпку – пыль вытереть.

Пришла Лариса с пакетом. Екатерина Андреевна борщ сварила, пирожков с капустой напекла.

Лариса крутилась на кухне, Сашка вернулся и тоже хватал с тарелки горячие пирожки.

– Господи, какое счастье, что ты приехала, – говорил дядя Володя, доедая борщ.

– Вы тут совсем, что ли, не едите? – смеялась Екатерина Андреевна. – Ладно, я поговорю с Регинкой. Совсем дом забросила.

Тетя Регина пришла со смены поздно. Все сидели за столом, ошоловевшие от еды. Лариса уснула прямо на стуле. Алла тоже зевала. Регина пришла, бросила на стол целлофановый пакет.

– Я тут вам фытчинов принесла. По дороге купила.

– А мы уже поели, – сказал дядя Володя.

Алла очнулась и смотрела на тетю Регину. Она оказалась маленькой, чуть выше Аллы, безгрудой, с огромным животом, на который мятыми складками была натянута форменная юбка. Но не это оказалось самым страшным. У тети Регины полностью отсутствовали передние зубы. Такого Алла еще не видела. Тетя Регина потянулась и чмокнула Аллу в щеку. От нее странно пахло. Алла не знала чем, но чем-то неприятным. Резким, тяжелым.

Их отправили спать. Алле сказали лечь с Ларисой – валетом.

– А это как? – спросила Алла.

– Ты сюда головой, а я в другую сторону, – объяснила Лариска. – Только не пихай меня ногами.

Они легли. Алла не могла уснуть в непривычной позе, с кашей в голове от новых ощущений. Сашка спал на кровати рядом. Алла увидела его в трусах и застеснялась. Она никогда не видела взрослого мальчика в одних трусах.

– Ларис, а чем это от твоей мамы пахнет?

– А, это? Арака. Водка осетинская. Она всегда после смены ее пьет. Расслабляется.

– А что такое фытчин?

– Пирог с мясом. Мама в ларьке покупает. Терпеть его не могу.

Алла спала, и ей снилась беззубая тетя Регина.

Екатерина Андреевна и Регина сидели на кухне. Пили привезенное из Москвы вино. Регина кусала одной стороной рта пирожок с капустой. Володя ушел спать.

– Ну, что случилось? – спросила Регина.

– Ничего не случилось. С чего ты взяла?

– Ты просто так сюда не приезжаешь.

– Да там моя подруга разводится с мужем и хочет, чтобы я на суде свидетелем была.

– А ты сюда сбежала? У тебя что, с этим мужем что-то было?

– Регин, я не в твоей детской комнате милиции сижу. Хватит меня допрашивать. Давай просто поговорим. Столько лет не виделись. Лучше скажи, чего ты себе зубы не вставишь?

– В тихом омуте черти водятся. Это точно про тебя. Ты мужика, что ли, увела?

– Никого я не уводила. Просто приехала тебя повидать, на могилу к маме сходить.

– Ну-ну. Что-то не верится, что ты по мне так соскучилась. О могиле не беспокойся. Я заезжаю туда. Осенью и весной мою там, убираю.

– Спасибо тебе.

– Лучше денег дай. Шучу. Зубов нет, потому что денег нет. Моей зарплаты только на еду хватает. А Вовка больше на пряжу тратит, чем за свои кофточка выручает. Надоело, весь дом в нитках. Дизайнер хренов. Предлагал же ему мой отец: давай устрою на нормальную работу, инженером. Так нет, этот уперся. Вот сидит и вяжет теперь. А я корячусь.

– Но он же детьми занимается...

– Плохо занимается. Сашка – троечник, у Ларки вообще мозгов нет. Кстати, я тут ей путевку в пионерский лагерь взяла. Хочешь, я Алку пристрою?

– Хочу. Только мне уехать нужно будет. Мне всего две недели дали отпуска.

– Да отправлю я ее назад, не волнуйся. Здоровая деваха, доедет. Я здесь посажу, ты в Москве встретишь.

– Спасибо, Регина. А про Нину ничего не знаешь?

– Знаю. Уехала она с мужем и дочкой.

– Куда?

– В Москву. Ее мужу там работу предложили. Он ведь хирург...

– А адреса не знаешь?

– Нет. А она тебе не звонила?

– Не звонила. Наверное, у нее мой старый телефон – на Пятницкой. А нового нет. Жаль, хотела к ней зайти.

– Тоже мне проблема – найти человека в Москве. Обратись в справочное бюро. Имя и фамилию ты знаешь. Было бы желание.

– Да, надо бы. Все, пошли спать.

Все следующую неделю Екатерина Андреевна стояла у плиты – жарила, парила, варила. Сашка с Лариской поселились на кухне. «Катяндиевна, готово? Ну, Катяндиевна». Володя учил Аллу вязать. Подарил ей крючок и показал, как сплести косичку. К концу недели Алла связала половину салфетки. Еще они вместе рисовали наряды – красивых женщин в вязаных юбках, кофточках, пальто... Дядя Володя считал, что у Аллы талант. Тетя Регина приходила вечером, дыша аракой. По привычке бросала

на стол пакет с холодными фытчинами, которые никто не ел.

В последний день перед отъездом Екатерины Андреевны в Москву, а Аллы и Ларисы – в пионерский лагерь Екатерина Андреевна затеяла генеральную уборку. Убирали все, включая Сашку, которому доверили расставить книги и сложить журналы. Лариса с Аллой занимались детской комнатой.

Лариска перебирала наряды – что брать в лагерь, что оставить. Алла застилала постели.

Она подняла простыню на кровати Сашки и увидела клеенку – коричневую, жесткую, с разводами. Алла испугалась.

– Ларис, а зачем здесь клеенка? – спросила она шепотом.

– Да ссытся он до сих пор, – спокойно ответила та.

– А почему?

– Да его воспитательница в детском саду напугала.

– Как?

– Вывела без трусов в соседнюю группу. У них знаешь, какая воспитательница была? Ужас. Еще плакать запрещала. Если заплачешь – до конца тихого часа стоять будешь голый.

– А за что?

– За то, что не спишь в тихий час.

– А Сашка что?

– А он взял и обоссался. Прямо на ковер. От страха.

– А она?

– А она ему подзатыльник отвесила и в туалет потащила. А он упал. Так она его по полу волокла.

– А дети?

– А что дети? Смеялись.

– А ты откуда знаешь?

– Так его же в мою группу привели. Без трусов стоять. Но наша воспитательница так никогда не делала. Она добрая была. Еще Сашку жалела потом.

Алла после этого с Сашкой не разговаривала – ей было стыдно за то, что она знает его тайну. То, что знать не положено.

Про Ларису Алла тоже успела узнать. От матери. У Ларисы, когда та волновалась, тряслись руки. Мелкомерно. Она продолжала писать, есть, резать хлеб трясущимися руками. Казалось, кроме Аллы, никто трясущихся рук Ларисы не замечал. Алла не выдержала и спросила у матери:

– Мам, а почему у Лариски руки трясутся? Ты видела?

– Видела. Это на нервной почве. У нее и в детстве руки тряслись. Еще сильнее. Сейчас еще не так заметно. У нее и подбородочек трясся.

– А почему?

– Потому что не лечили. Регина думала, само пройдет. А не прошло.

– А когда это началось? Из-за чего? – Аллу, как всех подростков, интересовали подробности.

Мать ей тогда не ответила. А на следующий день Алла сама догадалась о причине тремора. Тетя Регина пришла со смены. Только запах от нее был сильнее обычного. Зашла в комнату. В углу на стуле лежала куча неглаженного белья. Эта куча уже неделю лежала, и тетя Регина не обращала на нее внимания. А тут взялась.

– Ларка, ты почему белье не погладила? – заорала тетя Регина на весь дом.

– Не успела. Гуляла. Завтра поглажу! – крикнула из комнаты Лариса.

И тут тетя Регина начала вытаскивать из форменной юбки ремень – с металлической пряжкой. Намотала ремень на кулак, оставила свободно болтаться конец с пряжкой и пошла в комнату. Алла застыла на месте. Екатерины Андреевны дома не было – ушла на рынок. Дяди Володи тоже – поехал за пряжей. Сашка гулял. Алла стояла и слушала, как в другой комнате орет Лариска.

– Мамочка, не надо, я все поглажу. Не надо.

Тетя Регина вышла из комнаты, бросила ремень на стул и легла на диван. Через пять минут захрапела. Алла наконец решилась зайти к Ларисе.

Та, всхлипывая, сказала Алле:

– Пойдем во двор.

Они спустились во двор. Лариса полезла в палисадник, сорвала несколько листочков подорожника, послушавила их и приложила к ноге. На ноге алело пятно в форме пряжки. Она рвала и прикладывала листья трясущимися руками. Алла думала, что она вот-вот уронит листочек – руки ходуном ходили.

– Тебя часто мама бьет? – спросила Лариса.

– Никогда.

– А меня часто. Хотя у нас всех бьют. Ремнем еще ладно. Хуже мокрым полотенцем. Особенно кухонным, вафельным. Если его жгутом скрутить и намочить. Ужас как больно. Или крапивой. У нас тут много крапивы. Мать нарвет пучок и так отходит. Потом ходишь как ошпаренная. Горит все. Но

крапивой даже полезно. Говорят, от болезней лечит. – Лариса рассказывала про орудия битья спокойно. Даже с какой-то гордостью. Алла слушала раскрыв рот.

В пионерский лагерь – на две смены – Ларису с Аллой везла тетя Регина. У Екатерины Андреевны был билет на поезд.

– Если что, скажи тете Регине. Она к вам приезжать будет. Хорошо? – говорила Екатерина Андреевна Алла. – Я тебя в Москве встречу. Лагерь хороший. Тебе понравится. Он в горах стоит.

Алла плакала. Ей было страшно оставаться одной.

– Ну не плачь. Ты же уже большая. Смотри, как Ларочка радуется. Если тебе там не понравится, тетя Регина тебя сразу же заберет. Договорились?

– Договорились, – всхлипывала Алла.

В лагерь ехали на милицейском «уазике» по Военно-Грузинской дороге. Аллу без конца тошнило – приходилось останавливаться. Тетя Регина сердилась из-за частых остановок – ей нужно было успеть вернуться в Орджоникидзе на смену. Лариска подпрыгивала на месте от радостного нетерпения, а у Аллы крутило желудок от страха.

В лагере они с Ларисой попали в разные отряды.

Алла вошла в спальню своего отряда и пошла к кровати – разбирать сумку. Алла в комнате была одна. На стенах висели плакаты с надписями на непонятном языке. Алла знала, что это осетинский, но ничего не понимала и не говорила. Ей понравилась одна часто встречающаяся буква – к палочке русской «а» приписана «е». Алла надела шорты, майку и решила пойти поискать свой отряд. Она шла по тропинке и понимала, что что-то не так. Ребята останавливались и тыкали в Аллу пальцем. Что-то говорили. Алла решила, что так смотрят, потому что она – новенькая. И шла дальше. На футбольном поле шла игра. На траве сидели дети и шумно болели. Алла увидела Ларису. Она хлопала в ладоши и скандировала вместе с остальными: «Второй отряд, второй отряд». Алла помахала ей рукой, но Лариса не заметила. Алла подошла и тоже села на траву. Ребята стали переглядываться и показывали на Аллу пальцем. Лариса тоже повернулась – посмотреть, что происходит. Увидела Аллу, вскочила и подбежала к ней.

– Иди быстро переодевайся. Или опозоришься, – сказала она.

– А что? – не поняла Алла.

– Ничего. Ты бы еще голая пришла. У тебя сарафан есть?

– Есть.

– Вот иди и надень сарафан. Здесь нельзя в шортах.

Это тебе не в городе.

Алла встала и пошла назад в спальный корпус. Она плакала от обиды и непонимания. Спиной чувствовала взгляды и слышала шушуканье. Кто-то из ребят свистнул ей вслед. Алла побежала. Свист усиливался. Алла побежала быстрее, еще быстрее, чтобы не слышать. Добежала до корпуса, залетела в палату и села на кровать, тяжело дыша. До вечера она на улицу так и не вышла, хоть и переоделась в сарафан. Ей было страшно. Она надеялась, что придет Лариса и объяснит ей, как себя вести, что надеть. Лариса хоть и не говорила по-осетински, владела только ругательствами, но все понимала.

Лариса так и не пришла. Алла смотрела, как темнеет за окном. Она была голодная и не знала, где столовая. В палату забежала девочка – толстая, в длинной юбке. Остановилась, увидев Аллу. Подошла и что-то спросила.

Алла сказала по-русски:

– Не понимаю.

– Ты новенькая? – спросила девочка по-русски.

– Да.

– Как тебя зовут?

– Алла.

– А ты откуда приехала?

– Из Орджоникидзе. Нет, из Москвы.

Девочка вытаращила глаза, схватила Аллу за руку и потащила на улицу. Они бежали по дорожке к соседнему зданию. Оказалось, что бежали в столовую. Там рядами сидели дети и под команду пионервожатой говорили хором какую-то фразу. Алла не поняла какую. А потом узнала: «Когда я ем, я глух и нем». Только у ребят получалось «Когда я нем, я глухи ем». Девочка потащила Аллу к столу и сказала громко:

– Она из города, из Москвы.

За столом загудели. Пионервожатая сказала что-то по-осетински, и все замолчали. Аллу посадили рядом с девочкой, которая ее привела. Алла очень хотела есть, но сидела и не притрагивалась к еде. На тарелке лежал кусок мяса и вареная картошка. Рядом с тарелкой лежала ложка. Алла нагнулась к девочке и спросила: «А вилки нет?» Девочка опять вытаращила глаза и сказала всему столу: «Ей вилка

нужна». Все засмеялись, а Алла вообще расхотела есть от страха. Ее провожатая тем временем зацепила ложкой кусок мяса и ловко отгрызла половину. Остальные делали так же. Алла съела картошку и тоже потянулась за мясом. Кусок падал с ложки на тарелку, и Алла так и не смогла откусить. После компота ребята стали хватать хлеб с подноса и распикивать по карманам. Алле протянула кусок та девочка. Алла так и не спросила, как ее зовут.

– Бери, – сказала девочка.

– Зачем? – спросила Алла.

– Надо.

Алла взяла кусок хлеба, но в ее сарафане не было карманов. Она так и стояла с этим куском в руках. К ней подошла пионервожатая.

– Нельзя брать хлеб с собой, – сказала она и отобрала у Аллы кусок. Все опять засмеялись.

На сладкое были яблоки. Они лежали горой на коричневом подносе – все в черных точечках, с мятыми бочками. Меленькие. Алла даже не думала, что бывают такие яблоки. Ее мама приносила домой большие, румяные. Ребята похватили по одному яблоку, Алла тоже взяла одно. Откусила и открыла рот от оскомины – яблоко было кислющим.

– А ты с солью, – подсказала Алле ее новая подруга. Девочка послунявила шкурку и сунула яблоко в блюдец, заменявшее солонку.

Алла осторожно обмакнула яблоко в соль. Откусила. Вкусовые рецепторы взорвались. У Аллы слюна потекла по подбородку. Чтобы прожевать кусочек, приходилось громко чавкать.

– Ну как? – спросила девочка.

– Вкусно, – ответила Алла.

После ужина всех девочек повели мыться. В кафельной комнате стояли биде. Девочки, не стесняясь друг друга, садились и мылись. Алла стояла с полотенцем в руках.

– Иди, твоя очередь, – сказала та же толстая девочка. Казалось, она была единственной, кто говорил по-русски.

Алла не двигалась. Во-первых, она никогда не видела биде и не знала, что это такое. Во-вторых, она не могла мыться при всех. Стеснялась. Девочка хмыкнула и пошла мыться вне очереди.

Была еще одна проблема. Алла уже носила лифчик. Они с мамой купили комплект – трусики и бюстгальтер нулевого размера, белые, с розовыми бантиками и кружевами. Когда Алла разделась, девочки обступили ее и стали трогать за грудь, за попу. Алла догадалась, что они трогали белье, а не ее, но было неприятно. Кто-то засмеялся. Никто из девочек лифчик еще не носил, хотя у многих девочек были более развитые формы, чем у Аллы. Здесь, в этой общей помывочной, стоять нагой было более комфортно, чем в белье. Алла быстро дернула лифчик и осталась стоять в трусиках. Она решила больше не носить лифчик.

– А вы всегда так моетесь? – спросила Алла девочку.

– Ну да.

– А дома? У вас есть ванные?

– Не-а. Сейчас я уже большая и в сарае моюсь. А раньше меня мать во дворе мыла. В тазу. У нее рука скрюченная. Она на хлебозаводе работала и руку там покалечила. Культей рука висит. Поэтому мыла долго. Дергала меня за подмышки, чтоб я встала, а мне стыдно – весь двор смотрит.

Вечером в палате все достали запасенный хлеб и начали есть. Молча. Алла достала из сумки финские конфеты в коробке – мама положила. Алла была голодная. Она вытащила конфетку, развернула фантик. Ее тут же окружили девочки. Они тянули руки и что-то говорили. Алла не понимала что. Наконец до нее дошло. Девочки говорили: «Дай мне», – только у них получалось: «Да ме». Алла протянула коробку в первую попавшуюся руку. Девочки отступили. Алла залезла в кровать и закрылась с головой одеялом.

Утром она достала чемодан и заново рассматривала свои вещи. Другими, лагерными, глазами. У нее было любимое платье – короткое, с широким поясом. Сшила на заказ мамина знакомая-портниха. Алла достала это платье. К ее кровати подбежали девочки и начали копаться в вещах. Одна схватила юбку и тут же надела. Другая – платье, которое Алла держала в руках. Приложила, посмотрела и бросила назад в чемодан – не понравилось, слишком короткое. Алла подумала, что не стоит надевать это платье, и влезла во вчерашний сарафан.

Позже она разобралась в правилах общежития. Девочки менялись одеждой, все было общее. Русский понимали все, но говорили по-осетински. Многие и по-русски говорили, но мешали в речи два языка.

Толстую девочку, которая ее встретила в первый день, звали Мзиса. У Мзисы в другом отряде была сестра – Мтвариса. Мзиса рассказала Алле, что это редкие имена. А Мтвариса – вообще на всю Осетию наберется три-четыре. Мзиса взяла над Аллой шефство. Переводила, если Алла не понимала. Объясняла. Рассказывала. Про осетинские традиции.

Мзиса училась в музыкальной школе. Жила в селе под Орджоникидзе. Название «Орджоникидзе» никто не говорил. Все говорили: «Город». Мзиса умела играть на осетинской гармошке. Она сидела, смешно расставив толстые ноги, и перебирала одинаковые белые клавиши. У Мзисы была трагедия. Ее любимую учительницу – Магду Владимировну – украли. Мзиса рассказывала Алле про Магду Владимировну и плакала.

– Как украли? – испугалась Алла.

– Так украли. Замуж, – объяснила Мзиса. – Магда Владимировна больше не будет нас учить. Ей муж не разрешает. Свадьба у них богатая была. Нам по рублю дали. И конфет много. Магда Владимировна в углу стояла – такая традиция. Красивая, под покрывалом. Все подходят, покрывало с лица поднимают и смотрят. А она стоит. И глаза нельзя поднять, только в пол смотреть, и сесть нельзя. А то решат, что больная. И детей не выносит. Но Магда Владимировна хорошо стояла. За нее самый богатый выкуп дали. Потому что красивая. Три дня мы на свадьбу ходили.

– Здорово, – сказала Алла.

– Про меня уже тоже договариваться приходили, – с гордостью сказала Мзиса. – Мы с Мтварисой тоже красивые. Много за нас дадут. Меня через два года украдут. Скорей бы...

– А ты мальчика уже видела? Который тебя украдет...

– Нет, нельзя. А зачем?

– А если он тебе не понравится или обижать тебя будет, ты к родителям вернешься?

– Да ты что? Это позор. У нас соседку украли – в другое село. Она вернулась. Так ее отец на порог не пустил. Она назад пешком шла. У нас так нельзя.

– А на похоронах ты тоже была?

Аллина кровать стояла рядом с кроватью Мзисы, и они шептались по вечерам. Алла ждала этих вечеров. Потому что Мзиса рассказывала удивительные истории.

– Была.

– И что там?

– Да как обычно.

– Расскажи...

– У моей одноклассницы – Зарины – мама умерла. Нас всем классом повели на похороны. В комнате у них дома стоял гроб. И зеркала черной тканью занавешены. Заринка всю ночь у гроба просидела. Мы плакали. Мама у нее молодая была. Мы все подходили к гробу. И плакали. Плакать нужно.

– А дома? Как ты живешь?

– А что дома? Полы только не люблю мыть. Нужно промыть между половицами деревянными, чтобы земли не было. Два раза в день. Если плохо промою, мать ругаться будет. Собак и кошек кормлю. Сливаю в миски суп и хлеб туда крошу. У нас хорошие собаки – злые. А кошки в курятнике плодятся. Залезают в ящики, где куры несутся, там солома постелена, приходишь утром, а там котят. Двор мету, воду ношу с колонки, обувь мою. Всю обувь надо перемыть. А когда Мтвариса родилась, люльку качала. У нас люльки такие деревянные с дыркой посередине – чтобы писались. А под подушку мы ножницы кладем, чтобы злые духи ребенка не забрали. Он же маленький – защититься еще не может, а ножницы – острые. Злые духи испугаются и уйдут. Еще детям ниточку шерстяную красную на ручку повязывают. Вот сюда – на запястье. Чтобы не сглазили. И нельзя говорить, что ребенок красивый, здоровый. Нужно наоборот говорить. А если скажешь, то обязательно поплевать надо: «Тьфу на тебя». Тогда не сглазишь. А когда крестили Мтварису, три пирога испекли.

– Почему три?

– Традиция. Один – за прошлое, второй – за настоящее, третий – за будущее.

По утрам в лагере были оздоровительные мероприятия. Отряды водили на гору – в город Мертвых. Там, наверху, стояли гробницы. Низкие, с узкими окошками. Все заглядывали в окошки, Алла боялась. У нее закладывало уши, и приходилось часто сглатывать. Пионервожатая рассказывала про город Мертвых – сюда приходили больные и старые люди. Умирать. Иногда целыми семьями приходили.

Кроме Мзисы, Алла ни с кем не общалась. Ее сторонились, хотя сарафан успели поносить все девочки. Но Алле не занимали место в столовой. Не брали в команду играть в пионербол. Лариска бегала со своим отрядом – веселая, довольная. К Алле даже не подходила.

На родительский день в лагерь приехала тетя Регина. Лариска лопала привезенный фытчин. Доела пирог и убежала в отряд. Алла сидела и плакала.

– Что ты рыдаешь? – спросила тетя Регина тоном майора детской комнаты милиции.

– Заберите меня отсюда, пожалуйста, – попросила Алла. – Мне тут плохо.

– Не могу. Я на две смены путевки взяла.

– Тетя Регина, я вас прошу. – Алла стояла на коленях на траве, рыдала и цеплялась за мятую форменную юбку тети Регины. – Позвоните маме, она вам скажет, чтобы вы меня забрали.

– Нет, я сказала – нет. – Тетя Регина сорвала Аллины руки со своей юбки. – Мне пора. Вытирайся. Позорище. Устроила тут истерику. Все твоей матери расскажу.

– Расскажите, тетя Регина, миленькая, расскажите, что я плачу. Пусть она приедет и заберет меня. Она говорила, что если мне не понравится, вам нужно сказать и вы меня в Москву отправите.

– Все, хватит. – Тетя Регина собрала остатки фытчина в целлофановый пакет и пошла вниз по тропе – к автобусу.

Алла побежала следом.

– Тетя Регина, вы злая. Вы страшная. Толстая, беззубая, – кричала Алла. – Я вас ненавижу. И Лариску ненавижу. И Сашку ненавижу. Я знаю, что он до сих пор в кровать писается. И всем расскажу. Я маме на вас нажалуюсь. Скажу, что вы меня били. И мы к вам больше никогда не приедем. Я сбегу из лагеря. Вот увидите...

Тетя Регина до этого шла не останавливаясь и не оборачиваясь. А тут неожиданно остановилась и повернулась. Алла налетела на ее мягкий живот. Тетя Регина размахнулась и отвесила Алле пощечину. У Аллы зазвенело в ушах. Она даже плакать перестала.

– Мерзкая девчонка. Неблагодарная тварь. Ремня на тебя нет. Была б ты моей дочерью, голову тебе бы оторвала. Или посадила бы к себе в отделение, чтобы научилась себя вести, – сказала тихо тетя Регина и села в автобус.

Аллу обдало дорожной пылью. Пыль застряла в носу, и Алла закашлялась. Вытираясь на ходу подолом, она пошла назад в отряд. По дороге встретила веселую Лариску.

– Мама уехала? – спросила она на ходу.

– Да.

– На дискотеку пойдешь?

– Не знаю.

Вечером, после ужина, в лагере устраивали дискотеку. Девчонки только об этом и говорили.

Алла пришла в палату. Никого не было. Ее вещи были разбросаны по всей комнате – видимо, девочки выбирали, кто что наденет. Алла опять заплакала. Ее не заберут. Ей придется здесь жить две смены. А чтобы выжить, нужно быть как все. Алла взяла чужую юбку и надела. До этого она носила только свое. Мать ей запрещала меняться вещами, потому что это негигиенично и неприлично. Юбка была старая и вся в грязных пятнах. Но Алле она показалась очень красивой. Потом она залезла в потайное отделение в чемодане и достала свое главное сокровище – мама перед поездкой отдала ей свой набор польской косметики. Настоящий, взрослый. В наборе были тени трех цветов, два блеска для губ, румяна и две кисточки. Еще у Аллы был красный мамин лак. Алла долго его выпрашивала, и мать сдалась. Алла наредила свои обкусанные ногти, намазала губы блеском, провела синими тенями по векам. В палату ворвались девочки – они учили осетинский танец для выступления на смотре творческой самодеятельности. Аллу они не взяли выступать, потому что она – русская. Девочки замерли в дверях. Алла сидела на кровати и смотрела с вызовом. Потом подошла и положила на общий стол лак и набор косметики. Девочки подошли, но никто не решился взять первой. Тогда Алла вытащила из толпы Мзису и стала ей показывать – это тени, это блеск. Алла наредила всех девочек. Они выстроились в очередь и ждали. Алла сидела на стуле и говорила: «Следующий».

На дискотеку их палата вышла разрисованная, с красными ногтями. Они успели войти только до конца дорожки. Их увидела пионервожатая и отправила умываться. Но Алла своего добилась – ее приняли в отряд. Утром на завтраке ей заняли место за столом, а после обеда пригласили на репетицию. Аллин отряд готовил к смотру осетинский танец в национальных костюмах. Танцевали все – и мальчики, и девочки. Солистами были два мальчика: один наполовину, по матери, русский, другой – осетин. Русский мальчик занимался в танцевальном кружке и танцевал профессионально. Знал много движений. А второй мальчик – осетин-самоучка – танцевал так, что у Аллы мурашки по плечам побежали. Он покрикивал, сверкал глазами, вскидывал голову... И движения у него были правильные – резкие, рубленые. Аллу поставили в ряд с девочками и показали движения. Нужно идти мелкими шажками, как будто плывешь, и проводить руками – сначала одной, потом другой. Вперед, назад. Алла в Москве занималась бальными танцами – мышечная память не подвела. Она быстро освоила движения – ее даже пионервожатая похвалила. На следующей репетиции Алла предложила – давайте она разучит танец мальчиков, оденется как мальчик, а в конце упадет на колени, сорвет шапку, и все увидят, что она – девочка. Пионервожатая идею одобрила, но предупредила – если Алла не выучит движения, встанет в ряд с девочками.

Алла все выучила. На смотре они заняли первое место. Алле вручили почетную грамоту и значок. Алла стала местной знаменитостью. Теперь уже она по вечерам рассказывала девочкам про Москву, магазины, школу, театры.

Когда в лагере объявили подготовку к конкурсам «А ну-ка, девочки» и «А ну-ка, мальчики», Аллу единогласно выдвинули представлять отряд. Аллу готовили к конкурсу все девочки – учили печь осетинский пирог, играть на осетинской гармошке, петь осетинскую народную песню... До конкурса

оставалось два дня. Алла бежала с репетиции к своему корпусу, когда вдруг увидела Ларису и тетю Регину – они сидели на лавочке. Алла остановилась. Ей не хотелось разговаривать с тетей Региной. Но ее увидела Лариса и помахала рукой. Мол, тебя ждем, иди быстрее. Алла подошла.

– Здравсьте, – сказала она тете Регине.

– Здравствуй. Как дела? – Тетя Регина хищно улыбалась беззубым ртом.

– Очень хорошо. Я почетную грамоту получила и в конкурсе буду участвовать, – сказала Алла.

– Да, мне Ларочка рассказала о твоих успехах.

– Конечно, да с ней носятся, потому что она – русская и из Москвы. Она же тут всем разболтала, что москвичка, – вдруг огрызнулась Лариса.

– Может, ты и права, доченька, – подхватила тетя Регина. – Так вот, Алла, я выполнила твою просьбу. Я тебя забираю, как ты и хотела. Специально за тобой приехала. Я уже и билет взяла. Так что иди, прощайся с подругами и собирай чемодан. Я тебя здесь подожду.

– А Лариса?

– А Лариса на третью смену остается. Ей здесь очень нравится.

– И мне нравится. Я тоже хочу остаться. Я не могу ехать. У нас конкурс. Я девочек подведу. Они меня готовили. А до смотра два дня всего осталось.

– Ну, незаменимых людей нет. А тебе раньше надо было думать. Ты же меня просила позвонить твоей матери. Я и позвонила. Она сказала, чтобы я тебя забрала. Так что все решено.

Тетя Регина улыбалась. Алла заплакала.

– А мама за мной приедет?

– Нет. Я сказала ей, что сама тебя отвезу. Но меня с работы не отпускают. Так что придется тебе самой добираться. Через Минводы. Других билетов не было – сейчас же лето.

Аллу провожали всем отрядом. Она оставила девочкам косметический набор и два своих платья. С Мзисой они обменялись адресами – договорились переписываться.

Всю дорогу из лагеря Алла проплакала. Она думала, что они приедут к тете Регине домой. А завтра уже в Москву. Но тетя Регина оставила Аллу на автобусной станции.

– Вот тебе еда. – Тетя Регина сунула Алле холодный фытчин. – Вот автобус на Минводы. Держи билеты. Там тебя встретит Борик, мой брат двоюродный, и отвезет в аэропорт. На самолет посадит.

– А как я его узнаю?

– Он тебя узнает.

Алла села в автобус. Тетя Регина ушла на другую остановку. Алла думала только о том, что ее не узнает Борик и она останется на станции. Но Борик – Борис, – маленький коренастый мужчина с огромным животом, Аллу встретил, узнал, довез до аэропорта, проводил до паспортного контроля. А в аэропорту в Москве Аллу встречала перепуганная Екатерина Андреевна.

– Алуша, ты здорова? Что случилось? Почему ты одна? Я ничего не поняла из объяснений Регины. Почему она тебя не привезла?

– Да, здорова. Тетю Регину не отпустили с работы. Я через Минводы ехала. На автобусе. Из Орджоникидзе. Меня там Борик встречал.

– Какой Борик?

– Брат тети Регины. Двоюродный.

– О Господи. А почему она сказала, что ты заболела?

– Я не болела. Просто мне сначала было плохо в лагере, и я просилась домой, а потом стало хорошо, но тетя Регина меня все равно забрала. Специально. А Лариска на третью смену осталась.

Алла плакала. Екатерина Андреевна прижимала дочь к груди и гладила по голове.

– Ладно, ладно, перестань. Добралась, здорова, и слава Богу. Я на следующее лето тебя в какой захочешь лагерь отправлю. А с Региной я поговорю.

Екатерина Андреевна тогда в первый раз поругалась со своей лучшей подругой. Алла слышала только надрывный голос матери.

– Как ты могла? Я же тебя просила! – кричала Екатерина Андреевна в трубку. – Она же еще ребенок. А если бы с ней что-то случилось? Ты бы свою Ларису так отправила? Это моя дочь, и я знаю, как ее воспитывать. Ты со своими лучше разберись – они у тебя вечно в сраче и голодные. Ты ни пожрать не можешь приготовить, ни убрать. Не смей так про нее говорить. Она не просто так взбрыкнула. Да как ты посмела ее ударить? Нашла с кем связываться. Мало ли что она тебе сказала. Других методов нет? Только рукоприкладство? Тебя только к малолетним преступникам можно подпускать. А нормальных детей ты ломаешь через колено. Вот и сиди в своей детской комнате милиции. И не звони мне. Знать тебя не хочу!

В Москве жизнь вошла в привычное русло. Алла училась в школе, Екатерина Андреевна работала.

– Мама, а почему к нам Димочка с тетей Лилей не приезжают? – спросила как-то мать Алла.

– Димочка уехал. Далеко. В другой город. А у тети Лили дел много.

Димочка действительно уехал. После развода с Лилей. Хотел куда подальше. Выбрал Нижневартовск. Открыл там свою юридическую консультацию. Кооператив. Дела пошли. Екатерина Андреевна узнала об этом от Лили. Та позвонила после развода. Лиля зла на подругу не держала – все равно получила все, что хотела. Димочка ей и квартиру оставил, и деньги присылал регулярно. Они договорились встретиться. Лиля приехала, села на кухне. Рассказывала: Маратик растет, абсолютно гениальный ребенок. Только его никто не понимает. Лиля его пристроила в спецшколу, английскую. Еле устроила. А там учителя – идиоты. Не понимают, что Маратик – гений, и двойки ему ставят. А к нему нужен подход. Индивидуальный. Да, он ленивый, как все гениальные люди.

– Представляешь, предлагают его в обычную школу перевести! – кричала возмущенная Лиля.

– А ты что?

– А что я? Только успеваю икру да конфеты носить – завучу, директору. Это-то ладно. Дети сейчас такие жестокие. Маратика дразнят. Жиртрестом обзывают. А он же добрый мальчик, ответить не может. И страдает. Приходит из школы и плачет.

– А ты его отдай в спортивную секцию, – посоветовала Екатерина Андреевна.

– Да ты что? От спорта мозги атрофируются.

– Ну не все же...

– Эх, Катя, был бы у тебя мальчик, ты бы меня поняла. С девочками проще. Выйдет замуж и все, свободна.

– Алла ходит в обычную школу, у них там приличный уровень образования.

– Так твоей Алле много и не надо. А Маратику нужна только спец.

– Димочка как?

– Да как? Лучше всех. Никакой ответственности. Гуляй не хоч. Наверняка у него там баба есть. Деньги присылает, лишь бы отвязаться. А на Маратика ему как было наплевать, так и сейчас наплевать. Он с тобой в одну дуду дует – отдай в обычную школу, в спорт. Был бы родной отец – по-другому бы разговаривал.

Алла училась в седьмом классе, когда Димочка опять появился в их жизни.

Он позвонил из Нижневартовска. Было уже поздно. Екатерина Андреевна взяла трубку и даже сначала не поняла, кто звонит.

– Какой Дмитрий? Димочка, о Господи. Где ты? В Москве?

Было плохо слышно, Екатерина Андреевна кричала в трубку. А потом связь вообще прервалась. Она еще долго сидела рядом с телефоном – думала, что Димочка перезвонит, но телефон молчал. Димочка позвонил сразу в дверь. Екатерина Андреевна открыла и опустилась на пуфик в прихожей. На пороге стоял не Димочка, а Дмитрий. От прежнего милого юноши ничего не осталось. Димочка поправился килограммов на двадцать, заматерел, был в костюме и при галстук. Екатерина Андреевна наконец признала, что они с Димочкой в общем-то ровесники. В руках он держал коробку.

– Где Алла?

– Алла, Димочка приехал! – закричала Екатерина Андреевна.

Алла выскочила из комнаты, побежала навстречу Димочке и в последний момент остановилась. К Димочке она могла броситься на шею и обвить его ногами, а к этому взрослому мужчине – нет.

– Аллочка, смотри, что я тебе привез. – Димочка, казалось, не заметил неловкости.

Он занес коробку в ее комнату и отклеил скотч. В коробке оказался магнитофон. Настоящий. Длинный, двухкассетный, похожий на подводную лодку. Алла о таком даже и не мечтала. Димочка порылся в сумке и достал аудиокассеты. Сверху на стопочку положил конфету «Театральная». Алла засмеялась, засунула конфету за щеку и уткнулась в магнитофон. Димочка пошел на кухню – общаться с Екатериной Андреевной.

– Как ты? Какими судьбами? – Екатерина Андреевна суежилась. Ставила чайник, доставала чашки.

– Нормально. В командировку приехал.

– Какой ты молодец, что зашел. Я так рада тебя видеть.

– Да вот думал: зайти – не зайти?

– Господи, он еще думал. Ну, рассказывай. Как тебя туда занесло?

– Там деньги, понимаешь? И возможностей много. Я там консультацию открыл, через полгода квартиру купил. Трехкомнатную. Лиле деньги посылаю. Не жалею. Может, и ты переберешься? Ко мне.

– Да ты с ума сошел! А Алла?

– А что, там школ нет, по-твоему? Еще лучше, чем московские. Зато за год там заработаешь столько, сколько здесь за три. Подумай. Я тебя к себе возьму – в консультацию. Не захочешь у меня работать, не надо. Другое место найдем. А можешь просто замуж за меня выйти, и тогда вообще работать не надо.

– Димочка, ты изменился. Стал таким брутальным, что ли. Повзрослел. У тебя виски седые. Ты с ума сошел? Какой замуж?

– А вот ты совсем не изменилась. Как была без руля и без ветрил, так и осталась. Я тебе светлое будущее предлагаю, а ты говоришь, что я сумасшедший.

– Ну спасибо.

– Ты прости меня, что я тогда тебя впутал в наши с Лилькой дела. Не хотел ей говорить про нас, само вырвалось.

– Что было, то было.

– Вот и правильно. Я по случаю примирения приглашаю тебя в ресторан.

– Это с удовольствием. Я давно нигде не была.

– Вот и хорошо. Я поеду – у меня дела. Закажи такси и вечером приезжай. Я столик заказал.

Вечером Екатерина Андреевна надела вечернее платье, уложила волосы.

– Ты куда? – спросила Алла.

– С Димочкой, в ресторан. Вернусь поздно. Не жди меня. Ложись спать. Я сама дверь открою.

Екатерина Андреевна вернулась утром. Алла смотрела телевизор и завтракала.

– Ты обещала вернуться поздно, а вернулась рано, – огрызнулась Алла. Она обиделась на Димочку за то, что он не пригласил и ее.

– Алуш, не бурчи. – Екатерина Андреевна была непривычно веселая и возбужденная. – Засиделись. Поздно было ехать. А как ты смотришь на то, чтобы мы в Нижневартовск поехали? К Димочке? Ненадолго. Если не понравится, вернемся.

– Я никуда не поеду. Если хочешь, поезжай одна. Я здесь останусь.

Алла чувствовала – сейчас все зависит от нее. Если скажет «нет» – мать никуда не поедет. Алла и сказала «нет». Но страх был – а вдруг Димочкино «да» перевесит ее «нет»?

Димочка уговаривал Екатерину Андреевну по-своему. В любви признавался. Говорил, что помнит ту их ночь и лучшей ночи в его жизни не было. Алла использовала свои методы – огрызалась, не хотела выходить из комнаты, когда приходил Димочка, бросала трубку, если он звонил. Екатерина Андреевна мучилась. Разрывалась между дочерью и перспективой новой жизни с любимым мужчиной.

– Алка, ну что ты окрысилась? – спрашивал Димочка из-за двери комнаты. Алла взяла медицинский бинт и перемотала между ручкой и спинкой кровати. Чтобы никто не открыл.

– Я не окрысилась. Мне на тебя наплевать. Я не хочу никуда ехать. Могу здесь одна остаться.

– Алла, ты уже взрослая. Ну пойми ты меня. По-живому режешь, – говорила, обращаясь к закрытой двери, Екатерина Андреевна.

– А мне наплевать. Я не поеду.

За дверью сначала все утихло, а потом дверь распахнулась – Димочка перерезал бинты ножом.

– Послушай меня, – начал Димочка, когда вошел. Алла молчала, демонстративно уткнувшись в учебник. – Подумай хоть раз о матери. Нельзя всю жизнь быть такой эгоисткой. Не ломай ей жизнь. Для нее это, может быть, последний шанс. Ты хочешь, чтобы она одна осталась на всю оставшуюся жизнь?

Алла не выдержала:

– Это ты-то – последний шанс? – Они с Димочкой еще в прошлой жизни были на ты. Друзья. – От тебя тетя Лиля сбежала, и мама сбежит. И еще лучше себе найдет. А тетя Лиля говорила, что у тебя есть другая женщина. Вот и живи с ней. А мою маму не трогай.

– Не смей так со мной разговаривать, соплюха.

– И ты не смей меня так называть. Тоже мне нашелся папаша. Как хочу, так и разговариваю. Ты мне – никто. И маме моей – никто. Думаешь, носил мне пластинки, так теперь все можно? Ты знаешь кто? Урод. Придурок. Мерзкий отвратительный придурок! – Алла уже кричала.

В комнату ворвалась Екатерина Андреевна и впервые в жизни ударила дочь. Не просто ударила – лупила по лицу обеими руками, пока ладони не начали гореть. Алла даже не пыталась закрыться или увернуться. Стояла и плакала. Екатерина Андреевна на секунду остановилась, схватила первое, что под руку попало, – учебник, и принялась лупить дочь учебником.

Остановил рукоприкладство Димочка.

– Катя, хватит. Успокойся, – сказал он и вывел Екатерину Андреевну из комнаты.

Алла тогда сбежала из дому. К однокласснице Ирке. Ирка в соседнем подъезде жила, так что Алла недалеко убежала. И нашли ее быстро. Димочка больно заломил ей руку за спину и привел домой.

Они уехали в Нижневартовск с Димочкой через две недели. Алла эту новую жизнь помнила обрывками.

Помнила, например, кафе-мороженое. Темное и холодное. Но туда ходили все ее новые одноклассники после уроков. Мороженое делалось в огромном автомате, похожем на холодильник. В вафельный стаканчик – не хрустящий, а какой-то размокший – бармен выдавливал плюху ядовитого цвета. Желто-зеленого. Мороженое было невкусным. С комками, прилипавшими к нёбу. Но Алла

видела, как его ели ее одноклассники – жадно заглатывая, и тоже жадно глотала.

Еще она помнила учителей в школе. Музыку преподавал Иван Иваныч, стриженный ежиком мужчина с татуированными пальцами. Он играл на аккордеоне. Гимн Советского Союза. Они вставали и пели. На каждом уроке. Однажды урок заменяла другая учительница – Алла не помнила, как ее звали. Учительница поставила на проигрывателе пластинку. Бетховен. Все засмеялись. Сорвали урок. На следующем уроке Иван Иванович заставил всех петь гимн десять раз подряд. В наказание. Иван Иванович был бывшим эком. Такие ходили слухи. Его боялись. Мальчишки говорили, что он отсидел за изнасилование. Девочки – что за воровство. Потом появилась версия, что и за то, и за другое. Одна Алла знала правду. Она сидела за одной партой с Олей Егоровой. А Оля была племянницей Ивана Иваныча. И Оля по секрету рассказала Алле, что Иван Иваныч отсидел за убийство. Но он на самом деле не виноват.

Русский язык и литературу преподавала Ирина Валерьевна. Крановщица. Ее так и звали – Крановщица. Раньше Ирина Валерьевна действительно работала крановщицей, а потом пошла в преподаватели. Ее взяли – учителей не хватало. Алла не знала, что это за профессия – крановщица. Но была уверена, что это что-то неприличное. У Ирины Валерьевны тоже все классы уроки срывали. У Аллы был пенал – московский. Железная коробочка с рисунком – Микки-Маус. Мама подарила. Крановщица Ирина Валерьевна, когда проходила мимо Аллиной парты, всегда брала в руки этот пенал. Крутила. Рассматривала.

Был диктант. Алла дала списать Оле Егоровой. Крановщица увидела.

– Я забираю у тебя пенал, – сказала Ирина Валерьевна.

– За что? – Алла готова была расплакаться. Пенала ей было не жалко. Себя жалко.

– За то, что дала списать. Диктант будете переписывать. Обе.

Ирина Валерьевна вытряхнула из пенала Аллины ручки и карандаши и унесла. Положила на стол. Алла сидела, глотала слезы и вдруг увидела, как Крановщица убирает ее пенал к себе в сумку.

– Она мне его отдаст? – спросила Алла у Оли на перемене.

– Да прям, – ответила Оля. – Сыну отнесет. У нее сын во втором классе.

– А ты откуда знаешь?

– Мне дядя рассказывал.

– Она не имеет права.

– Почему? – удивилась Оля.

– Слушай, а здесь есть родительские собрания? – спросила Алла.

– А это что такое?

– Когда приходят родители, им журнал показывают, рассказывают, кто как учится...

– Не-а, здесь только деньги собирают. Говорят, сколько принести. Да и кто придет? Мои точно не придут.

Алла решила обязательно отомстить Ирине Валерьевне. Случай скоро представился. Приезжала комиссия из роно, и Ирина Валерьевна готовила открытый урок. Задала Маяковского. Алла подговорила девочек из класса прочитать вместо Маяковского Набокова. «Лолиту».

– А про что там? – спросила Оля Егорова.

Алла подумала и выдала единственный вариант, который должен был сработать:

– Про секс.

На открытом уроке Ирина Валерьевна пересказала биографию Маяковского, основные вехи творчества. Настало время вопросов. Алла подняла руку. Оля тоже. Ирина Валерьевна, не почувствовав подвоха, вызвала Олю. Оля вышла к доске и сказала, что Маяковский ей не нравится, а нравится Набоков. Особенно его произведение «Лолита». Ирина Валерьевна пошла пятнами – она не читала Набокова. Поэтому попросила Олю пересказать краткое содержание произведения. Решила сориентироваться по ходу. Оля начала пересказывать. На фразе «Он ее хотел, потому что старый...» Ирина Валерьевна сломала ручку, которую крутила в руках. Мальчики заржали.

– Все, достаточно. Садись, – процедила Ирина Валерьевна, пообещав себе все рассказать про выходку Оли ее дяде – Ивану Иванычу.

Комиссия из роно застыла с открытыми ртами. Женщина в красном костюме на задней парте ерзала на стуле. Ирине Валерьевне нужно было спасти урок, и она вызвала Аллу. Та одна сидела с поднятой рукой.

Алла вышла к доске. Рассуждала о чувствах, любви, страсти. Ее одноклассники и даже гостя из роно слушали как замороженные. Ирина Валерьевна не умела так владеть аудиторией.

– Вы что, сговорились? Я задавала Маяковского! – закричала Крановщица.

Девочки в классе загалдели. Маяковский – неинтересно, а это – интересно. Почему они не могут читать Набокова?

Женщина в красном костюме встала и вышла из класса.

– Вы за это ответите, – сказала гостя Ирине Валерьевне.

После сорванного открытого урока Ирина Валерьевна пошла к директору. Она догадалась, что

Набоков – идея Аллы. Другие бы не додумались. Крановщица требовала выгнать Аллу из школы.

– Да не могу я ее выгнать, – отбрыкивался директор, – у меня проблемы с кирпичом для нового здания, а ее отчим – юрист, мне документы обещал сделать. И с унитазами помочь. Ты вот можешь унитазы достать? Нет? А он может. А Набоков, он классик или кто-то из современных?

Ирина Валерьевна уволилась по собственному желанию. Девочки говорили – опять стала крановщицей.

Еще здесь был урок труда. Мальчики делали табуретки. Девочки шили фартуки и косынки или готовили картошку с тушенкой.

Алла никак не могла справиться с ножной швейной машинкой. Шов получался кривым. Учительница – Нина Павловна – давала задание и уходила.

На очередном уроке Алла разрешила выкройку своего фартука и косынки на маленькие лоскутки. Кромсала, пока ткань не превратилась в пыль. Села за стол, взяла лист картона от выкройки, краски, клей. Алла нарисовала на листе картона ствол дерева, ветки. Намазала клеем вокруг веток и посыпала лоскутками. Ткань прилипла. Получалось осеннее дерево. Из голубой косынки Алла сделала небо. На траву под деревом пошли обрезки косынки Оли Егоровой.

– Ты что делаешь? – спросила Оля.

– Осень. Дерево.

– Красиво. Только тебе Пална два влечет.

– Ну и пусть.

– Давай я тебе сошью? – предложила Оля.

– Не надо. Я тебя и так с Набоковым подставила.

Олю после того открытого урока дядя Иван Иванович посадил в карцер на неделю. Ее не отпускали гулять. Сначала, правда, отлупил.

– Да ладно тебе. Весело было. И русского теперь нет. – Оля улыбалась.

Русского и литературы у них действительно не было. Новую учительницу не могли найти.

Оля быстро раскроила косынку и фартук. Села за машинку и прострочила. Ровненько. Оля хорошо шила. Не только фартуки. Она и юбки себе шила, и наволочки. Наволочки – на продажу. Ее мать договаривалась насчет заказов, а Оля шила по ночам. Все деньги родители Оли пропивали. Иван Иванович помогал. Пропивать.

– Держи. – Оля протянула Алле готовый фартук.

– Спасибо. Только Пална не поверит, что это я сшила.

Оля спасала Аллу и на уроках по основам кулинарии. Вставала с ней в пару. Олина мама работала в местном главном ресторане – официанткой. Оля знала немыслимое количество блюд. Она могла уболтать Нину Павловну рецептами судака по-польски и салата оливье. Алла в это время успевала смешать недоваренную картошку с тушенкой.

Еще у Оли были младшая сестренка Людмила и собака Найда, потому что найденная. Сестренка была тихая, собака – буйная. Алла вообще собак боялась, а эту – дворняжестую, подобранную Олиной матерью у мусорного контейнера рядом с их рестораном, овчарку – особенно. Овчарка Найда была не только с изломанной родословной, но и с искаленной психикой. Когда Людмилке было года два, овчарка ее покусала – малышка потянулась за своим мячиком, Найда мячик не отдавала. Людмилке наложили швы. Собаку не усыпили, на чем настаивали врачи, соседи и даже Иван Иванович. Но Олина мать свалила вину на Людмилку, выгородив собаку. Девочка росла. Швы бугрились на пухленькой ручке белым червем.

У них на звонке всегда висела записка – «Не звонить, стучать». Оля говорила, что сестренка просыпается от звонка. Найда в отличие от Людмилки реагировала на стук. Собака начинала лаять, Людмила просыпалась и безутешно плакала.

Алла приходила к Оле учиться шить. Нина Павловна уперлась и ни в какую не хотела ставить Аллу хотя бы тройку. Оля предложила взять над Аллой шефство. Нина Павловна согласилась.

За стеной гуляли Олины родственники – Иван Иванович играл на баяне, Олина мать пьяненько тянула: «Белой акации...» Людмила хныкала, Найда выла. Оля с Аллой шили. Алла на всю жизнь запомнила, как выворачивать и где прострачивать наволочку.

Алла помнила хор. Она и в Москве пела в школьном хоре. Здесь тоже пошла. Хор вела Елена Ивановна. Пели детские песни. Аллу поставили петь вторым сопрано. Они не успевали репетировать, в основном выступали. На концертах в День нефтяника, основания города, годовщины скважины... Елена Ивановна в день концерта в Доме культуры надевала платье с люрексом и туфли на каблучках. На голове делала начес и посыпала волосы серебрянкой. Серебрянка, как объяснили Алле девочки, это такая краска. Но не как краска, а как порошок. Его в краску добавляют и батареи красят. Алле рассказали и еще несколько секретов северной красоты. Чтобы не мыть голову, можно волосы мукой посыпать, а потом стряхнуть и расчесать. А чтобы начес лучше держался, нужно намазать волосы водой с сахаром.

Елена Ивановна бегала по фойе и ловила за руку учеников, которые пили газированные напитки и объедались печеньем и конфетами в буфете. Для хора все было бесплатно. Алла тоже запихивала в рот конфеты, давилась и рыгала газировкой. С большим традиционным опозданием на сцену выходил хор. Алла всегда стояла на принесенной на сцену гимнастической скамейке справа, с краю. Елена Ивановна перед выступлением брызгала себе в рот из флакона с духами. Тайком, чтобы никто не видел. Но все видели. И все знали, что Елена Ивановна перед концертами пьет коньяк. Из плоской бутылки, которую прятала в вечерней сумочке, расшитой люрексом. Прихлебывала и давала отпить аккомпаниаторше. Шатаясь на каблуках, Елена Ивановна выходила на сцену, вставала спиной к залу и показывала ученикам кулак. Все начинали давиться смехом. Алла каждый раз боялась грохнуться со скамейки. Но однажды грохнулась Елена Ивановна. Она раскачивалась в такт музыке, бурно дирижировала и вдруг оступилась и упала на дощатый пол. Вечернее платье задралось, и все увидели ее панталоны. Елена Ивановна пыталась подняться, а хор продолжал петь – про орлят, которые учатся летать. Елена Ивановна так и не смогла встать на ноги. Кто-то за кулисами дернул занавес. После концерта занятия в хоре отменили на неделю. Через неделю Елена Ивановна вернулась в строй. Нужно было готовиться к концерту ко Дню города.

Алла и на репетициях сидела во втором ряду, с краю. На сбитой на скорую руку лестнице. Перед ней всегда сидела девочка по фамилии Мясоедова. Мясоедова была звездой их хора. Самой талантливой. Солисткой. Особенно Мясоедовой удавалась песня про Ленина. Ее хрустальное сопрано разносилось по залу: «Ленин всегда живой, Ленин всегда со мной...» Мясоедова пела со слезой в голосе. Елена Ивановна украдкой вытирала коньячную мокроту под носом. Все девочки завидовали Мясоедовой. В обычной жизни ее хрустальное сопрано превращалось в визгливый склочный голосок, дерущий уши. Девочки с ней не водились. Мясоедова специально выбрала себе это место – с самого края. Зная, что Елена Ивановна ее вызовет к фортепьяно или пересадит в середину. Но Мясоедовой нравилось пересаживаться у всех на глазах, нравилось, что ее выделяли. Мясоедова говорила всем, что поедет поступать в Москву в консерваторию. Елена Ивановна подтверждала – там ей самое место. Алла спокойно относилась к Мясоедовой. Поэтому так и не смогла объяснить Елене Ивановне причину своего поступка. Мясоедова как всегда собиралась сесть на свой стул с краю. Алла вдруг обвила ногами ножки ее стула и в тот момент, когда Мясоедова почти села, выдернула из-под нее стул. Мясоедова плюхнулась на пол. Алла сказала, что случайно зацепилась. На следующей репетиции Алла опять выдернула стул. Сначала разоралась Мясоедова, потом Елена Ивановна. Аллу спрашивали: почему? Она молчала. Пообещала больше так не делать. Но Мясоедова еще долго сначала хватала стул руками и только потом садилась.

Жили они не так, как в Москве. Екатерина Андреевна часто плакала. Димочка работал целыми днями. Вечером приходил пьяный. Музыку больше не слушал. Алла видела, что и с матерью что-то происходит. Она вздрагивала, когда Алла неожиданно заходила на кухню. Начинала суетиться. Даже голос изменился – стал заискивающим по утрам, а вечерами – истеричный. Екатерина Андреевна стала быстро раздражаться, срывалась, начинала кричать на Аллу.

Алла рассказала про изменения с матерью Оле. Больше было некому. Не Мясоедовой же.

– Да она пьет, наверное. Моя тоже, как выпьет, орать начинает. И с отцом дерется, – спокойно сказала Оля.

– Да ты что? Моя мама не пьет. Ну по праздникам только – вино или шампанское. И бутылок нет.

– А ты поищи. Наверняка прячут.

– Твои, может, и прячут. Моя мама не такая.

Алла даже обиделась на Олю и два дня с ней не разговаривала. Но кухню решила обыскать. Отодвинула в шкафу пакеты с мукой, макаронами, гречкой, на полки залезла. Нигде нет. Только продукты.

– Не нашла, – отчиталась она Оле.

– Не там искала. Значит, в комнате прячут.

У Аллы была своя комната – кровать, стол и сколоченный деревянный шкаф. Алла, когда приходила домой, приоткрывала дверь, нащупывала выключатель и включала свет. Ждала в коридоре пять минут и только потом заходила. Если зайти и включить свет, в щели самодельного шкафа залезали тараканы. Они бежали коричневым полчищем, спотыкаясь, наталкиваясь друг на друга. На кухню Алла вообще старалась не заходить без особой надобности. Там тараканы даже на свет не реагировали. Алла однажды схватила тапочку и раздавила одного таракана. А потом увидела, как из раздавленного брюха вылезает капсулка с личинками. Аллу вырвало.

В ванне был засорен сток. Воды всегда было по щиколотку. Стекала в водопровод медленной струйкой, оставляя на бортиках грязную каемку. Если Алла заходила после Димочки, каемка была почти черная и широкая. Алла поливала душем на стенки ванны и смотрела, как медленно стекает грязь и собирается вокруг стока. До конца грязь так и не удавалось смыть.

– Мапочка, давай уедем домой, – просила Алла.

– Уладится, все уладится, – заискивающим голосом отвечала Екатерина Андреевна.

У них с Димочкой была своя комната, которая запиралась на ключ. Дома в Москве у них никогда не было замков в дверях. А здесь были. Даже в Аллиной комнате. Но ей запретили запирались. Ключ от второй комнаты был у Димочки и Екатерины Андреевны. Когда они уходили, дверь всегда запирали.

Как-то вечером пьяный Димочка выдал Алле флакон дихлофоса.

– Завтра потравишь. И в нашей комнате тоже, – сказал он Алле. – Только окна открой – проветрить. Вот тебе ключ.

Завтра была суббота. Димочка с Екатериной Андреевной уехали – в гости. Там все ходили друг к другу в гости, даже не предупреждая. Надолго. Могли на трое суток в гости уйти.

Алла побрызгала дихлофосом в своей комнате, открыла форточку. Достала оставленный ключ и пошла в другую комнату. Прежде чем прыснуть дихлофосом, решила провести обыск. Долго искать не пришлось. Батарея бутылок стояла в серванте, на нижней полке. Водка, водка, водка. Бутылок десять. Одна – наполовину пустая. Алла закрыла эту дверцу и открыла следующую. Там стояли кассеты. Без коробок.

У них был видеомагнитофон. Из Москвы привезли. Магнитофон еще был в местном клубе, где за десятку можно было посмотреть «Тома и Джерри». Все бегали смотреть, даже старшеклассники, и Алла бегала. Потом всех детей выгоняли, гасили свет и крутили другие фильмы. Старшеклассники говорили: «Порнографию». Алла не знала, что это такое. Она никому не говорила, что у них дома тоже есть видак. Тогда бы все из школы приходили домой к Алле – без предупреждения. И требовали бы включить видак. А у них дома и так по вечерам собиралась толпа народу. В основном друзья Димочки. Они закрывались в комнате и сидели до полночи. Аллу Димочка гонял на кухню – чайник поставить, бутербродов нарезать, рюмки принести.

Алла на всякий случай заперлась изнутри и поставила видеокассету. Почему-то она поняла сразу – изображение, которое появилось на экране, и называется «порнография». Алла вытащила кассету и поставила на место. Схватила тряпку и вытерла пыль, как будто хотела стереть свои отпечатки пальцев.

На вопрос, почему она сделала то, что сделала, Алла так и не смогла ответить. Хотя мама, как Елена Ивановна, допытывалась: «Алуша, ну почему?» Алла повернула в замке ключ еще на один оборот, закрыла форточку, набрызгала в комнате дихлофосом и легла на пол.

Екатерине Андреевне в тот вечер в гостях было плохо и душно, еще и с Димочкой поругалась. Поэтому домой она вернулась раньше. На лестничной клетке собрались соседки и втягивали носом воздух.

– Кать, не от вас несет? – спросила Екатерину Андреевну соседка напротив.

– Нет, не от нас. Алла дома.

– А вроде от вас, – не отставала соседка.

Она зашла в квартиру вместе с Екатериной Андреевной. Тут же выскочила – дышать было невозможно. Дверь в запертую комнату ломал пьяный муж соседки. Он же вытаскивал Аллу на лестничную клетку. Соседка вызвала «скорую». Муж соседки хлопнул еще рюмку и понес Аллу на руках на улицу – чтобы время не терять.

Алла очнулась в больнице. Увидела мать. Екатерина Андреевна плакала и спрашивала: «Почему?» А Алла смотрела на мать – враз постаревшую, опустившуюся, сильно накрашенную и совсем чужую. Екатерина Андреевна была в нарядной блузке с глубоким декольте. Грудь – от шеи и ниже – была красная, в мокнувших язвах. Алла испугалась.

– Мама, что у тебя с грудью?

– Что? – не поняла сразу Екатерина Андреевна.

– У тебя грудь красная.

– Натерла ожерельем.

– Мама, тебе нельзя пить. Это от водки. А не от ожерелья.

– Алуша, почему? Почему ты это сделала?

Алла отлежала в больнице, ее выписали. Алла вышла с пакетом в вестибюль больницы, но никто ее не встречал. Алла постояла немного и пошла к Оле Егоровой. Домой она возвращаться не хотела. От Оли ее забрал Димочка. Опять больно заломил за спину руку и вел так всю дорогу до их дома.

В квартире было чисто. Даже тараканы пропали. Дверь в комнату матери и Димочки была открыта. По вечерам никто не приходил. Алла заглянула как-то в шкаф – водка и кассеты пропали. Димочка ходил трезвый и злой. Екатерина Андреевна целыми днями плакала. Алла думала, что они уедут. Екатерина Андреевна почти каждый вечер ругалась с Димочкой и кричала: «Уеду». Но они остались. Алла с Димочкой не разговаривала. С матерью общение свелось к трем словам – «нормально», «нет», «поела». Наступила весна. Северная весна.

Девочки в Аллином классе переоделись в колготки-сеточки. Алла тоже себе такие купила. Благо, мать ни в чем ей не отказывала. Даже в конфетах.

Алла любила конфеты. Но мать была противницей сладкого. Даже сажала Аллу на диету. Она тогда во втором классе училась, и они в Москве жили. Екатерина Андреевна решила, что дочь растолстела до неприличия, и варила пустой бульон. Рядом с тарелкой клала четвертинку черного хлеба. Алла плакала. В бульон капали слезы. В доме из сладкого признавался гематоген, овсяное печенье и сухофрукты. По праздникам колечко с орехами из кулинарии.

После того как Алла вернулась из больницы, под кухонным столом она обнаружила целую корзину с конфетами. Любими – шоколадными, карамельками, ирисками... И вдруг расхотела их есть. Шоколадные конфеты покрывались налетом, к карамелькам прилипала бумажка – не отодрать, ириски каменели.

Так вот про колготки. Было холодно. Сеточка прилипала к ногам, ветер задувал под юбку. Под сеточки по северной моде полагалось надевать короткую куртку-варенку. Алла приходила из школы, снимала сеточки и разглядывала ноги, покрытые красным узором – ромбиками.

Кстати, именно после больницы у Аллы наладились отношения с одноклассниками. В школе ходили слухи – москвичка Алла что-то такое сделала, лежала в больнице и теперь ей можно не сдавать математику и русский. Аллу действительно освободили от экзаменов по причине неуравновешенной психики. Ее зауважали. Даже завидовали. Спрашивали, что Алла такого сделала. Она молчала.

Опять начались уроки русского и литературы. Ирина Валерьевна вернулась. Ее взяли. Других все равно не было. Крановщица еще взяла классное руководство над Аллиным классом. Первое, что сделала Ирина Валерьевна, – провела классное собрание. Нужно было выставить оценки за поведение в конце четверти. Она вызывала по фамилии ученика, тот выходил к доске, и весь класс решал, какую ему поставить отметку. Ирина Валерьевна приветствовала дружескую критику.

Дошла очередь до Аллы. Крановщица хищно улыбалась, глядя в журнал. «Неуд» Алле был обеспечен. А тот, кто получил «неуд», должен был дежурить по классу в течение месяца. Но Ирина Валерьевна не знала о переменах в жизни Аллы, поэтому коллективное «отл.» стало для нее неприятным сюрпризом. Ирина Валерьевна встала и начала уговаривать класс: «Вы забыли, что Алла не помогает вам, одноклассникам, хотя могла бы – она знает эту программу. Она приехала из Москвы. Алла игнорирует школьные субботники. А вы за нее собираете мусор». Но класс был настроен решительно – «отлично». Крановщица вывела в журнале «отл.» и забрала у Аллы ластик – финский, пахнущий клубникой – за неправильное употребление существительного. Все называли ластик резинкой, а Алла по привычке говорила «ластик». Алла отдала ластик без сожаления. Знала, что он достанется сыну Крановщицы.

Но Алла недолго радовалась своей неожиданно и незаслуженно обрушившейся на нее славе среди одноклассников.

Был урок биологии. Биологиня заболела, подменяла коллегу Крановщица. Был заказан автобус – отвезти школьников на природу. Природа – ближайший городок, где текла речка ржавого цвета. Приехали, пошли на речку. Было холодно. Алла в своих сеточках мерзла и попросила у Крановщицы разрешения остаться в автобусе. Ирина Валерьевна не разрешила.

– Ты, Алла, одиноличница, – сказала Крановщица. – Я буду с этим бороться.

Алла поплелась вместе со всеми на берег ржавой речушки. На реке еще лежали тонкие пластинки льда. В том месте, куда они пришли, лежало поваленное дерево, утопая ветвями в воде. Ирина Валерьевна испарилась.

– Пьет с водителем, – доложила Оля Егорова, которая, как всегда, все знала.

Все расслабились и решили походить по сваленному в воду стволу дерева. Кто дальше. Сначала мальчики. Доходили до конца, где начинались ветки, размахивали руками и бежали назад. Потом пошли девочки. Первой – Оля Егорова. Дошла до середины, вернулась и прыгнула в объятия Вовки – своего давнего воздыхателя. Последней шла Алла. Дошла до середины, повернулась. Одноклассники стояли на берегу и кричали: «Дальше, дальше!» Алла решила не подрывать репутацию героини и сделала еще несколько шагов. Дошла до конца, где ветки. Постояла. Раскинула руки. Было страшно и здорово. Все засмеялись. Алла развернулась и, глядя под ноги, пошла к берегу. Она почувствовала, как ногой зацепилась за ветку. Чувствовала, как нога соскальзывает с бревна. Чувствовала, как с хрустом треснула ледовая клякса на воде. Алла не испугалась – ребята стоят на берегу, рядом автобус с выпивающими водителем и Крановщицей. Поэтому, когда она оказалась по пояс в воде и висела, цепляясь за ветки, продолжала смеяться. Одноклассники тоже смеялись. Но никто не спешил на помощь. Стояли и смотрели, чем дело кончится. Алла пыталась разглядеть в толпе Олю Егорову. Но ни Оли, ни Вовки не было – наверное, ушли целоваться.

Алла дрыгала ногами, пытаясь забраться на дерево. Дутые сапоги тянули вниз. Она попыталась их снять, но сапоги затягивались на шнурок. Чем туже затянешь, тем больше дутость. Тем моднее. Сколько времени она так провисела на бревне – не помнила. Потом отцепилась и, хватаясь одной рукой за ствол, поплыла к берегу. Вылезла, легла на землю и стала ждать, разглядывая ставший синим узор ромбиками на ногах.

Оля Егорова потом рассказывала Екатерине Андреевне, что никто не видел, как Алла упала, – все пошли к автобусу. И она только на полдороге заметила, что Аллы нет – Оля сидела с Вовкой, а Алла сзади. Ирина Валерьевна всех пересчитала и задремала на первом сиденье. Оля разбудила Ирину Валерьевну и сказала, что Аллы нет. Автобус развернулся и поехал назад. Аллу долго искали в лесу, и только потом кто-то из ребят додумался пойти посмотреть на берег речки. Там Аллу и нашли. Зачем она в воду полезла? Нет, говорила Оля Егорова, они по бревну не ходили. Может, Алла решила воду потрогать?

Алла опять лежала в больнице. В один из дней пришла Екатерина Андреевна. Строгая, умытая, молодая.

– Алуш, хочешь, домой вернемся? – спросила она дочь.

– Не знаю, – сказала Алла. – Сама решай.

* * *

Они вернулись в Москву. Алла пошла в свою бывшую школу. В свой бывший класс. Но Алле казалось, что она пришла в новую школу. Их десятый собрали из двух девярых. Кто-то пришел, кто-то ушел.

Алла села за парту с Ирккой. Они с первого класса вместе учились. Да и жили в соседних подъездах в Китайке. За ними сидел новенький – Лешка. Он зашел в класс с вызовом – поджарый, рыжий, с волосами до плеч. Лешка сам себя стриг – сверху. А сзади оставлял. Мальчишки решили взять его «на слабо» после уроков – нужно было вылезти на подоконник, железный, покатый, с внешней стороны в кабинете математики. Но последним в расписании был урок физкультуры. Лешка переоделся в спортивную форму и сделал сальто вперед. Потом встал на руки и развел ноги в шпагате. Ребята его зауважали и «слабо» отменили.

Лешка тоже жил в Китайке. Алла – в третьем подъезде, Ирка – в четвертом, а Лешка – в десятом. Он увлекался астрологией и ходил в планетарий. Позвал Аллу с Ирккой. Алла знала, что нравится Лешке, а Лешка нравится Ирке.

Они сидели в креслах, задрав голову. Лектор – старичок с длинными сальными волосами – устало читал по бумажке. Что-то про Пояс Ориона. Над головой мерцали звезды. Лешка шептал за лектором – три звезды по диагонали, одна внизу... Алла с Ирккой давились смехом. У Аллы затекла шея. Ирка, как ни странно, быстро схватывала, сразу находила. Лекция закончилась, зажегся свет. Лешка смотрел победно:

– Ну как? Здорово? Я же говорил!

Ирка кинулась делиться впечатлениями. Алла молчала. Лешка спросил:

– А тебе понравилось?

– Да, прикольно, – ответила Алла.

Ирка с Лешкой решили встретиться вечером и попробовать найти Пояс Ориона на настоящем небе. Они загорелись идеей и обсуждали, где лучше будет видно. Решили поехать на Ленинские горы.

– Ты поедешь? – спросила Ирка.

– Нет, – сказала Алла.

– Почему?

– Все равно ничего не увижу. И вы не увидите. Без толку.

Ирка замолчала. Лешка смотрел с интересом.

– В Москве звезд не видно. Никаких. Только луна светит – как прогнивший желток из крутого яйца. С зеленоватым отливом. Небо пустое, – объяснила Алла.

Как ни странно, после этого замечания Ирка на Аллу обиделась смертельно. Даже на другую парту пересела – к Лешке. Она сказала, что ей надоел Аллин вечный «депрессняк». Все так хорошо идет, и тут Алла что-нибудь ляпнет, и становится ясно, что жизнь – говно. Но Алла знала, что Ирке только повод был нужен – пересест к Лешке.

Лешка же задался целью показать Алле, что жизнь прекрасна. Наверное, именно на это Ирка и обиделась. Она думала, что будет разговаривать с Лешкой о звездах, а он начал с Аллой носиться.

Лешка заходил за Аллой, они шли через арку, прорубленную посередине Китайки, на автобусную остановку. В арке обязательно сталкивались с Ирккой. Случайно. В их районе все рано или поздно сталкивались в арке. Через нее – в магазин, на автобус, к метро, в химчистку, в ремонт обуви... Ирка делала вид, что торопится. С Лешкой она разговаривала, с Аллой – нет.

Лешка еще несколько раз сводил Аллу в планетарий, а потом плюнул – сидели у Аллы. Он мыл посуду, бегал в магазин за картошкой. Вечером приходила Екатерина Андреевна, и Лешка уходил. Потом стал оставаться. Екатерина Андреевна к нему настолько привыкла, что даже не реагировала, когда он открывал ей дверь и доставал из тумбочки тапочки. В доме появился еще один ребенок.

Старший сын, на которого можно положиться. Прижился, как когда-то Регина в их квартире на Пятницкой. Екатерина Андреевна вызывала Лешку на кухню и спрашивала, как у них дела в школе. Лешка говорил: «Нормально». Екатерина Андреевна успокаивалась. Собственно, оставаться ему на ночь она предложила. Вечером мимо арки было страшно ходить – там собирались местные хулиганы из соседней школы. Их называли «девятисотка», по номеру школы. «Девятисотка пошла», там «девятисотка стоит». Лешка спал в большой комнате на сдвинутых креслах. Утром Екатерина Андреевна уходила на работу, оставляя Алле с Лешкой завтрак на столе. Они вместе выходили из подъезда и шли в школу. Обсуждали, что нужно после уроков забежать в магазин – Екатерина Андреевна просила. Или спорили, будет ли Лешка сегодня пылесосить.

В классе пошли слухи – Алла с Лешкой живут вместе. Екатерину Андреевну даже завуч вызывала на серьезный разговор. Екатерина Андреевна отшутилась – «они дружат, у мальчика сложная ситуация в семье, у нас ему даже лучше, ничего плохого дети не делают, уроки вместе учат».

Про «сложную ситуацию» в семье Лешка рассказал Екатерине Андреевне сам. Они сидели на кухне и пили чай. Он рассказывал так, как будто не про себя говорит. Спокойно и отстраненно. Только главное. Без подробностей.

Лешка был цирковым ребенком. Родился в опилках. Цирковыми артистами были его родители. Отец занимался эквилибристикой, мать танцевала в балете. Лешка тоже выходил в манеж. Ему десять лет было, когда он неудачно упал. Ничего серьезного. Не считая страха. Он боялся крутить сальто назад. Терял ориентацию. Отец его заставлял, Лешка становился серым, убегал и отсиживался в подсобке. Отец вытаскивал сына из подсобки, возвращал в манеж. Но Лешка опять серел и убегал. А потом умерла его мама – молодая и красивая. Быстро и мучительно. От рака. Лешке тогда было тринадцать. Отец начал пить и почти потерял работу. Пить бросил, но работа появлялась от случая к случаю. Они что-то продали, обменяли и переехали в Китайку – Лешкин отец не мог жить в квартире, в которой умирала его жена. Так же как Екатерина Андреевна не смогла жить на Пятницкой.

Екатерина Андреевна погладила Лешку по голове и пошла спать.

– А за тебя отец не волнуется? Он не против, что ты у нас живешь? – спросила Алла.

– Да нет, он и не заметил, наверное.

– А почему ты меня к себе в гости не приглашаешь?

– Тебе у нас не понравится.

– Откуда ты знаешь?

– Хорошо, завтра после школы зайдем.

На следующий день Алла с Лешкой зашли в десятый подъезд, поднялись на шестой этаж. Лешка открыл дверь. Две комнаты, огромный коридор. Пахнет кошачьей мочой. Из угла в угол пронеслось что-то серое.

– Это Тихон, кот, – сказал Лешка, – лучше не разувайся. Он гадит в обувь. Не могу отучить.

Лешка взял тапочку и швырнул в том направлении, в котором скрылся Тихон.

На стене в коридоре висел огромный черно-белый портрет.

– Это твоя мама? – спросила Алла.

– Да, пойдем. Чай будешь?

Алла шла по коридору и чувствовала на себе взгляд женщины с портрета. Алла где-то читала, что так смотрит Мона Лиза в Лувре. Проходишь мимо, а она следит за тобой взглядом. Женщина с портрета тоже так смотрела. У Аллы мурашки побежали по коже.

На кухне был другой запах. Алле показалось, что клопов. Хотя она не знала точно, как пахнут клопы.

– Чем у тебя так странно пахнет? – спросила Алла Лешку.

– Не знаю.

Алла взяла со стола коробку овсянки. Открыла. Сверху – овсянка как овсянка. Алла засунула в коробку палец, перемешала и высыпала немного хлопьев себе на ладонь. По ее ладони ползли маленькие белые червячки. Алла зажала рот рукой и побежала в туалет – ее вырвало. Лешка кричал ей из кухни, что сваренные червяки червяками не считаются.

Они сидели в Лешкиной комнате, когда в квартиру кто-то пришел. Лешка напрягся и покраснел.

– Кто это?

– Отец, наверное.

Судя по звукам, Лешкин отец пришел не один. С женщиной.

Алла с Лешкой сидели на диване и молчали. В стене над диваном торчал огромный гвоздь. На гвозде висел нос. Красный. На резинке. Обычный клоунский нос. Краска потрескалась. Резинка была связана узлами в двух местах. «Это мамин. Она в нем выступала», – сказал Лешка и опять замолчал. Из соседней комнаты послышались приглушенные звуки – равномерные удары в стену. Лешка опять резко покраснел, что при своей природной рыжине делал мгновенно. «Пойдем к тебе», – сказал шепотом он. В коридоре Алла увидела Тихона, который пристраивался в огромную, чуть ли не сорокового размера, с

выдавленной косточкой, туфлю гостыи.

Они сдавали экзамены. Впереди было лето и последний класс – выпускной. Лешка забежал к Алле вечером.

– Алка, поехали в лагерь! – закричал он. – В Эстонию. Клево?

– Я не люблю лагерь. Я была один раз – в осетинском, – ответила Алла.

– Да ты что? Это же в Эстонии. И лагерь не пионерский, а трудовой. Можно денег заработать. Сегодня списки составляли. Я тебя вписал. Только там нужно разрешение от родителей. Может, мне Екатерина Андреевна напишет?

– Не знаю, сам у нее и спроси.

Лешка побежал на кухню, где Екатерина Андреевна пекла шарлотку.

– Лешенька, пирог будешь? – спросила она.

– Буду, Катьандревна, напишите мне разрешение в лагерь. Им все равно от кого. А отцу долго объяснять. Ему сейчас не до этого.

– Какой лагерь, Лешенька?

– Трудовой. В Эстонии. Можно денег заработать. Полдня – на грядке, полдня свободен.

– А где именно?

– Под Таллином. Не помню, как эта деревня называется. Я и Алку записал. Только она отказывается.

– Не знаю, Лешенька, не уверена, что это хорошая идея.

– С нами едут трудовик и физрук. Из нашего класса десять человек записались. Из других школ тоже едут. Не волнуйтесь. Там нам даже экскурсии по Таллину обещали – на выходных. И можно ехать на любой срок – на месяц, на два, на все лето. А что тут сидеть? И вы от нас отдохнете. Соглашайтесь, Катьандревна. Пожалуйста.

– Хорошо, тебе я разрешение напишу. При одном условии. Ты мне будешь звонить раз в неделю. А насчет Аллы я не уверена. Мне кажется, это не для нее.

Екатерина Андреевна положила Лешке кусок шарлотки и села писать разрешение на поездку. На кухню зашла Алла.

– А кто еще из наших едет?

– Записались почти все ребята. И кто-то из девчонок.

– А Ирка едет?

– Угу, – кивнул Лешка, запихивая очередной кусок шарлотки в рот.

– Мама, и мне пиши разрешение. Я тоже поеду.

– Алуша, ты хорошо подумала? Может, не стоит? – Екатерина Андреевна удивилась.

– А почему бы и нет? Лешка, там хорошо заплатят? – уперлась Алла.

– Еще как. Рубль сорок за грядку, – с набитым ртом ответил Лешка.

– Хорошо, – согласилась Екатерина Андреевна, – только пообещайте мне звонить каждую неделю. И, Алуша, если тебе не понравится или будет тяжело, тут же возвращайся. Лешенька, а ты за ней присматривай. Если что, с тебя спрашивать буду. Все-таки ты уже мужчина.

– Не волнуйтесь.

В Эстонию они ехали на поезде. Было весело. Лешка играл на гитаре, все пели песни. Алла даже с Ирккой помирилась – на соседних полках спали.

Их поселили в здании бывшей спортивной школы. Палата мальчиков, палата девочек, две палаты для вожатых. Ирка в знак примирения выбрала кровать рядом с Аллой. Забежал Лешка – два таза эмалированных принес. Для стирки. И кипяtilьник.

Они приехали в субботу. А в воскресенье всех на автобусе повезли в Таллин. Дали четыре часа на прогулку и велели вернуться на автобусную станцию. Все разбрелись кто куда. Алла с Ирккой и Лешкой решили пойти в центр города.

Алла никогда не была в таком красивом городе. На площади играл уличный оркестр, люди сидели за столиками в открытых кафе и пили кофе.

– Алка, смотри. – Ирка показывала рукой в сторону. – Что это?

Алла повернулась и увидела маленькую тележку. Наверху пирамидками стояли вафельные трубочки. У тележки крутились две маленькие девочки. Им в пирамидки накладывали разноцветные шарики.

– Это мороженое. Пойдем? У меня есть деньги.

Они стояли перед стеклянной загородкой и разглядывали контейнеры с мороженым всех цветов – зеленое, красное, розовое... Над каждым контейнером стояли надписи. Совершенно непонятные.

– Ты какое хочешь? – спросила Алла.

– Не знаю, – прошептала Ирка. – А можно сразу несколько?

– Наверное, вон девочки по три шарика брали.

Лешка сообразил первым. Он ткнул пальцем через стекло в зеленый контейнер. Продавец достал из пирамидки одну вафельную трубочку и положил зеленый шарик. Алла с Ирккой тоже ткнули пальцами.

Они сели на ступени какого-то храма и ели мороженое.

– В магазин зайдём? – предложила Ирка. – Смотри, тут все в джинсовых шортах ходят. Давай такие же купим!

– Давай, – согласилась Алла.

– Я вас тут подожду, – сказал Лешка.

Алла с Ирккой забежали в магазинчик напротив. Стояли у вешалок и перебирали наряды. Красивые до безумия. Ирка пнула Аллу в бок:

– Смотри.

У кассы стояла девушка. Покупала шорты. Отдала кассирше сто рублей. Взяла мелочью сдачу.

– Ни фиги себе, – сказала Ирка, – сотня. Пойдем отсюда.

Они выбежали из магазина.

– Ну как? – спросил Лешка.

– Ничего особенного, – хмыкнула Ирка.

Вечером в лагере был праздничный ужин. До столовой их тоже везли на автобусе. Там на железной стойке стояли блюда. Можно было брать и садиться за стол. Тут же возникла сутолока. Никто не знал, что лежит в тарелках. Суп – еще понятно. Но почему вечером? И почему он белый и густой? Может, это не суп, а соус?

И тарелочки маленькие, на несколько ложек. Запеканка мясная.

– А это что? – Лешка взял со стойки что-то зеленое, как желе. Понюхал.

– Не знаю, – ответила Алла, – может, десерт? Возьми, попробуем.

– Сама и пробуй. – Лешка поставил красивое блюдо с зеленым содержимым Алле на поднос.

– Вкусно. Только непонятно из чего, – сказала, попробовав, Алла.

Вечером после ужина все собрались в палате у девочек – пели песни, ели колбасу, привезенную из Москвы. В соседней палате сидели вожатые. Пили ликер «Старый Таллин». Лешка, назначенный дежурным по отряду, сбегал и все узнал.

В понедельник их повезли на работу. Нужно было прополоть свеклу. Каждому дали по грядке и по паре перчаток. Их, конечно, предупреждали, что нужно надеть головной убор и длинные штаны, но кто ж послушал? К двенадцати часам девочки с распухшими красными коленями лежали между грядок и стонали. В час за ними приехал автобус.

Есть никто не мог. Руки ломило. В туалет выстроилась очередь. Алла зашла в грязную темную комнатку и посмотрела в крошечное треснувшее зеркало над умывальником. Лицо было черное. Она сняла перчатки с налипшей грязью. Руки тоже были черные. Алла высморкалась – даже сопли были черные. Алла взяла обмылок и попыталась оттереть грязь. Бесполезно. Она так устала, что не удержалась и расплакалась. В дверь туалета уже стучали.

Неделя прошла как в страшном сне. У Аллы болело все тело. Голова отключилась. Приезжал автобус, они, сонные, сядились, до обеда пололи грядки. После обеда – час отдыха и опять на грядки. До шести. На весь отряд – один летний душ. Вода чуть теплая. Одного бака хватало на десять человек. Каждому по пять минут. Они установили график помывки. Пытались экономить воду. Перчатки пришли в негодность. Других не выдавали. Вожатые спасались «Старым Таллином». Круглосуточно.

Еда, сначала казавшаяся удивительно вкусной, не лезла в горло. Аллу тошнило от одного вида зеленого желе в блюдечке – ревеня. Их каждый день кормили ревенем – суп из ревеня, салат из ревеня, желе из ревеня. Они ели и все равно оставались голодными. Даже пухленькая Ирка сталастройной и неожиданно красивой изможденной красотой.

В пятницу вечером всех повезли на почту – звонить в Москву.

– Леш, позвони ты моей маме. Я не могу. Расплачусь. Она сразу все по голосу поймет. Будет нервничать. Скажи ей, пусть посылку пришлет – с едой, перчатка Скажи ей, пусть посылку пришлет – с едой, перчатками. И попроси прокладки для меня прислать – женские. И крем для рук. Ладно? Если будет про меня спрашивать, скажи, что я в следующую субботу ей позвоню. А сегодня – на экскурсии. Придумай. Ладно?

– Ладно.

Еще неделю назад Алле бы и в голову не пришло говорить с Лешкой о прокладках. Но за неделю все изменилось. Двери в душевой не было. Сначала девочки загораживали друг друга полотенцами. А потом плюнули. Ребята даже в их сторону не смотрели. А если и смотрели, то только для того, чтобы узнать – когда подойдет их очередь.

Утром к общим умывальникам все выходили в чем придется. Умывальник они прозвали стойлом. Внизу, по земле, шел желобок для воды, а из трубы торчали четыре крана. Ребята под этими кранами мыли подмышки, девочки подмышки брили станками, которые просили у ребят.

Прокладки тоже никто не догадался взять. Хорошо, что у Ирки были бинт и вата. Ирка отрывала кусок ваты, перематывала бинтом. Получалась прокладка. Потом вату заворачивала в газету и выбрасывала, бинт стирала и вешала сушить на батарею. Нижнее белье они стирали в тазу. Вешали сушить на улице. На веревке, которую намотали между двумя деревьями. Лифчики, трусы, мужское исподнее рядом с женским.

По ночам было холодно. Одежда тонкие. Поэтому спали тоже все вместе, чтобы было теплее. Сдвигали кровати. Ирка спала с Аллой, рядом подхрапывал Лешка.

На работу ходили тоже кто в чем. Алла в Лешкиных джинсах, подвязанных веревкой, Ирка в трениках физрука, с которым по вечерам согревалась «Старым Таллином».

В субботу с утра всех отвезли в баню. Раздевалка общая. Помещения отдельные. Все бегали туда-сюда за мылом, мочалками... Никто ни на кого не обращал внимания. Ребята, правда, прикрывали полотенцами причинные места. Но выданных полотенец – крошечных, чуть больше салфетки – хватало только на перед. Зад у всех был голый и белый. Девочкам выдали по два полотенца – маленькое и большое. Хоть как-то можно было прикрыться.

За неделю они успели загореть. Точнее, сгореть. Ребята еще ничего выглядели. Они снимали футболки, когда работали. Только ноги белые были. А у девочек загорели только руки, лица и шеи. Ирка смотрела в зеркало и плакала. У нее все лицо обсыпало пятнами и прыщами. Аллергия.

– Ир, ну не плачь, Лешка попросил мою маму посылку прислать. С кремом. Пройдет, – успокаивала ее Алла.

В этот же день им выдали зарплату за неделю. В воскресенье отвезли в город. Все разбежались по магазинам.

Назад ехали в хорошем настроении. Вожатые на все деньги купили ликера. В сумке грохотало бутылок десять. Кто-то додумался и купил воблы. Все смеялись и кричали: «Чья вобла?» Никто не признавался. Лешка купил колбасы, сыра. Ирка с Аллой в аптеке купили медицинских перчаток и прокладок на весь отряд. На них провизор странно посмотрела, но ничего не сказала. Ирка пыталась объяснить, что ей нужна мазь от аллергии. Провизор мотала головой и говорила: «Нет».

– Наверное, ей рецепт нужен. От врача, – догадалась Алла.

В результате они купили детский крем от пеленочного дерматита, который продавался без рецепта. Как ни странно, крем помог. Ирка намазалась им прямо в аптеке и сразу повеселела.

– Хоть чесаться перестало, – сказала она.

В понедельник Аллу с Иркой оставили дежурить по лагерю. Это было счастье. Нужно было всего-то помыть все палаты, коридор, подмести двор и в столовой разложить еду по тарелкам. Алла с Иркой оделись во все чистое, Ирка даже ресницы накрасила. После прополки бесконечных грядок мытье полов показалось отдыхом.

А в среду жизнь наладилась окончательно. Пришли посылки из Москвы. Не только Лешка сказал Екатерине Андреевне про бандероль. Договорились сразу – присланное поделить на всех. Пять посылок расставили на столе. Настроение зашкаливало. Лешка вооружился отверткой. Каждую открытую крышку отмечали визгами и аплодисментами.

Родители прислали густое молоко в банках, конфеты, печенье, колбасу, чай, кофе. Екатерина Андреевна, как всегда, отличилась. Алла достала из бандероли упаковку резиновых напальчников.

– А это зачем? – удивилась Ирка.

– Понятия не имею, – сказал Лешка.

Лешка порылся в коробке и достал письмо. Отдал Алле. Алла быстро просмотрела и дошла до абзаца про напальчники. Она начала так хохотать, что не могла читать. Отдала письмо Лешке.

Тот нашел нужный абзац и, давась от хохота, прочитал вслух:

– «Алуша и Лешенька. Перчатки не нашли. Купила напальчники. Надевайте их, а руки мажьте кремом».

Лешка нырнул в коробку и вытащил три тюбика с детским кремом. Он тут же нацепил на каждый палец по напальчику, а кисть намазал кремом. Все хохотали до истерики. Хронический недосып, сосущее в желудке чувство голода, нервное напряжение – все забылось. Лешка подходил к девочкам, растопыривал пальцы и говорил: «У-у-у». Девчонки визжали.

Алла тоже хохотала, а потом вдруг увидела свои руки – красные, опухшие, с обломанными ногтями, в цыпках и царапинах. Как у всех. Алла разрыдалась.

– Алка, ну ты чего. Перестань. Хочешь, я отдам тебе свою левую перчатку? Ту, которая тряпичная, она еще ничего, – предложила Ирка.

Алла хныкала и кивала головой.

Потом кипятильником нагрели в кастрюле воду. Чашки было всего две. Лешка сбегал к вожатым и принес два граненых стакана. Чай пили по очереди. Открыли сгущенку. Ложек тоже было две. Но было уже все равно. Решили есть пальцами. Алла опускала палец в банку и смотрела, как с него стекала белая тягучая жижа.

В тот вечер съели почти все, что было в посылках, – сгущенку закусывали колбасой, заедали печеньем и пряниками.

Утром половина отряда не смогла встать с кроватей. Пришлось вызывать врача. Еще не протрезвевший и потому мрачный физрук привез его из деревни. Врач посмотрела на лежащих вповалку подростков. Увидела на столе коробки и остатки продуктов. Диагноз был понятен без анализов. Врач выписала лекарства. Физрук поехал в аптеку.

Лешка еще ничего держался, а Алле было совсем плохо. Непонятно, от чего хуже – от безостановочного поноса или от рвоты. Рвать было уже нечем, а позывы не прекращались. Туалет был во дворе. Алла переползала от туалета к кранам – умыться – и обратно. Около крана она и заснула, едва чуть-чуть отпустило. Там ее и нашел Лешка. Алла лежала в грязной луже. Там, где заканчивался сток для воды.

– Алка, вставай, пойдем. Там лекарства привезли.

– Леш, мне плохо. Я не могу.

Алла потрогала рукой голову – волосы были грязные и мокрые. В противной слизи.

– Леш, мне помыться надо. Помогите.

– Давай, потихоньку.

Лешка раздел Аллу, поставил на доски в летнем душе. Открыл воду. Алла стояла голая, держась одной рукой за стенку душа, другой – за Лешку.

– Ну ничего, все пройдет. Сейчас. Держись крепче.

Лешка взял обмылок и намылил Алле голову. Потом намылил руки и помыл Аллу полностью – ноги, руки, живот. Алла стояла и вяло шевелила мозгами – она голая, Лешка ее моет, ужас. Еще Алла заметила, что у Лешки штаны спереди странно топорчатся.

Лешка отвел Аллу в палату, напоил лекарствами и уложил. Приносил еду, поил чаем. Через два дня Алла уже улыбалась.

– Ты меня напугала. Мне бы Екатерина Андреевна голову оторвала.

– Ой, а ты ей позвонил?

– Позвонил. Сказал, что ты на концерте органной музыки. Все живы, здоровы.

– Ты молодец.

Когда все оклемались, их снова повезли на работу. Они пололи бесчисленные грядки, в конце недели получали деньги, по воскресеньям ездили в город. Город они исходили пешком вдоль и поперек. Заходили в музеи, церкви, слушали уличных музыкантов.

– Леш, я на море хочу, – попросила как-то Алла.

– А что, давайте съездим, – обрадовался Лешка.

Они взяли купальники и поехали к морю. Только когда нашли место на пляже и разложили полотенца, Алла пожалела, что приехали. Ей было стыдно раздеться. Вокруг лежали красивые девушки с шоколадным загаром, ребята – все как один высокие, стройные, в узких плавках. Лешка скинул брюки, остался в семейных трусах и побежал к воде.

– Ты чего не раздеваешься? – удивилась Ирка. Она уже разделась.

Алла посмотрела на подругу и не удержалась. Рассмеялась.

– Ирка, ну посмотри на нас.

– Да ладно тебе. Наплевать. Все равно загар скоро смоется.

– Мне стыдно.

– Ой, хватит. Ты никого не знаешь, тебя никто не знает. Лучше посмотри, как тебе мой купальник?

– Красивый.

– Пошли купаться.

Они подошли к берегу. Алла потрогала воду ногой – ледяная. На горизонте она увидела фигуру Лешки. Тот упорно шел на глубину. Вода ему едва доставала до пояса.

Они хорошо провели день. Брызгались, дурачились, валили друг друга в воду. Даже подзагорели животами.

Вечером Алла услышала, что Ирка плачет.

– Ты чего, Ир?

– Ну почему у меня вечно все не так? То аллергия, теперь это!

– Что такое?

– Писаюсь все время. Бегала весь вечер. Две прокладки уже положила.

– Застудилась, что ли?

– Наверное. Вода была холодная. А у тебя нормально?

– Да вроде бы.

– Что делать?

– Надо воды нагреть. В бутылку перелить. И между ног положить. Чтобы ты согрелась.

– А ты точно знаешь?

– Не точно. Но мне так кажется. У меня мама так делала.
Алла поставила воду в кастрюле и пошла в палату мальчиков – будить Лешку.
– Что случилось? – испугался тот.
– Ирка плохо. Нужна бутылка. Пустая. С крышкой. Чтобы воду туда налить горячую. А у нас нет.
Или грелку Лешка пошел к вожатым. Бутылок было много, но все без крышек. А грелка нашлась – старая, резиновая. Лежала в подсобке.

Алла налила в грелку воды, обернула полотенцем и засунула Ирке между ног.
Всю ночь они с Лешкой меняли воду в грелке. По очереди. К утру у Ирки отпустило.
На следующей неделе мальчиков оставили полоть грядки, а девочек отправили собирать цветную капусту.

Бригадир – эстонец – выдал каждой огромный нож-тесак и ведро. Показал, как отгибать листья и срезать. Ведро нужно было относить к грузовику. После прополки резать капусту казалось проще. И руки не так страдают. Где-то на середине грядки Алла вдруг почувствовала, что ее ноги стали тяжелыми. Посмотрела вниз – от пояса до кроссовок она была мокрая насквозь. На кроссовках налипла грязь. Широкие листья только сверху были сухими.

Рядом закричала Ирка:
– Смотрите, что я нашла. – Ирка держала над головой здоровенную редьку.
Бригадир посмеялся и разрешил забрать трофей. Еще он разрешил взять домой немного цветной капусты. Капусту уносили в футболках.

В палате девочки налили в таз для белья воды и решили капусту сварить. Хотя там, на грядке, они ее ели и сырую. Ничего, вкусно. Только мошки попадают. Ирка проглотила несколько случайно. Долго отплевывалась. Никто не знал, в какую воду класть капусту – в холодную или кипящую. Решили положить в горячую. Капуста разварилась. Все сидели и жадно ели, посыпая солью. Соль из столовой Лешка догадался прихватить. Все ничего, только капуста отдавала хозяйственным мылом.

- Надо было нарезать и в кастрюле сварить, – сказала Ирка.
- Все равно бы на всех не хватило, – ответила Алла.
- Тогда надо другой таз – чистый – попросить.
- Кто тебе его даст?

Но чистый, относительно, конечно, таз нашелся в кладовке. Теперь каждый вечер они варили капусту и устраивали поздний ужин. Только бригадир вдруг рассердился – разрешал брать не больше пяти кочанов. Но девочки засовывали капусту в штаны, пока он не видел, и уносили кто сколько мог. Не будет же он их раздевать.

Это случилось недели через две после начала сбора капусты. Могло бы случиться и раньше. Алла неудачно резанула острым ножом по кочану и распоролла себе руку. Глубоко, до кости. Она не закричала, а тихо позвала:

- Ир, Ира, иди сюда.
- Что у тебя там? – откликнулась Ирка.
- Я порезалась.

Ирка подошла, поставила ведро на землю и заорала, увидев Аллину руку. Точнее, заорала не от вида руки, а от другого зрелища – вся капуста вокруг Аллы была залита кровью. Кровь стекала по большим листьям, капала на землю. Ирка не растерялась. Стянула футболку, вывернула наизнанку – где почище – и стала перематывать Аллину руку. Перематывала, не переставая орать как резаная. Прибежал бригадир, выругался русским матом. Аллу отвезли на автобусе в больницу, наложили швы. Бригадир стоял в коридоре – зеленый от страха.

Аллу отправили домой. Работать она не могла. Лешка послал Екатерине Андреевне телеграмму – с номером поезда и вагона. Ирка плакала и тоже хотела домой.

- Может, мне тоже руку себе отхреначить? Так все надоело.
- Ты с ума сошла? Вернешься через две недели. Осталось-то всего ничего, – уговаривала ее Алла. – Я тебе все оставляю. И штаны, и перчатки, и крем.

Алла ехала одна в поезде. Ей, как ни странно, не хотелось уезжать. Там оставались Лешка с Иркой. Наверняка в конце смены ребята прощальный ужин устроят.

Екатерина Андреевна встречала Аллу на вокзале. Она увидела дочь с перебинтованной рукой и схватилась за сердце.

Две недели Алла лежала дома. Выходила только в поликлинику – на перевязки. Оказалось, что там – в деревенской больнице – рану плохо промыли, и швы загноились. Рука болела. Но Алла не обращала на боль внимания. Она ждала, когда вернутся из лагеря Лешка с Иркой.

Алла шла из поликлиники с перевязки по дорожке, которая вела в арку. Увидела знакомую спину и вскинутую голову – Лешка всегда ходил, чуть запрокидывая назад голову. Точнее, она увидела две знакомые спины. Вторая была Иркина. Они уже входили в арку. Алла пошла быстрее. Хотела их окликнуть, но они бы все равно не услышали. Алла догнала их, когда они уже вышли из арки. Пошли направо, к Аллиному подъезду. Она почему-то решила, что Лешка сейчас проводит Ирку и поднимется к ней. Интересно, когда они вернулись? И почему не позвонили? Может, Лешка звонил или заходил, а дома никого не было – Екатерина Андреевна на работе, Алла в поликлинике. Но Лешка зашел в Иркин подъезд.

Алла вернулась в арку и заорала: «А-а-а». Они так дурачились с Лешкой. Разговаривали с эхом. Алла крикнула, арка глухо зазвенела. Мимо проходила женщина с ребенком. Ребенок тоже крикнул: «А-а-а» – и посмотрел на Аллу. Она улыбнулась и пошла домой. Набрала Лешкин телефон. Никто не отвечал. Алла посидела и пошла к Ирке. Поднялась на этаж. Позвонила. Дверь открыл Лешка. В руках у него были мокрые джинсы.

– Привет, – сказала Алла.

– Привет, – ответил Лешка и повесил на косяк двери джинсы. Судя по размеру, Иркины.

– Как дела? – спросила она.

Лешка покраснел и молчал. Из комнаты вышла Ирка.

– Привет, Ир. Вы когда вернулись? – спросила Алла.

– Три дня назад, – ответила Ирка. Лешка молчал и шел пятнами.

– А чего не позвонили?

– Собирались. Просто все некогда было.

– Как там в лагере?

– Нормально. А как твоя рука?

– Живает. Ну ладно, я пошла. Просто я вас в арке увидела и удивилась. Думала, вы еще не приехали.

– Пока. Созвонимся, – сказала Ирка.

Алла вернулась домой. В руке вдруг запульсировала боль. Почему Лешка не пришел? Что могло случиться за это время? Почему они такие странные?

В дверь позвонили. Алла думала, что вернулась мама. Но на пороге стоял Лешка. С гитарой.

– Привет, – сказала Алла.

– Привет.

– Что случилось? Вы чего такие странные? Почему ты не зашел, когда вернулся? Мама про тебя спрашивала.

– Я не мог. Прости меня. Понимаешь, я теперь с Ирой. Гуляю.

– В каком смысле?

– Понимаешь, мы там, в лагере, ужин прощальный устроили. Ну и вот...

– Вы переспали?

– Ну да.

– Понятно. Ты теперь у нее живешь?

– Пока да. У нее родители на даче.

– А как же я?

– Прости меня. Екатерине Андреевне привет передавай.

Лешка ушел. Алла заплакала. У них с Лешкой ничего не было. Целовались пару раз. Но так, в шутку. Почему он выбрал Ирку? Наверняка она сама к нему полезла. Добилась своего. Если бы на месте Ирки была какая-то другая девушка, Алла бы даже не расстроилась. Все-таки они с Лешкой были как брат и сестра. Но Ирка? Алла почему-то ревновала Лешку. Как мужчину, а не как брата.

На этом сюрпризы не закончились. Вечером Екатерина Андреевна вернулась с работы не одна. С мужчиной.

– Вот, Алуша, познакомься, это Виктор Ильич. Мой друг.

– Очень приятно, – сказала Алла.

Виктор Ильич ей не понравился. Старый, с палочкой. Взгляд такой надменный. Палочку он оставил в прихожей и пошел в большую комнату, а не на кухню. Екатерина Андреевна суетилась с чаем. Они пили чай. Виктор Ильич спросил у Аллы про учебу и про планы на поступление. Алла сказала, что еще не решила. После чая Виктор Ильич попрощался, взял палочку и ушел.

– Мама, это кто?

– Понимаешь, Алуша, Виктор Ильич сделал мне предложение. Я не знаю, соглашаться или нет?

– Когда это вы успели?

– Ты знаешь, так все быстро закрутилось. Познакомились в гостях. Он Лилечкин знакомый. У нее на дне рождения. Ты в лагере была.

– Мама, он же старый.
– Ничего не старый. А хромает после автомобильной катастрофы. Он очень приличный человек. Чиновник. В Госплане работает.
– И что? Ты собираешься за него замуж?
– Не знаю. С тобой хотела посоветоваться. Ты уже взрослая, сама скоро замуж выйдешь. А я одна останусь.
– Может, вы еще повстречаетесь? Или как там это у вас называется?
– Да, наверное, ты права. Я его совсем не знаю. Знаю только, что он был женат. Развелся. Сына – Витю – один воспитывал. Витя в институте учится, на второй курс перешел.

Виктор Ильич стал регулярно появляться в их квартире. Заходил, подволакивая ногу, оставлял палку в прихожей, пил чай.

Виктор Ильич приходил к Екатерине Андреевне с букетиком цветов. И всегда это были три гвоздики в целлофане. Екатерина Андреевна знала, где он покупал букет – в цветочном ларьке рядом с их домом. Она сама туда часто заходила. Выбирала тюльпаны – желтые, розовые, ирисы. Никогда не просила упаковать – только перевязать лентой, чтобы удобно было донести до дома. Особенно Екатерина Андреевна радовалась, когда в ларьке появлялись белые ирисы – ее любимые цветы. Тогда она покупала себе охапку. Расставляла дома в вазах – в каждой комнате. Красные гвоздики, по убеждению Екатерины Андреевны, были цветами с подмоченной репутацией. И целлофан только подчеркивал их сомнительность. Екатерина Андреевна считала, что лучше не дарить цветы вовсе, чем преподнести такие.

Виктор Ильич приходил к Екатерине Андреевне не только с цветами, но и с подарками – кремами для рук, для ног, от морщин, от потливости. Екатерина Андреевна не переставала удивляться.

– Алуш, ты мне можешь объяснить, почему он дарит мне кремы? – спрашивала дочь Екатерина Андреевна.

– Может, ему продавщица подсказала? Вряд ли он сам до этого додумался, – отвечала Алла.

– Я плохо выгляжу?

– Ты замечательно выглядишь.

Впрочем, применение кремам нашлось. Екатерина Андреевна чистила ими обувь. Тогда еще не было специальных кремов и губок для обуви, а те, что были, отвратительно пахли.

– Смотри, ни одной морщинки. – Екатерина Андреевна показывала Алле туфельку, покрытую жирным блеском. – Кремом от морщин почистила.

Однажды Виктор Ильич очень напугал Аллу. Он пришел к ним уже сильно пьяный. Поставил недопитую бутылку коньяку на стол. Екатерина Андреевна ушла на кухню за рюмками. Алла осталась в комнате – один на один с Виктором Ильичом.

– Я хочу твою маму. Ты понимаешь? – сказал вдруг Виктор Ильич.

Алла молчала. Она боялась, что он на этом не остановится. Ей было и страшно, и интересно. С ней еще никто так не разговаривал. Как со взрослой. Тем более на такие темы.

– Алла, может, ты пойдешь погуляешь? – попросил Виктор Ильич.

– Уже поздно, – ответила Алла.

– Ну уйди хоть на полчаса, дрянь малолетняя. Не понимаешь, что ли? Вот мой Витька всегда понимал.

Алла обиделась на Виктора Ильича за «дрянь малолетнюю», но матери про этот разговор ничего не сказала. Чтобы зря не расстраивалась. А еще она боялась, что мать ей не поверит.

Алла очень захотела уйти из дома – куда угодно, к кому угодно. Но было не к кому. Алла вышла на улицу и гуляла, пока не замерзла. Никто ее отсутствия не заметил.

* * *

Через несколько недель ухаживаний Виктор Ильич выложил свой главный козырь – квартира. Он знал, что Екатерина Андреевна мечтала оставить дочери «свой угол». В тот же день, когда Екатерина Андреевна переезжает к нему, он пишет дарственную на квартиру – на ее имя. А квартира Екатерины Андреевны переоформляется на Аллу.

Виктор Ильич сделал это предложение торжественно, усадив Екатерину Андреевну и Аллу на диван в комнате. Сам стоял и излагал план. Потом попрощался и ушел – думайте.

– Что скажешь? – спросила Алла. Она думала, что мать откажет Виктору Ильичу сразу же. Слишком цинично это звучало. Но Екатерина Андреевна промолчала.

– Не знаю, Аллочка. Я о тебе думаю.

– А если бы ты о себе думала?

– Тогда даже слушать бы не стала. Отец Виктора Ильича получил эту квартиру, когда на пенсию вышел. Он в лагере для политзаключенных служил. Каким-то начальником. Хорошо служил. Ненавидел их всех.

– А он – отец Виктора Ильича – еще жив? – спросила Алла.

– Нет, умер давно. И мать его умерла. Виктор Ильич все дожидаться не мог, когда он один в квартире останется. А теперь его сын – Витя – ждет, когда отец умрет. Все повторяется.

– А что делает Витя?

– Учится. Ему было четырнадцать, когда Виктор Ильич развелся с женой – та встретила другого человека. На суде Витю спросили, с кем он хочет жить. Он сказал – с папой. А потом понял, что отцу вроде как мешает – Виктор Ильич искал себе женщину, в смысле жену. Витя решил уйти к матери. Но мать к тому времени уже вышла замуж и родила второго сына. Жила в однокомнатной квартире. Вите там просто места не было. Да и мать его не простила за то, что он тогда с отцом решил остаться. Витя пожил у матери неделю и к отцу вернулся. Так и живут вдвоем. Витя – очень красивый мальчик. Только взгляд у него плохой – недолюбленный. Хочешь с ним познакомиться? Виктор Ильич давно предлагает.

– Давай. Мне все равно.

Повод нашелся быстро. Алле нужны были книги – за лето нужно было прочитать произведения по литературе. А в лагере не до того было. Дома не все книги нашлись, а у Виктора Ильича была отличная библиотека. Виктор Ильич написал Алле адрес. Сказал, что ее встретит Витя – он ногу сломал и сидел дома.

Алла ехала в квартиру к Виктору Ильичу без особого желания. Все думала, что они там с Екатериной Андреевной делать будут. Виктор Ильич дождался своего часа – остался один. А вдруг мать решит за него замуж выйти?

Алла позвонила в дверь. Ей открыл парень с загипсованной ногой. Он скакал на одной ноге, держась за костыль. Алла сказала «привет» и больше так и не смогла выдать из себя ни слова. Мама была права – сын Виктора Ильича был красивым мальчиком. Точнее, парнем. Алле он показался очень взрослым. Она влюбилась в Витю первой, самой яркой, любовью. Витя сидел в комнате, положив ногу в гипсе на стул, и наигрывал мелодию на синтезаторе. Алла забыла про книги, сидела и слушала Витю. Тот рассказывал анекдоты, истории про их студенческую компанию... Потом пришли его институтские друзья – ребята и девушки. Пили пиво, портвейн. Алле тоже налили. Алла уже пробовала спиртное – ликер «Старый Таллин» в лагере. Но тайно. И чуть-чуть. Было страшно и невкусно. А сейчас она могла пить спокойно. Она сидела рядом с Витей и рассматривала девушек – веселых, раскованных, взрослых. Одна девушка сидела на коленях у Витино друга, потом они стали целоваться. При всех. Не стеснясь. Алла отвернулась и покраснела. Витя засмеялся, приподнял ее и плюхнул к себе на колени. Алла одеревенела от счастья.

Наступила осень. Алла пошла в школу. Витя – в институт. Ирка с Лешкой ее сторонились. Лешка без конца краснел. Но Алле уже и дела до них не было. Наоборот, она хотела поболтать с Лешкой, с Иркой – рассказать про Витю. Про то, какой он красивый. Какие у него длиннющие ресницы и серые глаза. С какими ребятами она теперь общается – студентами. Но Лешка с Иркой отдалялись все дальше, все быстрее. И в арке они больше не сталкивались. Алла сразу после школы ехала к Вите. По дороге предлог придумывала – взять книгу для сочинения, кассету с фильмом, спросить про задачу по математике. Она подъезжала к дому и смотрела на его окна – горит свет в его комнате или нет. Если горел, Алла летела пешком по лестнице – не могла дождаться лифта. Сердце стучало в пятках. Витя вроде был рад ее видеть. Но близко не подпускал. Не позволял себе ничего лишнего. Даже когда Алла сама полезла к нему целоваться. Он ее отодвинул. Просто отодвинул.

– Я тебе не нравлюсь? – спросила Алла и зарыдала.

– Мне не нужны проблемы.

– Какие проблемы?

– Такие.

Иногда Алла видела, что у Вити кто-то сидит в комнате. Топталась на пороге, бормотала про книжку и убегала. За дверью слышался смех. Алла безутешно рыдала по дороге домой.

Алла даже про маму с Виктором Ильичом забыла. Ей было абсолютно все равно, что у них там происходит. Она приходила домой, роняла палку Виктора Ильича в прихожей и шла в свою комнату.

Витя собирался отмечать день рождения. Девятнадцать лет. Намечалась большая гулянка. Аллу тоже пригласил. Все удачно складывалось – Виктор Ильич уехал с Екатериной Андреевной на выходные в пансионат Госплана. И Екатерина Андреевна попросила Витю присмотреть за Аллой.

Алла лихорадочно собиралась на день рождения. Перемерила все наряды. Два раза перекрашивалась. Хотела даже позвонить Ирке – попросить на вечер кофточку. У Ирки была одна – красивая, с голым плечом. Но Алла так и не решилась.

Она приехала, когда гости уже собрались. Человек двадцать. Девушки на кухне резали салаты,

ребята открывали бутылки.

К середине вечера народ стал разбиваться по парочкам. Алла видела, что кто-то уединился в спальне, кто-то целовался в прихожей, за вешалкой. Она тоже решила – сегодня останется с Витей. Назло Лешке с Ирккой. Пусть не думают, что только у них все бывает. Алла глотнула еще вина – для храбрости – и пошла искать Витю.

Витю она нашла в ванной. Аллу вдруг стало тошнить. Она никогда не пила столько вина. В туалете ее вырвало. Портвейном с вкраплениями зеленого горошка из салата. Алла дернула дверь в ванную – умыться, рот прополоскать. Дверь была закрыта. Алла дернула еще раз.

– Занято, – сказал женский голос. – Надолго.

Алла села на кухне, подождать, пока девушка освободит ванную. Но из ванной вышел Витя. И сразу зашел в туалет. Брюки он так и не застегнул. Следом выпорхнула девушка. Алла ее видела до этого. Это была та девушка, которая сидела на коленях и целовалась с Витиным другом.

Алла зарыдала. Витя вышел из туалета. Зашел на кухню.

– Ты чего? – спросил он.

– Ничего, – огрызнулась Алла.

– А она к тебе неравнодушна, – заметила девица. Она доскребала ложкой салат из тарелки.

– Алла, давай я тебе постелю, – предложил Витя.

– Не надо, я домой поеду. Я тут не останусь.

– Уже поздно. – Витя вспомнил, что Екатерина Андреевна попросила его присмотреть за дочерью.

– Я уже взрослая! – закричала Алла и выбежала из квартиры. На лестничной клетке самозабвенно целовалась парочка.

Алла решила больше никогда не звонить и не приходить к Вите. Только по привычке ноги несли ее к его дому. Она смотрела на его окна – горят не горят – и ехала домой. Ходила мрачная, огрызалась.

– Что с тобой случилось? Дерганая ходишь, – спросил Лешка. Их посадили вместе на лабораторной по химии. Ирки не было.

– Ничего. Лучше о своей Ирке беспокойся, – ответила Алла и уставилась в учебник.

– Может, помочь чем-нибудь? – допытывался Лешка. Он опять покраснел.

– Помоги. Переспи со мной, – сказала Алла.

– В каком смысле?

– В прямом.

– Ты чокнулась?

– А что? С ней можно, а со мной нельзя? Я что – кривая или косая? Чем я хуже Ирки?

– Перестань.

Лешка пришел к Алле вечером. Дома никого не было – Екатерина Андреевна задерживалась на работе.

– Чего приперся? – спросила Алла.

– Поговорить.

– Иди к Ирке разговаривай.

– Алла, перестань. У нас с Ирой больше ничего нет.

– Сочувствую. Теперь ты решил со мной гулять?

– Ничего я не решил. Просто ты такая странная в последнее время ходишь.

Алла расплакалась и все рассказала Лешке – про Виктора Ильича и Екатерину Андреевну, про Витю, про любовь. Она так и не спросила, почему Лешка бросил Ирку. Или Ирка бросила Лешку? Он сидел и слушал. Потом достал бутылку вина.

– Давай выпьем, – предложил он.

– Давай, – согласилась Алла.

Они занялись любовью под кухонным столом. Лешка дернулся и вытащил член Алле на живот. Алле стало противно. По животу расплзалась слизь. Пока Алла мылась в душе, Лешка ушел. Даже не попрощался. Алла выбросила бутылку и вынесла мусор. Чтобы мама не заметила.

В школе они не общались. Как будто ничего не было. Через неделю у Аллы стало внутри все чесаться и болеть. На трусах появились следы выделений. Алла испугалась. Она понимала, что что-то не так, но спросить маму боялась. А больше было некого. В школе на перемене она схватила за локоть Лешку и отвела к подоконнику:

– Леш, со мной что-то не так.

Лешка покраснел.

– Сходи к врачу, – сказал он. – Мне пора, нужно к русичке зайти. Пока.

Алла вернулась домой. К врачу ее всегда водила мама. А вдруг у нее какая-то болезнь?

Алла позвонила Вите. Витя взрослый. Он наверняка знает, что делать.

– Витя, привет, это Алла, дочь Екатерины Андреевны. Мне нужно с тобой увидеться.

Они договорились встретиться на автобусной остановке. Витя подъехал на машине – папином

старом «Москвиче-2141». Алла запинаясь рассказала Вите про Лешку, про то, что ей нужен врач.

– Я тебя отвежу.

Утром Алла сказала маме, что у нее температура и она не пойдет в школу. Екатерина Андреевна выдала дочери градусник, таблетку аспирина и уехала на работу. Алла тут же вылезла из постели, оделась и стала ждать Витю.

Они ехали в его машине по шоссе. Алла узнала станцию метро. Витя остановился рядом с неприметным зданием. Они зашли в грязный подъезд. Витя привычным движением толкнул железную дверь.

В коридоре сидели женщины, мужчины. Ходили медсестры в белых халатах.

– Витя, я тебя заждалась, – увидела Витю молоденькая медсестра. – Пойдем, все готово.

– Тебе сюда, – сказал Витя, указал на дверь и пошел в кабинет за медсестрой.

Алла села в очередь.

– Следующий, – позвали из кабинета.

Алла вошла. В кабинете стояло гинекологическое кресло.

– Раздевайся, ложись, триста рублей, – сказала медсестра.

– У меня нет с собой. Можно потом? – У Аллы дрожали руки и колени.

– Ладно, – согласилась медсестра.

Алла посмотрела на кресло – на кожаной обивке белели пятна.

– А что подложить? – спросила Алла.

– Полотенце. Не взяла? Тогда вон, рядом бумага.

Алла разложила на кресле куски нарезанной газеты и легла. Медсестра подошла взять мазок. Взяла грубо, Алла вскрикнула.

За анализ заплатил Витя. Алла сидела на лавочке и тряслась всем телом. Потом ее вызвали в кабинет к врачу. Вызывали по двое. Алла пошла с какой-то женщиной.

Врач спросил, с какого возраста Алла ведет половую жизнь. Женщина хмыкнула. Алла молчала. Оказалось, что у нее венерическое заболевание. Нужно проверить всех партнеров, с которыми у Аллы был контакт. Врач прописал таблетки. Сказал, когда прийти сдать повторный анализ.

Витя вез ее домой.

– А ты зачем туда приезжал? – спросила Алла.

– За тем же, что и ты, – ответил Витя. – Вот, держи. – Витя протянул ей таблетки и упаковку презервативов.

Алла вернулась и тут же позвонила Лешке.

– Ты знал? – спросила она.

– Да.

– А почему не сказал?

– Я хотел...

– Надо Ирке сказать.

– Она знает.

– Это от нее?

– Да.

– Она тебе изменила? Вы поэтому расстались?

Лешка промолчал.

* * *

Алла вылечилась. Екатерина Андреевна собралась замуж за Виктора Ильича. Алле было все равно.

Екатерина Андреевна и Виктор Ильич подали заявление в загс. По этому случаю дома устроили помолвку. Чисто символически. Должна была Лиля приехать как главная сводница. Какие-то друзья Виктора Ильича. Алла помогала матери резать салаты.

Первой приехала Лиля. Тут же выпила бокал вина и начала рассказывать про Маратика. Виктор Ильич кивал. Екатерина Андреевна суетилась с нарезками – колбаса, сыр. В дверь позвонили.

– Алуша, открой! – крикнула Екатерина Андреевна.

Алла открыла дверь. На пороге стоял Димочка.

– Здравсьте, – обалдела Алла.

Димочка изменился. Опять стал похож на себя того, прежнего – худого, нервного, веселого.

– По какому случаю гуляете? – спросил Димочка. Он зашел как к себе домой.

– У мамы помолвка, – ответила Алла.

– Понятно. А я без подарка. – Димочка широко улыбался.

– Алуша, кто там? – крикнула Екатерина Андреевна.

– Это я, – ответил за Аллу Димочка.
Екатерина Андреевна чуть не села мимо стула. Лиля поперхнулась вином.
– Дмитрий. – Димочка протянул руку Виктору Ильичу.
– Виктор Ильич, – представился тот и сделал паузу.
– Я старый друг Кати, – объяснился Димочка.
– И мой бывший муж, – захихикала Лиля. – А ты в командировке? Не знала, что ты в Москве, – сказала она Димочке.

Екатерина Андреевна молчала. Алла тоже.
– Да нет, я насовсем, – ответил Димочка.
– А вы чем занимаетесь, молодой человек? – спросил Виктор Ильич.
– Временно безработный. По образованию – юрист.
Екатерина Андреевна никогда не рассказывала Виктору Ильичу про Димочку. Не говорила и о том, что жила с ним в Нижневартовске. Надеялась, что обойдется без объяснений. Лишь бы Лиля болтать не начала.

В дверь опять позвонили – пришли друзья Виктора Ильича. Екатерина Андреевна выдохнула с облегчением и побежала за тарелками.

Алла ушла к себе. В соседней комнате говорили тосты, стучали приборами по тарелкам. Вдруг Алла услышала разговор – в коридоре стояли Екатерина Андреевна и Димочка. Говорили шепотом.

– Ты почему вернулся? – спросила Екатерина Андреевна.
– Неприятности.
– Что-то с работой?
– Да. Консультацию закрыл. Меня попросили закрыть, так сказать. Перешел кое-кому дорогу.
– А квартира?
Димочка не ответил.
– А где ты живешь?
– С мамой. В своей старой квартире. Так даже лучше. Мама болеет. Ничего, прорвемся. Ты его хоть любишь?

– Димочка, не задавай дурацких вопросов. А что с Диной Матвеевной?
– Сердце.
Они вернулись в комнату. Алла вышла в коридор и заглянула в комнату.
Виктор Ильич уже перевыполнил свою норму. Все норовил положить руку Лиле на коленку. Лиля руку отбрасывала. Виктор Ильич опять клал руку.
– Лиля, вот ты послушай... – начинал он и замолкал – забывал, что хотел сказать. Он поднял мутные глаза на вошедших в комнату Димочку и Екатерину Андреевну.
– Катя, ты куда с ним ходила? – Виктор Ильич перешел в стадию пьяного наезда.
– Никуда. На кухню. Витя, тебе уже достаточно, – сказала Екатерина Андреевна.
– Нет, ты мне скажи, куда ты с ним ходила? – не унимался Виктор Ильич. – И вообще, что он здесь делает? Он тебе кто – сват, брат? Я его не приглашал.
– Да она с ним жила, в Нижневартовске, – брякнула Лиля.
– Катя, это правда? Он твой бывший хахаль? – пьяно удивился Виктор Ильич.
– Витя, перестань. Пожалуйста, – попросила Екатерина Андреевна.
– Ах ты дрянь. – Виктор Ильич стал медленно подниматься со стула. Оперся рукой о край стола, уронил тарелку. – Строила из себя порядочную, мне не даешь, а вы тут с Лилькой и этим шведскую семью устроили?

– Витя, прекрати. Сейчас же. – Екатерина Андреевна начала заводиться. – Лиля, ну кто тебя за язык тянул?

– На квартиру мою позарилась? – орал Виктор Ильич. – Блядь, шалава. Да я тебе... – Виктор Ильич замахнулся, но по пьяни не рассчитал удар – ткнул кулаком в плечо Екатерины Андреевны.

Димочка подхватил Виктора Ильича за грудки и вынес в коридор. Прислонил к стене, открыл дверь и вышвырнул Виктора Ильича на лестничную клетку. Сорвал с вешалки плащ, схватил палку, вышвырнул следом.

Начался сумасшедший дом. Виктор Ильич звонил в дверь. Лиля орала в комнате, Екатерина Андреевна плакала на кухне, друзья Виктора Ильича одевались в коридоре, Димочка сидел за столом и ел салат.

Алла схватила телефонную трубку и лихорадочно соображала – кому позвонить? Куда уйти? Срочно, прямо сейчас. Чтобы не слышать и не видеть всего этого. Пусть сами разбираются. К Лешке? К Ирке? А больше не к кому. Точно. К Вите. Он что-нибудь придумает. Она набрала номер. Витя ответил.

– Привет, это Алла.
– Алла?
– Дочка Екатерины Андреевны.

- О, не узнал. Куда пропала?
- Можно, я к тебе приеду? Прямо сейчас.
- Чего вдруг?
- Мне очень надо. Переночевать. Только не к тебе домой. Куда-нибудь в другое место.
- Хорошо. Встречаемся на остановке 737-го автобуса. Через пятнадцать минут. Успеешь?
- Успею.

Алла покидала в рюкзак учебники, тетради. Сбегала в ванную за зубной щеткой.

Алла выскользнула в дверь. Но дверь все равно хлопнула. Она кинулась вниз по лестнице. Сверху кричала мать:

– Алла, вернись. Куда ты? Вернись, я сказала. Сейчас же!

Алла добежала до автобусной остановки. Витин «Москвич» уже стоял там. Алла кинулась к нему на шею.

– Увези меня, – попросила она. Витя был такой красивый. Такой взрослый. Такой уверенный. Алла смотрела на него и не могла насмотреться.

– Куда мы едем? – спросила Алла и кокетливо прикусила нижнюю губу.

– На свадебной фотографии моя мама тоже стоит, прикусив губу. Как ты сейчас. Мы едем туда. В квартиру моей матери. А что там у вас случилось?

– Первая семейная ссора. Твой отец и моя мама сегодня помолвку отмечали. Вот и доотмечались. – Алла быстро рассказала про Димочку, про Нижневартонск.

– Ты сказала матери, куда уехала?

– Нет.

– Зря. Они будут тебя искать. Приедем, позвони.

– Нет.

Они приехали в маленькую однокомнатную квартирку. Там был беспорядок – как будто все быстро собирались. Дверцы шкафов открыты, обувь разбросана по всей прихожей, остатки продуктов на столе, скомканное белье на диване.

– Они на дачу уехали, – сказал Витя.

Алла рассматривала квартиру. На столе стояла рамочка с фотографией. Мальчик, стриженный под горшок, в клетчатой рубашке, застегнутой под горло, смотрел на Аллу серьезно. Мальчик как мальчик. Некрасивый. Не то что Витя.

– А это кто?

– Сын моей матери.

Витя не сказал «сводный брат», не назвал мальчика по имени. Просто – «сын моей матери».

– А почему ты тогда, когда твои развелись, сказал, что с отцом будешь жить?

Витя молчал и крутил штопор, открывая бутылку вина.

– Ты обиделся на маму? Ревновал ее?

Витя зажал бутылку между коленями и хлопнул пробкой.

– Да нет. Отца было жалко. Он же один оставался. А у матери и новый муж, и новый ребенок.

Они выпили бутылку вина, и на Аллу обрушилось счастье.

– А почему ты тогда со мной не переспал? – спросила она, глядя обнаженную Витину спину.

– Не хотел быть первым.

– Почему?

– Не знал, как ты потом себя вести будешь. Могла бы от меня не отвязаться.

У Аллы вдруг открылись глаза. В эту минуту Алла Витю разлюбила. Резко и сразу. Она смотрела на него и как будто только что увидела. Лицо – неприлично, безумно красивое. Глаза – холодные, жесткие, колючие. Взгляд – недолюбленный.

– Отвези меня домой, пожалуйста, – попросила она Витю.

– Ты же хотела на ночь остаться.

– Теперь не хочу. Мама будет волноваться.

– Давай я тебе машину поймаю. Я выпил.

– Нет, отвези. – Алла знала, что дело не в выпитом вине. Вите просто было лень вставать, садиться за руль.

Витя отвез ее домой.

– Пока, – сказала Алла.

– Ты позвонишь?

– Обязательно.

Но Алла Вите не позвонила. К тому же они так и не стали родственниками – после помолвки Екатерина Андреевна сказала Виктору Ильичу, чтобы он забыл дорогу к их дому.

Зато Димочка второй раз зашел в ту же воду. Прямо там, у Екатерины Андреевны в гостях, он вернулся к Лиле. Или она к нему. Во всяком случае, когда Алла пришла домой, Димочка с Лилей сидели

на диване и целовались. Екатерина Андреевна мыла посуду на кухне. Алла взяла полотенце и стала вытирать тарелки.

– Они что, опять вместе? – спросила Алла мать.

– Да, – ответила Екатерина Андреевна.

– А почему?

– Потому что все вернулось к тому, с чего начиналось. Им больше нечего делить. К тому же у Лили появилась новая идея – Маратику нужна мужская рука. Другой мужской руки, кроме Димочкиной, у нее нет. Так что все правильно.

– А как же ты?

– А у меня есть ты. Мне больше ничего и не надо.

* * *

Екатерина Андреевна после той незадавшейся помолвки плакала и пила валерьянку – то ли свою личную жизнь оплакивала, то ли Димочку, то ли просто накопилось... Алла не знала, что делать. Екатерина Андреевна взяла на работе больничный и сидела дома. Не сидела, лежала. Пластом. Только в туалет вставала. Алла носила матери на подносе еду, чай. Екатерина Андреевна ела суп, сваренный Аллой. В суп капали слезы.

– Мамочка, давай я тебе врача вызову? – Алла тоже начинала плакать, глядя на мать.

– Не надо, Алуш. Я еще полежу, и все пройдет.

Но не проходило. Как-то вечером Алла от безысходности взяла мамину старую записную книжку и позвонила тете Регине. Екатерина Андреевна всегда звонила тете Регине, когда что-то случалось. Алла это помнила. Она набрала номер. Ответил мужской голос.

– Алло, здравствуйте, а тетю Регину можно? – спросила Алла.

– Нет ее, – резко ответил голос. – А кто это?

– Это Алла, дочь Екатерины Андреевны. Из Москвы.

– Алуша, Господи, я тебя не узнал, – голос сразу помягчел, – это дядя Володя. Ты меня помнишь?

Алла обрадовалась. Она помнила дядю Володю.

– Что случилось, Алуш?

– Маме плохо. Лежит все время. Я думала, тетя Регина приедет. Поможет. Я не знаю, что делать. – Алла заплакала.

– Так Регина в Москве. С Сашкой. Она вам не звонила? – Дядя Володя разволновался.

– Нет. Не звонила.

– Запиши номер телефона. Позвони ей.

Алла записала номер. Позвонила. Ответила тетя Регина. Обрадовалась.

– Жди, мы приедем, – сказала она Алле.

– Спасибо, – сказала Алла.

– Мамочка, вставай, сейчас тетя Регина приедет. – Алла зашла в комнату матери.

– Не говори ерунды, она в Орджоникидзе. – Екатерина Андреевна не повернулась. Лежала и смотрела в стену. Орджоникидзе переименовали во Владикавказ, но Екатерине Андреевне было ближе старое название города.

– Нет, они в Москве. С Сашкой. Я им позвонила. Сначала я позвонила дяде Володе, а он дал мне их телефон.

Екатерина Андреевна встала, повязала фартук и встала к плите – жарить пирожки, варить борщ. Алла собой гордилась.

Они раздевались в коридоре – тетя Регина и Сашка. Алла их рассматривала – тетя Регина совсем не изменилась. Зубов как не было, так и нет, живот стал еще больше, морщины на юбке и на лице лежали глубокими складками. Сашка стал долговязым молодым человеком. С говорком. Держался скованно. Тетя Регина с Екатериной Андреевной обнялись, расцеловались. Сели за стол. Сашка сразу накинулся на еду.

– Катяндревна, а я ваши пирожки помню. И борщ. Помните, вы нам варили? Такой вкусный, – говорил с полным ртом Сашка.

– Ешь, Саша, на здоровье.

Они поели, помыли посуду. Екатерина Андреевна постелила постели. Сашку положили в гостиную – на сдвинутых креслах. Екатерина Андреевна с Региной легли на полу – в Аллиной комнате. Лежали и разговаривали. Думали, что Алла уже спит. Алла лежала с закрытыми глазами и слушала.

Саша после школы поступил на юрфак в институт. Регина помогла – ее однокурсник стал деканом факультета. Но Сашка вылетел после первого курса. Не хотел учиться, хотел деньги зарабатывать. И уехал в Москву с другом.

– А почему он мне не позвонил? – спросила Екатерина Андреевна.

– Постеснялся. Хотел сам пробиться.

Они с другом сняли квартиру где-то в Капотне. Сашка подвизался сначала курьером, потом устроился в фирму – замороженными продуктами торговал. Уволился, бегал с работы на работу. А потом его то ли подставили, то ли обманули – долг повесили. Сашка испугался и вернулся домой, во Владикавказ. Армия ему не грозила – об этом Регина позаботилась. Энурез, плоскостопие, близорукость – Сашке сделали «белый билет».

– И что он? – спросила Екатерина Андреевна.

– А что он? Я ему предлагала в институт вернуться. Но он не захотел. Говорил, что если где и учиться, то в Москве. А откуда такие деньги?

– Ты не работаешь? – спросила подругу Екатерина Андреевна.

– Нет. Уволилась.

– А Володя?

– Так и вяжет свои кофточки. Я на рынке стою – продаю. Сашка помогал – возил из Москвы шмотки, постельное белье, продукты. Но ты же знаешь Володьку – только рисовать может, а как проблему разрулить – так его нет. Да и все равно в убытке были. Сашка накупит шмотье, а его у нас не берут. Вся квартира завалена. А потом эта появилась.

– Кто?

Сашка нашел себе девушку. На местной дискотеке. Русскую, с родственниками – теткой – в Питере. Жанку.

– Это же нормально. Взрослый парень, – сказала Екатерина Андреевна.

– Ничего нормального. Шалава местная. Тупая, гульная, три аборта к девятнадцати годам. Только задницей вихлять и умеет.

– А ты откуда знаешь?

– Так я все про нее узнала.

Тетя Регина ходила по Жанниным соседям, подругам, бывшим друзьям.

Стучала или звонила в дверь. Если спрашивали: «Кто?» – тетя Регина рывкала: «Милиция». Задавала вопросы: с кем Жанна ходила, куда ходила, во сколько возвращалась? Кто родители? Правда ли, что тетка в Петербурге?

– И зачем тебе это было надо?

– Как зачем? Я же должна знать, что за девка? А этот заладил – люблю, и все.

Собрав информацию, тетя Регина посадила перед собой Сашку и выложила факты: его возлюбленная – проститутка, сделала три аборта. Сказала, что Жанну на порог не пустит, пусть только попробует привести.

Но Сашка уперся. Поругался с матерью, хлопнул дверью и ушел к Жанне. Тетя Регина – майор милиции – не придумала ничего лучшего, чем спрятать паспорт сына под вязальную машину дяди Володи. Там точно никто искать не будет. Нет документа – нет брака.

Сашка искал паспорт, но не нашел. Поругался с матерью и опять ушел жить к Жанне.

Через неделю вернулся домой. Сказал матери, что они с Жанной расстались и он собирается в Москву – в институт попробует поступить. Друг для него место в съемной квартире держит, назад зовет. Там и работа какая-то намечается.

– А где мой паспорт? – спросил Сашка.

– Не знаю, поищи у себя, – ответила тетя Регина, вытащила документ из-под вязальной машины и положила на тумбочку. Сашка наткнулся на паспорт, сразу все про мать понял, но ничего не сказал. Взял паспорт и ушел – на вокзал билет покупать.

Вечером того же дня Сашка, жуя холодный фытчин, преподнес новость – он женился на Жанне. Положил на стол перед матерью паспорт с печатью.

– Как вас расписали? А заявление вы подавали? – Тетя Регина впервые за всю свою жизнь лишилась аппетита. Кусок фытчина в горло не лез.

– Так и расписали. По справке, – ответил Сашка.

– Какой справке?

– Из женской консультации. Жанна беременна. На шестом месяце. Девочка будет.

Тетя Регина схватилась за сердце.

На следующий день тетя Регина надела свою старую милицескую форму и пошла в загс. Зашла в кабинет заведующей и подняла крик. Заведующая подняла документы – все по закону. Вот справка, вот заявление, вот подписи. Аннулировать нельзя.

Когда тетя Регина вернулась домой, за столом на кухне сидели Жанна с Сашкой. В коридоре стоял чемодан.

Жанна ела холодный фытчин. Тетя Регина обозвала невестку проституткой и вышвырнула за порог Жаннин чемодан. Жанна расплакалась и убежала. Сашка убежал за Жанной. Тетя Регина стояла на лестничной клетке, и все соседи слышали, как она поливает Жанну отборным матом на двух языках – русском и осетинском.

– Ну зачем ты так? Только хуже сделала, – сказала Екатерина Андреевна.

– Вот пусть твоя в подоле принесет, тогда ты подружому заговоришь, – огрызнулась Регина и подтянула одеяло.

– А что дальше?

Сашка приходил, пытался поговорить с матерью.

– Да это не твой ребенок. Залетела не пойми от кого, а тебя использует! – орала тетя Регина.

– Мама, это мой ребенок. Жанна меня любит. Ты ведь даже с ней не поговорила.

– А чего мне с ней разговаривать? Я все про нее знаю. И вот еще что, я к Кате в Москву поеду. Надо узнать, как сделать анализ на определение отцовства. Может, тогда у тебя глаза раскроются?

– А если окажется, что ребенок от меня?

– Не окажется. Ты мне лучше скажи, со свадьбой – это Жанка подстроила? Справку из консультации взяла, тебя домой отправила, чтобы ты паспорт забрал? Скажи, она придумала?

– Она.

Тетя Регина грохнула чашкой об стол.

– Змея, змеюка и есть. Ну ничего, я ее выведу на чистую воду.

Три месяца, пока Жанна беременность дохаживала, Регина ругалась с Сашкой. Но на сторону сына встали Володя и Лариса. Для Регины это стало последним ударом.

– Ну что ты не угомонишься никак? – уговаривал Регину Володя. – Пусть живут, как хотят. Дай ей хоть родить спокойно.

– Ой, я стану тетей, – поддакивала Лариса. – Мама, Жанна хорошая, она мне свою кофточку подарила и помаду отдала.

Регина пила араку и заваливалась спать.

Жанна родила девочку. Назвали Софочкой.

– Что это за имя? – шептала Регина Екатерине Андреевне.

– Хорошее имя. Софья. Что тебе не нравится? – отвечала Екатерина Андреевна.

– Назвали бы Настей или Леной. А то Софочка!

– Тебе лишь бы привязаться.

– Так что ты думаешь? Они из роддома к нам приехали.

– А куда им еще было ехать?

– Ага, думали сбегать на меня ребенка... Но не вышло. Эта грудью покормит, юбку нацепит и на гулянку. А Сашка за ней.

– А кто с девочкой сидел?

– Володька. Ты же знаешь, как он детей любит. Он ее и купал, и укачивал.

– Он молодец.

– Больше ни на что и не годится.

– Регина, ну ты же бабушка. Родная кровь.

– Это еще бабушка надвое сказала, чья там кровь. Девчонка – копия Жанка.

– Она еще тысячу раз переменится. Сама знаешь.

Через четыре месяца Жанна не выдержала. Регина к ней цеплялась, Софочка плакала, плохо спала, Сашка молчал, говорил – «сама с матерью разбирайся», а Жанна не знала, как разбираться. Володя тоже не вмешивался в отношения свекрови и невестки.

Жанна стала просить Сашку уехать в Москву – там и работа, и деньги крутятся, и от свекрови подальше. Но Сашка ехать не хотел – ему и так было хорошо. Регина стала замечать, что из тумбочки стали пропадать деньги. Там и так не бог весть сколько лежало. Регина дождалась, когда Сашка с Жанной вернутся из очередных гостей, и обозвала Жанну воровкой. Та разрыдалась.

– Я не брала, – говорила она свекрови.

– А кто? Больше некому.

Регина кинулась в коридор, схватила Жаннину сумочку и вывалила содержимое на стол. Хотела взять с поличным. Денег в сумочке не оказалось.

– Это я взял, – сказал Сашка.

– Ты? На что? – Регина сбавила обороты.

– Джинсы новые купить хотел.
– У тебя же есть.
– Я Жанне хотел купить.
– Так это ты его подговорила? – Регина опять накинулась на невестку. – Джинсы ей новые понадобились. Жопой крутить.

Регина вывалила весь запас матерных слов.

Жанка бросилась в комнату собирать чемодан – если Саша не хочет ехать в Москву, она одна уедет к тетке в Питер.

Регина зашла в комнату и тоном доброго мента сказала:

– Поддай заявление на развод и можешь ехать, куда хочешь. Денег на дорогу я тебе дам.

– Господи, Регина, – Екатерина Андреевна не удержалась и заговорила от возмущения в полный голос, – как же так можно?

– Не ори, – сказала Регина. – Только так с ней и надо было.

– А внучка? Софочка?

– А что внучка? Эта шалава уехала и дочку забрала.

– А Сашка? Как он ее отпустил?

– А что ему? Молодой еще. Успеет нанянчиться. Да эта дрянь наверняка себе там уже мужика нашла.

– Откуда ты знаешь?

– А тут знать много не надо.

– Так она подала заявление?

– Как миленькая. Уже и развели. Я договорилась, чтобы быстро, без суда.

– И что теперь?

– А что? Сейчас о другом надо думать.

Алла не слышала окончания разговора – уснула.

Тетя Регина с Сашкой уехали утром после завтрака. Алла мыла посуду. Екатерина Андреевна пила кофе. Сидела задумчивая. Смотрела в окно. Но Алла была спокойна за мать – Екатерина Андреевна позвонила на работу, сказала, что завтра будет. Депрессия вроде бы прошла.

– А зачем тетя Регина с Сашкой в Москву приехали? – спросила Алла.

– Саша опять решил пойти учиться. В коммерческий вуз.

– У них же денег нет.

– Нет.

– А как же тогда? Она у тебя просила? – догадалась Алла.

– Да, в долг.

– А ты?

– Дала.

Алла знала, что у матери есть заначка – неприкосновенный запас. Екатерина Андреевна откладывала понемногу.

– Мама, зачем? Она же тебе не вернет.

– Не вернет.

– Сказала бы, что у нас нет.

– Алуша, Регина очень много для меня сделала. Когда мне нужна была ее помощь, она никогда мне не отказывала. Да там и сумма небольшая.

– Сашка все равно учиться не будет. Станный он какой-то.

– Кто знает, может, и будет?

– А тетя Регина страшная и злая. Я ее и в детстве боялась.

– Тетя Регина не всегда бывает права...

– И хорошо, что эта Жанна увезла дочку. Тетя Регина ее бы била. Как Лариску и меня.

– Ты что, все слышала?

– Почти все...

Тетя Регина с Сашкой приезжали еще раз. Сашка сдал чисто символические экзамены, тетя Регина внесла деньги в институтскую кассу, и Сашка был принят на юрфак.

Алла тоже сдала экзамены и поступила на филфак МГУ. Сама. Екатерина Андреевна решила устроить двойной праздник – отметить поступления.

Сашка с тетей Региной приехали с коробкой конфет и цветами. Тетя Регина лезла к подруге целоваться. А Сашка торжественно пообещал отучиться, встать на ноги, заработать кучу денег и отдать долг Екатерине Андреевне. Та даже расплакалась. Алла сидела с недовольным лицом. Ей было противно

смотреть на беззубую тетю Регину.

Регина уехала во Владикавказ. Екатерина Андреевна ходила на работу, Алла училась. К ним опять часто стали приезжать Димочка с Лилей. Как раньше. Лиля говорила без умолку. Теперь она была занята не разездом, а съездом. Димочка поставил условие – жить с мамой. Теперь они меняли две квартиры на одну. Но Лиля не сопротивлялась. Даже рада была. У нее была на это причина.

Лиля неожиданно для себя и для Димочки забеременела. От Димочки. А Дина Матвеевна, хоть и сердечница, еще хорошо держалась. Вполне годилась на роль няньки для будущего ребенка. Тем более родного внука или внучки.

Но Лиля вроде как и не рада была своей беременностью.

– Лиля, это же счастье, – говорила Екатерина Андреевна. – Ты радоваться должна.

– Ничего я не должна. И Димку как подменили – фрукты с рынка мне носит, живот гладит, а когда я Маратика носила, не допросишься за молоком сходить.

– Димочка тогда молодой был.

– А ты его не оправдывай.

Ребенок еще не родился, а Лиля уже страдала от комплекса вины перед Маратиком.

Маратик перестал быть гениальным ребенком, а стал неуправляемым, раздрыганным подростком. Лиля, встречая сына из школы, устраивала обыск – требовала, чтобы он дыхнул. Маратик послушно дышал пивом. Лиля обыскивала куртку – из карманов вываливались сигареты. Маратика вышибли из спецшколы. В обычной он тоже не учился – Лиля таскала в школу учителям конфеты с духами, лишь бы тройку поставили. А потом, как забеременела, плюнула. Делай что хочешь. Маратик и делал, что хотел, – шлялся до полуночи неизвестно где, хамил Димочке, огрызался на мать.

– Он не виноват, это все гены. Еще вот это. – Лиля показывала на свой живот. – Представляешь, какой для него стресс?

– Это ты виновата, – говорила Екатерина Андреевна подруге, – избаловала его. Теперь расхлебывай.

– Если бы рядом был мужчина, отец, он бы не вырос таким.

Лиля родила дочку. Назвали Машей. Димочка называл дочку Маней. Бабушка – Дина Матвеевна – Мириам. А Лиля – ссыкухой и спиногрызкой. Все повторялось. Но если Маратика не признал Димочка, то Машу не признала собственная мать.

Маша-Мириам оказалась точной копией бабушки – Дины Матвеевны. Те же волосы – черные, мелким бесом, тот же рот. Лилю аж затрясло от ужаса, когда Дина Матвеевна показала ей свои детские фотографии – Маша была точной копией бабушки в детстве. Только нос – курносый – выдавал Лилю.

– Я как будто вообще к ней отношения не имею, – жаловалась Лиля Екатерине Андреевне. – Вся в их породу пошла. Кошмар. Еврейка. Натуральная еврейка.

– Лиля, это ведь ваш с Димой ребенок. Как ты и мечтала. Маша – красивая девочка.

– И упертая. Вся в бабу. Грудь всю высосала. Как прилипнет, не оторвешь.

Лиля потрогала свои обвисшие груди. Грудь была главной ее гордостью. Высокая, крепкая, несмотря на возраст. Маратик вырос на смеси «Малыш» – не взял грудь, ленился сосать. А Машка цеплялась губами, ручками и не могла наестся.

Маша в отличие от своего брата действительно была гениальной. И это тоже раздражало Лилю. Она чувствовала, что дочка очень далека от нее и очень близка бабушке. Да и Димочка не мог на нее нарадоваться. Вставал по ночам, читал книжки.

– Что ты ей читаешь? Она же ничего еще не понимает, – раздражалась Лиля.

– Пусть слушает.

Димочка даже взял у Екатерины Андреевны старый Аллин проигрыватель и пластинки и ставил сказки, на которых выросла Алла, для Маши.

Маратик искренне ненавидел сестру. Смеялся он только тогда, когда ему удавалось напугать Машу. Он совал ей в лицо игрушечную обезьянку и рычал. Маша заходилась плачем, Маратик хохотал.

Лиля считала, что сын страдает от того, что все внимание теперь переключилось на Машу, и потакала всем его просьбам. Совала в карман куртки то рубль, то трешку. Маратик спускал деньги на сигареты и жвачку.

Маша, как только научилась ходить, стала перетаскивать свои игрушки в бабушкину комнату и там возилась. Дина Матвеевна читала ей еврейские сказки, перетирала фруктовое пюре, варила каши, показывала, как зажигать свечи на меноре. Маша хлопала в ладоши. «Наша девочка получилась, – говорила Дина Матвеевна сыну. – Только бы не испортилась. Или материнское бы не полезло».

Димочка приезжал к Екатерине Андреевне один.

– Не знаю, что делать. Лилька как с цепи сорвалась. На Машку все время орет и подзатыльники отешивает. Ни за что ни про что. И с матерью моей не разговаривает. Говорит, что свекровь внучку против нее настраивает. Бред какой-то. А Машка к бабке так и льнет. Из ее комнаты не выходит.

– А что Маратик? – спрашивала Екатерина Андреевна.

– Девоч водит. На этаж. Гулянки там устраивает – прямо на лестнице. Лилька ходит, всех разгоняет, да без толку.

– Поговори ты с ним...

– Разговаривал. Как об стену горох.

Алла запомнила Машу по одному моменту. Они с Екатериной Андреевной приехали в гости к Димочке – Маше исполнилось пять лет. Лиля устраивала семейный праздник.

– Машка, вытри со стола, – крикнула Лиля дочери и сунула ей в руки кусок капроновой колготки, заменявший тряпку.

Маша послушно поелозила по столу. Брезгливо посмотрела на грязный стол и вдруг спросила Аллу:

– А ты знаешь, что общего между гробом, зеркалом и яблоком?

– Нет, не знаю, – сказала Алла.

Маша вскинула руку, жест Дины Матвеевны, и дала разгадку:

– Это же сказка о мертвой царевне и семи богатырях.

– Машка, хватит трюндеть, я тебе что сказала, – прикрикнула на дочь Лиля.

Маша опять стала елозить колготкой по столу.

Димочка позвонил Екатерине Андреевне рано утром.

– Что-то случилось? – спросила Екатерина Андреевна.

– Мама умерла, – сказал Димочка.

– Я сейчас приеду.

– Что случилось? – спросила Алла мать. Она собиралась в институт.

– Дина Матвеевна умерла. Поедешь со мной?

– Хорошо.

Они поймали машину и поехали к Димочке.

Они шли по дорожке к дому. Всего полгода прошло с первого Машиного юбилея. Они тогда тоже по этой дорожке шли. Вдруг Екатерина Андреевна остановилась около мусорного контейнера и схватила Аллу за руку.

– Тебе плохо? – спросила Алла.

Екатерина Андреевна протянула руку и показала в сторону контейнера. В нем, шуруя большой палкой, рылся бомж. Рядом стояла спитая женщина, тоже с палкой, и прикладывала на грязную куртку розовую комбинацию. Как будто прикидывала – ее размер или нет. Бомж подцепил палкой одну туфлю и бросил подруге. Та скинула сапог и вошла в туфлю. Так и стояла – одна нога в драном мужском сапоге, другая – в изящной туфельке на каблучке. Бомжиха опять приложила комбинацию и покрутила задом. Бомж заржал, перекинул ногу и скрылся в мусорке с головой.

– Это вещи Дины Матвеевны, – сказала Екатерина Андреевна и заплакала.

– Мама, ну с чего ты взяла? Может, чужое, не плачь, – уговаривала мать Алла.

– Лилька выбросила. – Екатерина Андреевна уже рыдала. – Как она могла?

– Мама, пойдем, пойдем.

У подъезда их ждал Димочка. Курил, прикуривая одну сигарету от другой.

– Ты это видела? – спросил он, показывая в сторону помойки.

– Это Дины Матвеевны?

Димочка кивнул. Они сели на лавочку перед подъездом. Алла стояла в сторонке.

– Как это случилось? – спросила Екатерина Андреевна.

Маша уже давно перебралась в бабушкину комнату. Рисовала за бабушкиным секретером, спала с ней на большой мягкой кровати.

В тот день Маратик как обычно где-то шляется, Димочка с Лилей скандалили на кухне. Они в последнее время спокойно уже не могли разговаривать. Ругались все время. По любому поводу – Маратик, Машка, деньги, Дина Матвеевна, новый холодильник...

Маша вышла из комнаты, зашла на кухню, где ругались родители, и спокойно сказала:

– Бабушка умерла.

– Машка, марш в комнату. Мы разговариваем! – крикнула Лиля.

Лиля с Димочкой продолжали ругаться.

Маша постояла на пороге и пошла назад в комнату бабушки. Лиля с Димочкой зашли в комнату

через два часа. Эти два часа Маша рисовала для мертвой бабушки рисунки, читала ей книжку.

– Мама, дай мне одеяло, бабушка замерзла. Ее нужно укрыть, – сказала спокойно Маша.

Димочка спустился на пол по косяку. Его мать лежала на кровати в окружении кукол. На пожилой женщине сидела черная с белым кошка. Маша рассадилась у стены всех своих пластмассовых подружек. А кошку Маркизу, любимую мягкую игрушку, посадила бабушке на грудь. Лиля заголосила и потащила дочь из комнаты. Маша упиралась. Димочка так и сидел, обмякнув на дверном косяке.

Димочка докурив, они поднялись в квартиру. Лиля звонила – организовывала похороны, поминки, бегала из комнаты в комнату...

Машка сидела на стульчике в прихожей. Спину держала ровненько, как бабушка учила, руки на коленях сложила. На кухне Маратик пил чай. Как будто все происходящее его не касается.

– Бабушка всегда говорила, что умрет быстро. Чтобы мы не мучились, – сказала Маша Алле, когда та снимала обувь. – А я ее обидела. Очень, – продолжала Маша. – Она держала мое лицо в своих руках и хотела поцеловать, а я вырвалась. Сказала, что у нее руки страшные и плохо пахнут. А она мне сказала, что это запах старости. Она на меня сердится? – спросила Маша, и по ее щеке потекла слеза.

– Нет, не сердится, – сказала Алла и притулилась на стульчик рядом с Машей.

Машка легла ей на колени и горько заплакала. Как маленькая. Как маленькая испуганная девочка. Маша и была маленькой испуганной девочкой. Алла гладила ее по голове и говорила «ш-ш-ш».

На кухне сидели Димочка, Лиля и Екатерина Андреевна. Маратик оделся и ушел. Даже не поздоровался.

– Лиля, как ты могла? – выдавила Екатерина Андреевна.

– Что? Что я не так сделала?

– Зачем ты выбросила вещи Дины Матвеевны?

– А что на них смотреть теперь? Вечно вы всем недовольны. Я с ног сбилась – и похороны, и поминки на мне. А вам лишь бы страдать. Побегали бы с мое... И денег нет. Я откладывала – ремонт хотела сделать. А теперь какой ремонт? Все уйдет как в дыру.

Димочка вышел из кухни и пошел в комнату матери. Вышел с книгой и пакетом.

– Держи. – Он протянул книгу и пакет Алле.

Алла взяла книгу, большую, красивую, и прочла название: «Рецепты еврейской кухни».

– Спасибо. Только я не умею готовить, – сказала она.

– А ты не готовь. Книгу сохрани. И то, что в пакете. Потом Машке отдашь, когда она вырастет.

– А что там?

– Менора и мезуза.

– Хорошо, – сказала Алла.

На похоронах было немного людей. Пришли две пожилые дамы – давние подруги Дины Матвеевны, школьные друзья Димочки, которые помнили его мать, какие-то подруги Лили, которые Дину Матвеевну в глаза не видели. Был и скандал. Лиля заказала отпевание. Со священником и свечами. Чтобы было как у людей. Как положено.

Димочка увидел на лбу покойной матери бумажку с ликами святых, наклонился, поцеловал мать и снял бумажку.

– Моя мать никогда не была крещеной, – громко, на весь зал сказал он. – Она еврейка.

Священник покосился на Лилу, помолчал и тихо вышел.

Лиля прямо у гроба начала скандалить – про «людскую неблагодарность», «зря выброшенные деньги», «два дня беготни» и «еврейские штучки». Димочка морщился как от зубной боли.

Вдруг Алла почувствовала, что ее кто-то трогает за руку. Она повернулась – Маша. Бледная, худая. Маша улыбалась.

– Привет, – шепотом поздоровалась Алла.

– Привет, – ответила Маша, продолжая улыбаться. – Вот, держи. – Маша быстрым движением засунула Алле что-то в карман куртки.

– Это что?

– Бабушкины драгоценности. Я вытащила, пока мама не видела. – Маша сияла.

– А мне зачем?

– Сохрани. Потом мне отдашь, когда я вырасту. Ладно? Только маме моей не говори. Она отберет и выбросит на помойку. Как бабушкины платья. Только ты обязательно сохрани. Я, когда вырасту, найду тебя.

– А зачем меня искать?

– Мы с тобой больше не увидимся. – Маша перестала улыбаться.

– Почему, Маш?

Маша не ответила. Дернула плечиками: мол, что толку тебе объяснять очевидные вещи, если ты их сама не понимаешь.

Дома Алла отдала драгоценности Екатерине Андреевне. Они сложили все в пакет – книгу, реликвии, драгоценности – и спрятали под раскладной диван.

Маша оказалась права. Димочка с Лилей после похорон пропали. Екатерина Андреевна звонила – никто не брал трубку. Дозвонилась на сорок дней Дины Матвеевны. Лиля рассказала последние новости. Димочка бросил ее и уехал на Север. Не в Нижневартовск, еще дальше. В маленький городок – триста километров от Нижневартовска. И Маратика с собой забрал. Точнее, Маратик сам напросился. От них ни слуху ни духу. Она с Машкой осталась. Машка молчит все время, слова не вытащишь. И смотрит свысока. А Маратик – мразь неблагодарная. Она ему всю душу отдала, а он взял и уехал.

- Мам, и как ты могла с тетей Лилей дружить? – спросила как-то Алла.
- А что тебя удивляет?
- Ну ты же с Димочкой в Нижневартовске жила. Тетя Лиля тебя не ревновала?
- Может, и ревновала... Мы слишком давно друг друга знаем.
- А Димочку ты любила?
- Любила...
- Ты из-за меня уехала, ну, мы уехали с Севера?
- Нет. Из-за себя.

* * *

Тетя Лиля скоро объявилась. Сидела на кухне и пила вино.

- Что отмечаете? – спросила Алла, вернувшись из института.
- Счастливое обретение еврейских родственников, – ответила тетя Лиля и захихикала.
- В каком смысле?
- В прямом.
- Понимаешь, Алуша, – объяснила Екатерина Андреевна, – Димочка с Маратиком в Израиль уехали.
- Ну и что? Там сейчас тепло, – не поняла Алла.
- Они навсегда уехали. На ПМЖ.
- Тем более хорошо. Будут жить на берегу моря.
- Да что б ты понимала! – закричала тетя Лиля.
- А вы с Машкой тоже поедете?
- А нас никто не зовет. А даже если бы и звал, я бы не поехала. Но знаешь, что поражает – все тихой сапой сделал. И Маратик молчал. Специально, наверное.
- Может, они не знали, получится или нет?
- Да прям. Все он знал. Сволочь.

А через неделю на их кухне сидел уже Димочка. Тоже пил вино.

- Ты же в Израиль уехал? – удивилась Алла.
- Еще не уехал, завтра самолет. Заехал попрощаться.
- Понятно.
- Екатерина Андреевна молчала и плакала.
- Мама, ты чего плачешь? – спросила Алла.
- Не знаю. Страшно.
- За кого страшно?
- За Димочку с Маратиком.
- Лучше бы ты за меня боялась, – обиделась Алла.
- Алуша, перестань, – сказал Димочка, – будешь к нам в гости приезжать.
- А как Маратик?
- Отлично. Еще на Севере увлекся компьютерами. Всерьез. Я думаю, он в Израиле работу быстрее меня найдет. Толковый парень оказался. Самостоятельный. Я за него спокоен. Только с матерью не хочет общаться. Да и Лилька с ним не может нормально говорить – все скандалит. Предателем называет. Дура.

Алла вдруг вспомнила про пакет с вещами Дины Матвеевны – драгоценностями, мезузой, менорой.

- Мам, а где пакет Дины Матвеевны? – спросила Алла.
- Там же, под кроватью, – ответила Екатерина Андреевна.

– Что за пакет? – удивился Димочка.

Алла пошла в комнату, подняла диван, достала пакет. Принесла на кухню.

– Вот, может, ты его заберешь?

Димочка достал ценности, принадлежавшие его матери. Подержал в руках – ожерелье из речного жемчуга, кольцо с янтарем, золотая массивная печатка, бижутерия. У ожерелья была сломана застежка, а кольцо погнулось. Серебряная менора стала почти черной. Зато мезуза сверкала как новая. Димочка сложил все назад.

– Алуш, пожалуйста, позвони Машке, ей все отдай. Пусть у нее будет.

– Хорошо, – согласилась Алла, хотя и удивилась. – А почему ты сам не можешь отдать?

– Она другая стала. Изменилась очень. – Димочка уже обращался к Екатерине Андреевне. – Странно так в жизни бывает. Машка меня не признает, а Маратик – Лильку. И ничего уже нельзя изменить.

– А ты пытался? – спросила Екатерина Андреевна.

– Пытался...

Димочка расцеловался с Екатериной Андреевной, та рыдала уже взахлеб. Потрепал по голове Аллу и уехал.

Тетя Регина объявилась через три года после их последней встречи. Позвонила, как будто вчера расстались.

– Господи, Регина, ты где? – удивилась Екатерина Андреевна.

– В Москве. Вчера приехала. С Лариской.

– Так приезжайте. Я ужин приготовлю. Что-то случилось?

– Приеду, расскажу.

Екатерина Андреевна встала к плите – варить борщ, жарить пирожки. Алле совсем не хотелось общаться с тетей Региной и Ларисой, у нее были другие планы на вечер, но Екатерина Андреевна попросила приехать.

Тетя Регина совсем не изменилась: только зубы появились. Ларису Алла тоже сразу узнала – та стала копией матери в молодости. С ямочками на щеках, плоской грудью и мягкими валиками на животе, нависающими над джинсами.

Сели за стол. Лариса накинулась на пирожки. Регина подливала себе вина.

– Девочки, идите в комнату, нам поговорить надо, – сказала Регина.

Алла с Ларисой ушли. Сидели, смотрели телевизор.

– Вы надолго приехали? – спросила Алла.

– Наверное. Мне операцию надо делать. На глазах.

– А что у тебя?

– Что-то с сетчаткой. Одним глазом не вижу.

Как рассказала Лариса, у нее во Владикавказе жених был. Осетин. Красивый парень. Из богатой семьи. Год за Ларисой ходил. Золото дарил – цепочку и браслет. Лариса продемонстрировала дары. В рестораны водил, денег давал, замуж звал. Только его родня была против – они ему другую девушку присмотрели. Осетинку. С приданым. Из хорошей семьи. Только он от Ларисы не отступался. А она с другим загуляла. Не то чтобы загуляла. Так, на дискотеку один раз сходила. А этот ждал около дома. Поймал Ларису и избил ее до черноты за то, что с другим пошла. Лариса еле до дома доковыляла.

Тетя Регина полгорода на уши поставила – посадить его хотела за хулиганство. Но ей дали понять, что лучше не связываться – у несостоявшегося жениха влиятельные родственники. Только хуже будет. Тем более свидетелей не было.

У Ларисы и так был сильный минус, а после избиения она вообще на один глаз ослепла. Вот они и решили в Москву ехать – операцию делать.

– Я тут у вас проживу, – сказала Лариса. – Так мама моя сказала.

– А-а-а... – протянула Алла. – А как Сашка? Он же тоже в Москве. Учится. Они с другом вроде бы квартиру снимают. – Алла не хотела, чтобы в их квартире поселилась Лариса.

– Ты вспомнила... Он давно не учится. Вылетел через полгода. Поболтался в Москве и назад домой вернулся.

– А мы ничего не знали.

– Мама не хотела Екатерине Андреевне говорить. Боялась, что твоя мама про долг вспомнит.

– А что он там делает, во Владикавказе?

– Ничего не делает. Шляется. Я точно у вас останусь. Не могу больше их скандалы слушать. Орут все время. Мать аракой с утра наливается.

– А дядя Володя?

– Папа? Также дома сидит. Уже даже не вяжет. Сторожом подрабатывает. А мама нянечкой в детском саду. На полставки. Плюс пенсия. Мне замуж надо. Чтобы у них на шее не сидеть. Мать мне все

уши прожужжала. Может, ты меня с кем-нибудь познакомишь?

– А ты учишься?

– Техникум окончила. Я – художник-оформитель.

Екатерина Андреевна дала деньги на операцию. Регина уехала во Владикавказ, а Лариса осталась.

Ларисе передался единственный талант отца – рисовать. Она все время что-то рисовала – портреты, пейзажи, натюрморты, карикатуры. Ей было все равно что. Рука с карандашом или кистью подрагивала. Не так сильно, как в детстве, но было заметно. Екатерина Андреевна обрамляла ее картины и вешала на стену.

– Ларочка очень талантлива, – говорила Екатерина Андреевна Алле.

Лариса не села на шею Екатерине Андреевне. Бегала за продуктами, «генералила» квартиру, гладила белье. Готовить, правда, не умела. Екатерина Андреевна не могла на нее нарадоваться. Алла злилась. Лариса и на работу пыталась пристроиться. Только ее без московской прописки никуда не брали. Екатерина Андреевна прописала дочь подруги у себя. Но с работой все равно не клеилось. Ларисе было все равно, куда идти, но Екатерина Андреевна считала, что Ларисе нужно достойное место. Где ее талант будет развиваться. Она пристроила Ларису к себе в издательство – в художественную редакцию.

В издательстве Лариса нашла себе мужа – Георгия.

Гоша был сыном дипломата. Гошин папа давно вышел на почетную пенсию и писал рассказы. Гоша, прошедший детство во Франции, где служил отец, окончил МГИМО и пошел по протоптанной дорожке – в МИД. В издательство Гошу занесло по делу – поговорить с бывшим однокурсником, который заведовал там отделом, по поводу возможности публикации отцовского сборника рассказов.

В местной столовой Гоша увидел Ларису. Та с аппетитом ела пирожок с мясом.

– Девушка, вы так заразительно жуете, – сказал Гоша.

Лариса расхохоталась. Гоша увидел ямочки у нее на щеках и предложил продолжить знакомство – вечером, в ресторане.

Лариса отпросилась с работы и прибежала домой – нарядиться.

– Ой, Катя Андреевна, что мне надеть? Может, это платье? – Лариса крутилась перед зеркалом.

Екатерина Андреевна улыбалась.

– Осторожнее, Ларочка, – предупредила она. – Ты еще очень молода. Не наделай ошибок.

– Да ладно вам, Катя Андреевна, схожу в ресторан, что такого?

После ресторана Гоша спросил, где живет хохотушка Ларочка. «В Чертаново», – гордо ответила Лариса. «С вами хоть в Чертаново, хоть на край света», – сказал Гоша и поймал такси. В машине они целовались. Таксист ухмылялся.

Екатерина Андреевна сразу поняла – Лариса влюбилась. Она хотела предупредить – не возлагать особых надежд на Гошу, потому что он – другого круга, но не знала, как сказать это помягче. Поэтому молчала. Лариса бы все равно не послушалась.

Гоша стал чаще заходить в издательство. Заглядывал в отдел к Ларисе. Они ходили в кино, в рестораны, в гости.

– Катя Андреевна, а почему он меня к себе в гости не приглашает? И к нам не идет? Я ему предлагала зайти, с вами познакомиться. Тут что, не принято?

– Ларочка, вы еще недостаточно хорошо друг друга знаете. А знакомство с семьей – ответственный шаг.

Лариса все ждала, когда Гоша приведет ее домой и предложит остаться на ночь. Представляла себе огромную кровать, шампанское, фрукты. И кольцо в красной коробочке – утром. Даже поделилась своими мечтами с Екатериной Андреевной.

Екатерина Андреевна дождалась, когда Лариса убежит на свидание с Гошей, и набрала номер Регины.

– Регина, я должна поставить тебя в известность. У Ларисы роман. Не знаю, как далеко там все зашло, но я волнуюсь. Она такая наивная.

– А что за парень? – спросила Регина.

– Очень приличный, судя по ее рассказам. Из дипломатической семьи.

– У Ларки глаз-алмаз.

– Регина, как ты не понимаешь. Она не из их круга.

– Ой, не начинай. Развела пафос – их круг, не их круг. Мы тоже не из кукурузы вылезли. Будет поумнее, залетит. Тогда никуда не денется – женится.

– Регина, а если не женится? Ты что, не помнишь, как я Алку родила?

– Ты – дура, а Ларка у меня – с головой. Она своего добьется.

– Ладно, мое дело – предупредить. В конце концов, я ей не мать, не могу запрещать.

– Вот и не лезь. Глядишь, родственниками дипломатов станем.

Регина как в воду глядела. Лариса пришла с работы заплаканная.

– Ларочка, что случилось? Тебя кто-то обидел? – разволновалась Екатерина Андреевна.

– Не знаю, что со мной. Тошнит и голова кружится. И грудь болит.

Екатерина Андреевна опустила на стул.

– Лариса, а ты не беременна? У вас с Гошей что-то было?

– Было, – призналась Лариса.

Было не на большой кровати в квартире, как мечтала Лариса, а на издательском столе в кабинете Гошиного однокурсника.

– А Гоша знает? – спросила Екатерина Андреевна.

– Нет.

– Так ты скажи ему.

– Боюсь.

Лариса рассказала все Гоше. Гоша молчал и кивал.

– Ты на мне женишься? – спросила Лариса.

Гоша опять кивнул и пригласил вечером к себе – познакомиться с родителями.

Ларису приняла вежливо. Гошина мать – Нелли Сергеевна – произвела на Ларису неизгладимое впечатление. Красивая, высокая, вся в драгоценностях. А вот Гошин отец – Павел Георгиевич – Ларисе не показался. Скромный, тихий дядечка. Совсем не похож на дипломата.

Нелли Сергеевна без стеснения разглядывала Ларису. Живо интересовалась ее родственниками, жизнью во Владикавказе. Лариса рассказывала про отца, который вяжет кофточки, про маму – всю жизнь проработавшую в детской комнате милиции, про брата Сашу и его бывшую жену Жанну, про Екатерину Андреевну. Гоша хмыкал, Нелли Сергеевна благосклонно улыбалась. Павел Георгиевич молчал, изредка бросая взгляды на жену. Лариса считала, что знакомство прошло отлично, и вообще была рада тому, что так все случилось. Она ведь правда ничего не просчитывала.

Лариса познакомила Гошу с Екатериной Андреевной. Екатерина Андреевна показала Гоше Ларисины картины. Ей он понравился. Только отделаться от нехорошего предчувствия она не могла.

Наметили день свадьбы. У Ларисы уже живот был виден. Лариса хотела, чтобы мама приехала, но Регина не смогла – заболел Володя. Не могла его оставить. Сашка тоже отказался приезжать. Непонятно почему.

Лариса думала, что свадьбу в ресторане будут играть, но Нелли Сергеевна настояла на варианте тихого домашнего торжества.

– А можно, я Екатерину Андреевну и ее дочку Аллу приглашу? – спросила Лариса.

– Не думаю, что это хорошая идея, – ответила Нелли Сергеевна. – Давайте тихо посидим, только близкие. В твоём положении шумные мероприятия на пользу не пойдут.

– Но Екатерина Андреевна мне как родная, – начала упрашивать Лариса.

Нелли Сергеевна подняла одну бровь – Лариса уже знала, что это означает конец дискуссии.

Еще она мечтала о белом пышном платье. Но никто не предложил ей поехать в магазин «Гименей». И Лариса надела платье, которое ей заказала в ателье Екатерина Андреевна. Ее тоже задел отказ от дома. Она хотела поддержать Ларису.

– Ларочка, ты приезжай, звони почаще, хорошо? – попросила Екатерина Андреевна. Лариса собирала вещи – переезжала к Гоше.

Только Алла была рада тому, что Лариса съезжает. Они с ней так и не подружились, хотя были почти ровесницами. Им даже поговорить было не о чем. Лариса все Екатерине Андреевне выкладывала. У Аллы никогда с матерью таких близких отношений не было. И вообще, Алла давно чувствовала себя лишней.

– Хорошо, Катюшечка, буду звонить, – сказала Лариса. – Вы не обиделись? Правда? Я не знаю, почему Нелли Сергеевна не разрешила вас пригласить. Я очень просила.

– Ты тут ни при чем, деточка. Главное, чтобы у вас с Гошей все хорошо было.

Все ли хорошо у нее с Гошей, Лариса не знала. Его как подменили. Он стал абсолютно безвольным и инфантильным. Не смел перечить матери. Лариса хотела с ним поговорить – про платье и Екатерину Андреевну, но боялась, что из-за ее просьб расстроится свадьба. Тем более все решения принимала Нелли Сергеевна. Это Лариса быстро поняла.

Свадьба была странная. Пришли незнакомые люди – друзья родителей Гоши. Гошиных друзей тоже не было. Посидели за столом, поговорили о политике. «Горько» никто не кричал, молодых не поздравлял. Как будто не свадьба вовсе. Разошлись рано.

Лариса стояла на кухне и, упираясь упругим животом в край мойки, мыла посуду. Выключила воду и услышала кусок разговора. Нелли Сергеевна в коридоре прощалась с друзьями семьи.

– Ты же понимаешь, Гоша хронически, генетически порядочен. Естественно, он на ней женился, –

говорила Нелли Сергеевна подруге, – а у нее мозгов хоть и немного, но на это ума хватило. Они там, в провинции, все такие ушлые. Только с виду – такая милая и молчаливая. А дай палец – по локоть откусит. И жует все время. Прямо поразительно, жует безостановочно. Я когда Гошеньку носила, и то старалась на диете сидеть, чтобы потом быстрее в форму вернуться. А эта жует и жует. С открытым ртом. Я смотреть не могу. Абсолютно не понимает, в какую семью она вошла. Никакого понятия о том, как нужно себя держать.

– Да, ты права, дорогая. И я заметила, – поддакивала подруга.

– А ты это видела? Видела? – продолжала свекровь с энтузиазмом. – Вот сегодня. Сидят люди, между прочим, не последнего ряда, а она при всех его за коленку держит. Это в какие ворота? Разве так можно? Боже мой, ну почему все так? Ребеночка больше всего жалко. Хорошо, если в Гошу пойдет, а если в ее родню? Кошмар.

Я ему говорила, пусть аборт делает. Мы любые деньги заплатим. И в клинику устроим. Я вообще сомневалась, что ребенок от него.

– А он?

– Что с него взять? Мужчина. Сказал, что он у Ларисы был первым мужчиной. Она уперлась – рожать, и все. Я думаю, ее мамаша накрутила. Где Гошина голова была? Да что с него взять?

– А кто у нее родные?

– И не спрашивай. Мать в детской комнате милиции работала. С уголовниками и проститутками. Отец вообще не пойми кто, кофты вязал на продажу, сейчас сторож. Брат у нее есть. Бросил жену с ребенком. А здесь – то ли тетка, то ли подруга матери. Машинистка в издательстве. Она еще удивляется, почему я не хочу их в дом звать. О чем мне с машинисткой разговаривать? Слава Богу, родственники не смогли приехать. Я даже в страшном сне представить себе не могу, что бы здесь было.

– А почему вы торжество не организовали? В ресторане? Все-таки свадьба...

– Да какой там ресторан? Позорище. Представляешь, какие разговоры пошли бы? Хороша невеста – свадебным букетом живот прикрывает... Не дай Бог.

– А насчет прописки поговорила? – спросила приятельница.

– Нет еще, все как-то не соберусь.

– Лучше договориться на берегу. Потом поздно будет.

– Да, ты права.

Лариса включила воду и заплакала.

Нелли Сергеевна проводила гостей и зашла на кухню.

– Ну, Ларочка, как дела? Не устала? – ласково спросила она невестку.

– Устала, – сказала Лариса.

– Ну, дорогая, это ты на приемах не была. Я на десятисантиметровых каблуках по пять часов выстаивала. Вот это усталость. Но у нас было другое воспитание, другая закалка. Сейчас такого нет. Да, кстати, я хотела обсудить с тобой один момент. Извини, что приходится делать это в такой день, но с другой стороны – когда еще?

– Вы о прописке? – спросила Лариса.

– Да, именно. – Свекровь подняла одну бровь. – Мы, конечно, можем тебя сюда прописать, но учти, без права на имущество. Пойми, эту квартиру получил Гошин отец. Она ему досталась тяжелым трудом. Мои опасения вполне понятны, не так ли? Но безусловно, я не сомневаюсь в твоей порядочности.

– Я прописана у Екатерины Андреевны. Маминой подруги, – сказала Лариса. – Мне не важно, какой адрес указан в паспорте.

– Вот и замечательно. Я рада, что мы друг друга поняли. И, Ларочка, насчет ребеночка можешь не волноваться. Ребенок будет прописан у отца, то есть у нас. Это будет правильно. Все-таки здесь поликлиника, детский сад, школа.

– Спасибо, – сказала Лариса.

– Не за что, дорогая. – Нелли Сергеевна явно повеселела.

Утром после свадьбы Лариса встала пораньше – завтрак приготовить. Пожарила яичницу, положила вилку, намазала хлеб маслом, налила в чашку чай. Салфетку под тарелку положила, чтобы скатерть не испачкать. Хлеб на отдельное блюдце, как Екатерина Андреевна делала. Первой в кухне появилась Нелли Сергеевна. С утренним макияжем. Посмотрела на стол. Достала турку и стала варить кофе.

– Ларочка, а вы что предпочитаете на завтрак? – спросила Нелли Сергеевна, не оборачиваясь. Лариса слушала шум воды в ванной – Гоша принимал душ – и хотела только одного – чтобы он побыстрее вышел.

– Я не знаю, ничего особенного, – сказала Лариса.

– Ларочка, не подумайте, что я брюзжу, я все-таки еще не такая старая. – Нелли Сергеевна, смеясь, перелила кофе в чашечку и стояла, нависнув над Ларисой, отхлебывая глоточками. – Но Гоша с маленького возраста приучен завтракать, обедать и ужинать за сервированным столом. Мне бы хотелось,

чтобы и нашему будущему внуку вы передали семейные устои. Традиции нашего дома. Так вот, дорогая. На завтрак Гоша предпочитает гренки – можно в яйце обжарить, можно с конфитюром подать. Кофе. Гоша по утрам пьет только кофе. Две ложки кофе, ложка сахара. И еще, дорогая, класть салфетку под тарелку совсем не обязательно. Салфетка должна лежать под кофейной чашкой, на блюде. Ничего, вы привыкнете. Это же так просто.

В этот момент на кухню зашел Гоша.

– Кофе есть? – спросил он.

– Да, дорогой. У меня остался.

Нелли Сергеевна налила в чистую чашку остатки кофе из своей турки. Гоша хлебнул кофе, чмокнул сначала мать, потом Ларису и убежал. Опаздывал на совещание. Свекровь стояла и цедила кофе. На лице было написано: «Ну и кто оказался прав?» Лариса выбросила яичницу в мусорное ведро и ушла в комнату. Взяла телефон и позвонила Екатерине Андреевне.

– Катя Андреевна, это я.

– Ларочка, как все прошло? – обрадовалась Екатерина Андреевна.

– Нормально. Катя Андреевна, а что такое конфитюр? – спросила Лариса.

– Это как варенье или джем. А что?

– Ничего. Не такой завтрак приготовила.

– Потерпи, дорогая, поначалу всегда тяжело. В чужой монастырь со своим уставом не лезь. Все уладится. – Екатерина Андреевна говорила, но сама в это не верила.

– Нелли Сергеевна про прописку спрашивала. Я сказала, что мне их прописка не нужна.

– Правильно сказала. Не в прописке счастье. У тебя есть дом.

В Гошиной семье был культ французского языка. Французские слова и выражения периодически всплывали в разговоре. Лариса французский не знала. В школе она изучала немецкий. Да и тот помнила с трудом. Сначала она, слыша незнакомую речь, просто улыбалась. Но когда Нелли Сергеевна переходила на французский окончательно, чувствовала себя полной дурой. Ей казалось, что свекровь говорит что-то плохое про нее. Гоша смеялся и вечером, в постели, переводил ей содержание беседы. Невинной. Но Лариса думала, что Гоша специально так говорит. Свекровь встречала сына: «*Ca va, mon cher?*» Гоша вставал из-за стола с фразой: «*Merci, madame*» – и картинно шаркал ножкой. Лариса скучала по маме, по Владикавказу, по Екатерине Андреевне. Но она боялась позвонить матери. Думала, что Нелли Сергеевна будет ругаться за счет за междугородные переговоры.

У Нелли Сергеевны день был расписан – утром приезжала маникюрша, в обед – массажистка. Если нужно было поменять по времени массажистку с маникюршей, свекровь час висела на телефоне. Ларисе было нечем заняться. Из издательства она уволилась – Нелли Сергеевна настояла. «Жена должна следить за домом и за тем, чтобы муж был ухожен», – сказала Нелли Сергеевна. Лариса не спорила, хотя по работе скучала.

В кабинете свекра была потрясающая библиотека. Лариса хотела взять что-нибудь почитать, но ей было неловко просить разрешения. Она покупала журналы, детективы в мягких обложках. Как-то Нелли Сергеевна зашла к ним в комнату и увидела у Ларисы книгу с закладкой. Брезгливо взяла в руки, прочитала название, перелистала несколько страниц.

– Ларочка, Павел Георгиевич всю жизнь собирал книги. В нашей библиотеке есть уникальные издания. И не понимать этого, не интересоваться – просто преступление, – сказала свекровь и вышла.

Лариса отплакалась – она в последнее время часто плакала – и позвонила Екатерине Андреевне. Пожаловалась на свекровь, на французский...

– Деточка, пойди на языковые курсы, – посоветовала Екатерина Андреевна. – Все лучше, чем дома сидеть без дела.

Лариса нашла курсы поближе к дому. Все-таки срок уже большой был – тяжело ездить. Попросила у Гоши деньги – тот даже не спросил на что. Лариса потом жалела, что не попросила больше – хотела послать родителям во Владикавказ. А сказать напрямую не решалась.

После нескольких занятий Лариса решила сделать родственникам сюрприз.

Вечером, за ужином, она выдала заученную, тщательно отрепетированную фразу: «*Il fait tres chaud aujourd'hui, n'est ce pas?*» Гоша с грохотом уронил на тарелку вилку. Нелли Сергеевна подняла одну бровь. Павел Георгиевич улыбнулся. Впервые на памяти Ларисы. Или ей показалось?

– Боже, Ларочка, вы не перестаете меня удивлять, – сказала Нелли Сергеевна. – Вы начали изучать французский? И давно ли?

– Недавно. Всего несколько занятий было, – сказала Лариса. Она уже пожалела о том, что решила похвастаться проявленной инициативой. Когда Нелли Сергеевна начинала говорить таким тоном, не жди ничего хорошего.

– Что ж, это замечательно. Я рада, вы наконец поняли, что важно для нашей семьи. Еще немного, и вы сможете поддерживать наши беседы. Конечно, не хочу вас расстраивать, но не питайте иллюзий по

поводу качества вашего образования. Сейчас ведь учат все, кому не лень. Хотят быстренько научить основным фразам – и вперед. Никакого внимания к произношению, языковой культуре. Это давали только преподаватели старой закваски. Вы слышали, как говорит Гошенька? Какие звуки? Впрочем, он же учился во Франции. Знаете, Ларочка, он свободно стал общаться даже раньше меня. Дети вообще все быстро схватывают. Я вообще считаю, что учить язык нужно с детства. А потом, в так сказать сознательном возрасте, это уже не то.

– Arrêtez, – сказал Гоша и, повернувшись к Ларисе, перевел: – Я сказал ей, чтобы она прекратила.

– Гоша, ты считаешь, что я не права? – Нелли Сергеевна угрожающе подняла бровь.

– Мама, пожалуйста, перестань так разговаривать с Ларисой. Она все равно не оценит твои шпильки. Можешь зря не стараться.

Лариса схватилась за живот и начала сползать со стула.

– Вызывайте «скорую», – тихо сказал Павел Георгиевич.

Лариса родила мальчика. Пришлось делать кесарево. Мальчика назвали Георгием. В честь отца и прадеда. Ларисе было так плохо, что она даже спорить не стала. Нелли Сергеевна передала пожелание – называть ребенка полным именем. Никаких уменьшительно-ласкательных сокращений. Лариса прижимала сына к груди и шептала: «Жорик». Кормить грудью Лариса не могла – пять дней на уколах, ребенок на бутылочке. Жорик привык к свободно льющейся из разжеванной соски смеси и отказался брать грудь. Да и молока у Ларисы почти не было.

– Ни родить сама не может, ни кормить. У нас в роду все сами рожали, никого не резали. И грудью кормили до года, – говорила Нелли Сергеевна сыну, уже не стесняясь Ларисы.

Лариса крутилась с ребенком сама. Свекровь висела на телефоне и рассказывала приятельницам, что маленький Георгий пошел в их предков. И разрез глаз, и губки – все от их породы. От Ларисы – ничего. Лариса и сама это видела. Нелли Сергеевна заходила утром – делала внуку «козу», брала ненадолго на руки, отдавала малыша Ларисе:

– Тяжеленький стал, а у меня спина...

Могла покормить. Раз в неделю. В удовольствие, а не чтобы помочь. И говорила, говорила, говорила. Как нужно воспитывать, чем кормить, как пеленать, во сколько укладывать. Лариса не спорила. Гоша вообще не знал, с какой стороны подойти к сыну. Ларисе он сказал:

– Вот исполнится ему лет пять, чтобы уже диалог был, тогда я им займусь.

Когда Георгию исполнилось два года, Нелли Сергеевна договорилась насчет садика. Вedomственного. Лариса не хотела отдавать сына в детсад. Боялась, что он будет плакать, боялась, что от нее отвыкнет, боялась остаться одна. Но Нелли Сергеевна заявила, что ребенок должен социализироваться, развиваться. А в саду – педагоги, музработники, бассейн. А что Лариса ему дать может? Ничего.

Из сада Георгий принес вшей. Лариса мазала маленькую головенку дустовым мылом, надевала шапочку для бассейна, повязывала платочек, чтобы Георгий содрать не мог. Потом смывала, вычесывала частым гребешком над полотенцем. Георгий плакал – больно. Но Нелли Сергеевна не разрешила коротко подстричь внука – кудрявые локоны ее умиляли. Вину за педикулез свекровь почему-то свалила на Ларису. Если бы та следила за сыном, никакие бы вши не завелись. Нелли Сергеевна была убеждена, что в вedomственном саду вши не могут появиться по определению.

Где-то в то время Лариса начала клеить кукольные домики. Сын был в саду, французский Лариса бросила, заняться было нечем. А когда она делала что-нибудь руками, успокаивалась. Лариса купила картон, клей, кисточки, ткань, пряжу... Домик получился большой. Размером с прикроватную тумбочку. Лариса сделала заднюю стенку, два этажа, лестницу, половину крыши. Дом был как бы распиленный поперек. Лариса клеила стульчики, рисовала тонкой кисточкой узоры на стенах, шила маленькие подушечки и раскладывала их на картонном диване. Это был ее собственный дом.

Она не показывала дом никому из домашних. Нелли Сергеевна была женщина воспитанная и всегда стучалась, прежде чем войти в комнату. Лариса успевала запихнуть дом за шкаф. Гоша приходил поздно. А если получалось рано, не спрашивал, чем целый день занята жена.

По вечерам, после того как Георгий был накормлен, выкупан и уложен спать, Лариса открывала свой домик и шепотом рассказывала сыну сказку. Придвигала настольную лампу, чтобы свет падал на комнатки, и спрашивала: «Жорик, кто сегодня будет жить в нашем домике?» В доме жили солдатики, ковбои, хоккеисты... Они ходили друг к другу в гости, пили чай, защищали дом от драконов... Жорик принимал игру матери и тоже переходил на шепот. Это была их маленькая тайна.

– Мам, а почему бабушке нельзя про домик рассказать? – спросил как-то Георгий.

– Бабушка ведь тоже захочет пожить в домике, а она там не поместится и очень расстроится, – сказала Лариса.

В один из вечеров, когда Лариса пришла забирать из сада Георгия, ее отвела в сторону воспитательница.

– Не хочу вас пугать, но вам стоит обратить внимание на сына, – сказала воспитательница.

– А что случилось? – испугалась Лариса. – Он кого-то обидел?
– Нет, нет, не в этом дело. Георгий – послушный мальчик. Только у нас сегодня было методическое занятие по определению психологического состояния детей, и результаты показали, что у вашего сына – сложности.

Лариса опустила на детскую скамеечку.

– Подождите, я сейчас, – сказала воспитательница и пошла к своему столу. Вернулась с листочком бумаги. Протянула Ларисе.

На листочке был нарисован дом. Корявый, с неровными стенами и пошатнувшейся крышей. Но это был дом, склеенный Ларисой. Разрезанный посередине. Два этажа и лестница. А в комнатках – фигурки человечков. Лариса чуть не расплакалась от счастья. Ей очень понравился рисунок. У Жорика было чувство пространства. Очень прилично для его возраста. Воспитательница смотрела на Ларису с видом: «Теперь-то вы понимаете, что я имею в виду?» Лариса сразу успокоилась и спросила:

– Это дом. Замечательный рисунок. А что?

– Вы, конечно, не обязаны знать методики дошкольного развития, – начала объяснять воспитательница, – но рисунок дома – главный тест, который показывает внутреннее состояние ребенка. Если ребенок рисует дом, например, с трубой, из которой идет дым, или окошко с занавесками, дверь – значит, все в порядке. Ребенок нормально развивается. Вот, посмотрите на рисунки других детей.

Воспитательница сбегала к столу и принесла пачку листочков. Они были все одинаковые. Квадрат – стены, маленький квадратик – окно, треугольник – крыша, закорючки – ступеньки, палочки – трава. Солнышко с лучами.

– Видите, как рисунок вашего сына отличается от остальных. Почему дом двухэтажный? Почему он как бы распилен надвое? Ни одного окна. И комнаты. Почему столько комнат? И никакого пейзажа вокруг дома. Я не хочу вас пугать, но обратите на это серьезное внимание. Может, вам стоит проконсультироваться с детским специалистом?

– Спасибо, – сказала Лариса. Она улыбалась и ничего не могла с этим поделать – у нее замечательный, талантливый сын. Воспитательница смотрела подозрительно.

Регина видела внука раза три. Специально в Москву приезжала. Останавливалась у Екатерины Андреевны. Туда же приезжала Лариса с Жориком. С московскими родственниками Регина так и не познакомилась. Да не очень-то и хотела, к облегчению Нелли Сергеевны.

Регина обиделась на дочь. Удачно вышла замуж, деньги есть, а родителям не помогает. Володя болел – почки отказывали. Деньги были нужны. На Сашку надежды никакой. Так и болтался без дела. Подрабатывал. Но все и тратил – на водку. Лариса не могла объяснить матери, что не может попросить у мужа денег. Он давал, но по мелочи. Хозяйством заведовала Нелли Сергеевна. Все, что нужно было Жорику, тоже она покупала. Не доверяла Ларисину выбору. А Регина сердилась.

Каждый приезд в Москву Регины заканчивался скандалом. Екатерина Андреевна металась между Ларисой и подругой.

– Нет, ты скажи мне, – кричала Регина, обращаясь к Екатерине Андреевне, – почему она нам не помогает?

– Она же посылает... – заступалась Екатерина Андреевна.

– Да. Посылает. По большим праздникам.

– Значит, больше не может.

Екатерина Андреевна знала, что Лариса специально откладывает, чтобы послать.

– А почему не может? Что в этом такого? Разве зять не должен помогать родственникам? Я ей, между прочим, мать. Могла бы попросить. Ничего бы с ней не случилось. А то вон гордая какая.

– Дело не в гордости. Попросить она может, но ей все равно не дадут.

– Значит, надо еще раз попросить. Или пусть работать идет.

– Ты не понимаешь, Регина, там такая семья...

– Значит, надо было нормальную семью выбирать. А не дипломатическую. Тоже мне, послыха хренова.

Лариса молчала. Сидела, слушала, как будто ее и не было. Знала, что мать все равно не переубедишь. Но вину свою чувствовала. Регина заводила разговор на другую любимую тему – внук.

– А объясни мне, почему она не может к нам приехать с Жориком. На лето? Что ей мешает? Или ей уже наш Владикавказ не по статусу?

– Регина, не мели чепухи. Кто ж ее отпустит?

– Она что, в тюрьме сидит, чтобы ее отпускали? Села и приехала. Вон Жорик ко мне не подходит и бабушкой не называет.

– Он тебя редко видит.

– Правильно, привозила бы, видел бы чаще.

Лариса после визитов матери еще неделю плакала.

Жорику-Георгию едва исполнилось семь лет, когда Гоша бросил Ларису. У Гоши случился роман с новенькой сотрудницей пресс-службы – девушкой из дипломатической семьи, Катей. И возможно, ничего бы и не было. Как не было раньше. Лариса знала о романах мужа – Катя была далеко не первая, – но старалась о них не думать. Но Кате интрижка на работе была не нужна, она хотела замуж и подключила тяжелую артиллерию – своих родителей. А Катины родители были знакомыми знакомых Гошиных родителей по внешнеполитическому корпусу. Катина мама встретилась с Гошиной мамой, жены дипломатов пообщались, нашли друг друга женщинами умными и взяли дело в свои руки. Интерес был взаимовыгодный: Катя получала мужа из приличной семьи, Гоша – отдельную квартиру в центре Москвы плюс продвижение по службе. Дамы на прощание расцеловались, и Ларисина судьба была решена.

Разговор с Ларисой взяла на себя свекровь. Рассказала все прямым текстом, без обычных словесных реверансов. Лариса кивнула и ушла в комнату. Неожиданно рано вернулся Гоша.

– А как же Жорик? – только и спросила Лариса.

Гоша вышел из комнаты.

Разводились через суд. Только на суде Лариса поняла, что прожила столько лет под одной крышей с абсолютно чужими людьми. Лариса приходила на заседания одна, Гоша – с матерью. Георгий в связи с домашними проблемами был отправлен в школу с полным пансионом. Интернат, проще говоря. Лариса слушала, что говорит в суде свекровь, и думала, что говорят не про нее, Ларису, а про какую-то другую, ужасную, женщину. Свекровь напирала на то, что Лариса не заботится о сыне – ребенок нервный, больной, недокормленный. Сначала Лариса думала, что свекровь объявила войну, опасаясь за имущество – часть Ларисе все же полагалась, как совместно нажитое. Однако ночью после второго заседания до нее наконец дошло. Лариса даже проснулась от ужаса. Свекровь хочет лишить ее родительских прав и «отсудить» у нее Георгия. Следующей мыслью было поехать прямо сейчас в интернат, забрать сына и вернуться во Владикавказ. Лариса встала, умылась и поехала к Екатерине Андреевне. Посоветоваться. Рассказала ей про суд, про то, что говорит Нелли Сергеевна.

– Нет, она женщина непростая, но вряд ли на такое способна, – сказала Екатерина Андреевна.

– А вдруг способна? Я не знаю, что от нее ждать.

– Может, это она боится, что ты заберешь у нее внука и уедешь?

– Не знаю.

– Давай позвоним во Владикавказ. Твоя мама все-таки юрист. Может, что подскажет.

– Ой, не надо звонить маме. Она орать начнет.

– В любом случае ее нужно поставить в известность.

Лариса махнула рукой – делайте что хотите.

Екатерина Андреевна позвонила Регине. И пересказала суть проблемы.

– Она с тобой хочет поговорить. – Екатерина Андреевна передала трубку Ларисе.

– Да, мама. – Лариса выдохнула, приготовившись к потоку брани.

– Значит, так, слушай меня, – говорила Регина, – ты имеешь право на половину совместно нажитого имущества. Сантименты тут совсем ни при чем. Все дело в бабках. А Жорика она поминает, чтобы ты не думала ничего требовать.

– Да я и не буду ничего требовать.

– Лариска, ты совсем дура? У них и квартира, и дача, и машина. А ты хочешь босая остаться? А о нас ты подумала? Отцу совсем плохо. Деньги на лекарства нужны. Хватит играть в порядочность. Это все Каткины штучки. Между прочим, это твой муженек тебя бросает, а не ты его. Вот пусть платит за свою свободу.

– Мама, я так не могу.

– Давай я приеду. Я с ними быстро разберусь. И поговорю не по-французски, а на доступном языке.

– Нет, мама, не надо, не приезжай. Только хуже будет. Я сама все улажу.

– А захотят Жорика забрать, пусть забирают.

– Мама, ты с ума сошла! Как забрать?

– Ну в смысле, чтобы он у них жил. Соглашайся.

– Нет, я без Жорика не уйду.

– И что ты ему дашь? Каткину пишущую машинку? Или картины свои в рамках? А там у него все будет – и образование, и одежда, и отдых.

– Все, мама, пока.

Лариса больше не могла слушать мать. Ей казалось, что она и мать совсем не знает. Что уж говорить о Нелли Сергеевне? Лариса все, что угодно, могла ожидать от матери, но не таких предложений. Хотя нет. Это в ее духе.

Следующее заседание неожиданно отложили в связи с болезнью судьи. Лариса сидела на скамейке

в крошечном парке перед зданием суда и думала, сколько еще времени протянется весь этот кошмар. Рядом пристроилась компания подростков – пили пиво, смеялись. Лариса не сразу заметила, что с другой стороны на скамейку подсел пожилой мужчина. Она даже испугалась, когда узнала в мужчине Павла Георгиевича, свекра.

Все эти годы свекор как бы существовал в ее жизни и как бы его и не было. Он тихо работал в кабинете, был немногословен за семейными ужинами, с которых старался побыстрее и понезаметнее уйти. От имени свекра всегда выступала свекровь, что придавало ее словам дополнительный вес. Лариса только сейчас подумала, что толком даже не узнала этого человека.

– Здравствуйте, Павел Георгиевич, – поздоровалась она. В голове крутились мысли, что его специально подослала Нелли Сергеевна. Выложить последний аргумент.

– Здравствуй, деточка, – сказал Павел Георгиевич.

– Отложили, – сказала Лариса.

– Отложили, – сказал он.

Они молчали. Павел Георгиевич достал трубку – он всегда курил только трубку. У него была целая коллекция. Засыпал из пачки табак, придавил пальцем. Дома Нелли Сергеевна закатывала глаза, когда муж начинал процедуру раскуривания. И бежала открывать форточки. А Ларисе запах табака нравился. Особенно в сочетании с парфюмом свекра. У него был какой-то особенный парфюм. Лариса все собиралась спросить, как называется, да так и не спросила. Она любила выходить в коридор после того, как по нему прошел Павел Георгиевич. Стояла и тянула носом.

– Знаешь, я давно собирался тебе сказать... – начал Павел Георгиевич, – сейчас это, конечно, бессмысленно. Но все же... Нелли Сергеевна не всегда была такой. Она на самом деле хороший человек. Знаешь, когда я с ней познакомился, она была очень ранимой и мягкой.

– Ни за что бы не поверила, – сказала Лариса. Ей казалось, что она слушает историю про совершенно незнакомую женщину.

– Ты знаешь, она была чуточку похожа на тебя. Точнее, ты на нее, – продолжал Павел Георгиевич, не услышав Ларисино замечания. – Она приехала в Москву из Архангельска. В потертом заячем полушубке и с маленьким ребенком на руках. Мыкалась по квартирам дальних родственников. Пыталась на работу устроиться. Но без московской прописки ее никуда не брали. Работала на хлебозаводе. Ты знаешь, какое у нее самое любимое лакомство? До сих пор. Хлеб. Серый кирпич. Ты помнишь, был такой. Утром после смены она могла взять буханку горячего, с подгорелым верхом, хлеба. Половину съедала прямо по дороге домой. Я увидел ее в трамвае. Она сидела и отрывала дрожащими распаренными руками куски этого хлеба. И ела с таким аппетитом, что у меня слюна потекла. А в глазах черти бегали. И смеялась она тогда часто, по любому пустяку. Очень смешливая была. И ямочки на щеках – как у тебя.

Павел Георгиевич помолчал. Лариса тоже молчала. У нее, как и у свекрови, ямочки на щеках давно пропали. Лариса за годы брака похудела и разучилась улыбаться.

– Гоша ведь не родной мне сын, – продолжал Павел Георгиевич, – я его усыновил. Ему только годик исполнился.

– А кто его отец?

– Не знаю, она не говорила. Случайная связь. Он сразу же пропал. Как тогда говорили – «проезжий молодец».

– А Гоша знал?

– Знал. Мать ему рассказала. Он, правда, уже взрослый был. Ему лет двадцать было.

– И как он это воспринял?

– Да никак. Равнодушно. Может, переживал в душе, но виду не показывал.

– Но ведь она говорила, что Гоша назван в честь деда...

– Чистая случайность. Сгодились для семейной легенды. Так бывает, сначала придумываешь историю, а с годами начинаешь в нее верить. И уже не помнишь, как было на самом деле.

– А зачем вы мне все это рассказываете?

– Не знаю. Хочу, чтобы ты зла на нее не держала. Она неплохая женщина. Просто хотела, чтобы у ее сына все сложилось по-другому. Чтобы жизнь была счастливая. Она ведь почему так не хотела тебя прописывать – боялась, что ты бросишь Гошу и захочешь квартиру менять. А ей придется все заново строить, дом создавать.

– Да я бы никогда...

– Я знаю. Но жизнь меняется, а страхи остаются.

– И что мне теперь делать?

– Заниматься собой. Ты молодая, талантливая. Я ведь видел твой дом. Это замечательно. Пойди поучись и начинай работать. Будешь зарабатывать, не будешь ни от кого зависеть.

– А что будет с Жориком?

– Не отнимай его у нас. Нелли Сергеевна, если захочет, а она обязательно захочет, даст ребенку все.

Да и тебе проще будет – тебе нужно на ноги становиться. Ты подумай. Просто посиди спокойно и подумай.

Павел Георгиевич встал, кивнул головой и пошел по дорожке парка. Лариса посидела, посидела и поехала в школу к сыну. Дети делали домашнее задание. Лариса стояла в дверях и смотрела на макушку Жорика. Мальчик сидел ссутулившись, жевал кончик ручки и смотрел в окно. «Бледный», – подумала Лариса и позвала его:

– Жорик.

Георгий вздрогнул как от толчка, резко выпрямился и забегал глазами – на учительницу, на мать.

– Можешь выйти, – сказала учительница.

Георгий побежал по проходу между партами. Лариса наклонилась, чтобы поцеловать, но мальчик отстранился. Даже руку выставил вперед, как будто обозначив границу между собой и матерью. «Совсем взрослый стал», – подумала Лариса.

Они стояли в вестибюле школы около подоконника. Георгий опять высматривал что-то в окне.

– Ну как ты? – спросила Лариса.

– Нормально, – ответил Георгий.

– Кушаешь?

– Кушаю.

– А как с уроками?

– По математике тройку получил.

– Почему?

– Не успел закончить.

Лариса подумала, что Георгий пол-урока просидел, глядя в окно. Естественно, ему не хватило времени.

– Я должна тебе сказать одну вещь. Важную, – начала Лариса.

– Про тебя с папой? – спокойно спросил Георгий.

– Да.

– Я все знаю.

– Откуда?

Георгий вместо ответа то ли фыркнул, то ли хмыкнул.

– Жорик, а ты с кем хотел бы жить? – задала Лариса главный вопрос.

– С папой. В нашем доме. Ну в смысле с бабушкой и дедушкой, – скороговоркой сказал Георгий и начал рассматривать линолеум на полу.

Лариса тоже стала смотреть вниз. Не хотела, чтобы сын видел, что у нее в глазах слезы. Линолеум был весь в черных полосках – от ботинок. Лариса вспомнила, что, когда она была школьницей, они на субботниках оттирали эти полоски. Учительница выдавала каждому по половинке лезвия, и они скребли лезвием пол. У Ларисы получалось лучше и быстрее всех, потому что она держала лезвие уголком, а не плашмя. Ее хвалила учительница.

– А вы полоски на полу оттираете? – спросила сына Лариса.

– Чего? – не понял Георгий.

– Не чего, а что, – поправила на автомате она.

– Да знаю я, – огрызнулся сын.

– К тебе бабушка приезжала?

Георгий промолчал. А потом вдруг закричал:

– Мне все равно с кем жить, лишь бы не здесь. А бабушка обещала меня забрать. И я пойду в свою старую школу. Еще бабушка обещала меня в хоккейную секцию записать и шлем купить, как у настоящего вратаря. И клюшку. И коньки, – быстро-быстро перечислял Георгий, даже подпрыгивая от волнения на месте. Замолчал. Его состояние выдавал только алый полумесяц под нижней губой.

– Да, да, конечно, – испугалась Лариса.

Она давно сама себе призналась – сын растет проблемный. Георгий мог впасть в истерику – рыдать, жадно глотая воздух. Остановиться не мог. Сам с собой не справлялся. Лариса и умывала его холодной водой, и валерьянкой подпаивала, все без толку. Потом появилась другая привычка – еще одно проявление невроза, как объяснил Ларисе врач. Георгий мог стоять и по полчаса нажимать клавишу выключателя. Туда-сюда. Включил свет, выключил свет. Лариса бесилась, говорила: «Прекрати», – давала подзатыльник. Проходило полчаса, и Жорик стоял рядом с другим выключателем. Выключателем переболели, заболели облизыванием нижней губы. Без конца. Лариса и рот ему вытирала, и по губам шлепала, и кремом мазала. Красный ободок под губой не проходил. По яркости раздражения Лариса уже определяла состояние сына. Сейчас у него на подбородке образовалась мокнувшая, незаживающая корочка.

А чего она ждала? У нее вон рука до сих пор трясется...

Ларису с Гошей развели. Нелли Сергеевна обещание сдержала – Георгия забрали из интерната, вернули в старую школу, записали в хоккейную секцию. Лариса вернулась к Екатерине Андреевне. Временно.

Кстати, свекра Лариса все же послушалась. Она вспомнила про свою специальность художника-оформителя и пошла на курсы дизайнеров. Благо деньги были. Нелли Сергеевна, уже после развода, вызвала ее к себе. Лариса могла приходить проводить сына в любой момент. Но специально Нелли Сергеевна ее никогда не приглашала. Лариса прошла на кухню. На столе лежал конверт.

– Это тебе. Я была против. Но это решение Гоши и Павла Георгиевича, – сказала свекровь.

На кухню вбежал Жорик: «Мамочка!» Лариса заметила, что у сына прошла синева под глазами, он даже немного поправился и ободок на подбородке стал бледно-розовым.

В конверте оказалась приличная сумма денег. Очень приличная.

Лариса купила однокомнатную квартиру в Чертаново – поближе к Екатерине Андреевне. Заплатила за курсы. Все остальное отправила матери во Владикавказ.

По вечерам в маленькой, но своей квартирке Лариса клеила игрушечные домики. Они становились все меньше и меньше. Неизменной оставалась идея несущих конструкций – задняя стенка, два этажа, лестница, перегородки между комнатами, крыша в поперечном разрезе.

Первый серьезный заказ Лариса получила благодаря такому домику. Она его сделала для дипломной работы – обклеила внутренности обоями, расставила мебель, разбросала по диванам расшитые подушечки размером с фалангу большого пальца. На защиту дипломов по какому-то срочному делу забежала подруга преподавательницы истории искусств, увидела Ларисину работу и забыла, зачем забежала.

– Сколько? – подошла она к Ларисе.

– Не знаю, – сказала Лариса. – Он не продается.

Она стояла и думала, отдавать ли свой дом этой молодой ухоженной женщине. Где будет он стоять, кто в нем будет жить? Не будет ли об него точить когти кошка, не изгрызет ли его собака? Вдруг у этой женщины есть собака?

– Пожалуйста, мне для дочки. Ей четыре года, – упрашивала женщина.

– Я его не на продажу делала. – Лариса начинала колебаться.

– А давайте мы с вами так договоримся, – встрепенулась женщина. – Я нанимаю вас в качестве дизайнера. У меня новая квартира. Большая. А этот домик вы сделаете элементом декора детской комнаты. Как вам такая идея?

Лариса согласилась. Заказ она выполнила, деньги получила. «Сарафанное радио» заработало. Лариса не была завалена предложениями, но и без работы не сидела.

Деньги во Владикавказ посылала регулярно.

Алла шла домой с работы.

В ее жизни за эти годы так ничего и не случилось. Окончила институт, работала в издательстве – корректором. Дом, работа. Никакой личной жизни. Не считая случайных связей.

Алла уже подходила к подъезду, когда из арки вышли две знакомые фигуры – Ирка и Лешка. Ирка курила на ходу, Лешка тянул из бутылки пиво. Алла замерла. Они шли к Иркиному подъезду, не замечая ее.

– Ира, Лешка! – окликнула их Алла.

– О, Алка, – первой среагировала Ирка. Они подошли. Лешка моментально покраснел. – Давно не виделись.

– Да, давно. А вы как? Куда пропали?

– Переехали. Квартиру снимаем, – сказала Ирка.

– Молодцы. Я слышала, вы поженились...

– Да, поженились. – Ирка растоптала окурки и пыталась прикурить новую сигарету, закрываясь ладонью от ветра. Лешка хлебал пиво.

– Чем занимаетесь? – спросила Алла.

– Я работаю, – ответила Ирка. – В Сбербанке. А этот, – она кивнула на Лешку, – ни хрена не делает. На гитаре бренчит целыми днями.

– У нас группа, – сказал Лешка.

– Ага, группа, четыре придурка, – пояснила Ирка. – Собираются в квартире, типа репетируют, а соседи ментов вызывают.

– У тебя деньги есть? – перебил Ирку Лешка.

– Есть немного, а что?

– Купи билеты на наш концерт, – попросил он и полез в карман.

– Давай, с удовольствием.

– А купи десять, – попросил Лешка.

Ирка посмотрела на него зло и наконец прикурила сигарету.

– Зачем мне десять?

Лешка начал путано объяснять про трудности с клубом, с распространением билетов. Алла ничего не поняла.

– Не давай ему денег, лучше скажи, чтоб делом наконец занялся. Не могу я больше... Ладно, пока. – Ирка пошла к своему подъезду.

Алла с Лешкой стояли у машины.

– Ну а ты как? – спросил Лешка.

– Нормально. Без изменений.

– Ты приходи к нам на концерт.

– Приду, если получится.

Лешка вскинул голову и пошел в Иркин подъезд.

Алла пошла к себе.

На кухне сидели тетя Лиля и Виктор Ильич. Рука Виктора Ильича лежала на коленке у тети Лили. Лилия руку не сбрасывала. Екатерина Андреевна ставила на стол бокалы для вина. У Аллы было одно желание – развернуться и уйти. Эта семейная сага никогда не закончится... Алла, как всегда, уронила палку Виктора Ильича, которая стояла в прихожей.

– Здравсьте, – поздоровалась Алла, – что отмечаете?

– Виктор Ильич и тетя Лилия решили пожениться, – ответила Екатерина Андреевна.

– Поздравляю, – сказала Алла и ушла к себе в комнату.

А потом была свадьба. Гуляли в ресторане. Виктор Ильич надел тот же костюм, в котором ходил жениться к Екатерине Андреевне. Лилия – в выходном платье Екатерины Андреевны. Из приглашенных – друзья Виктора Ильича. Те две семейные пары, которых Алла помнила по незадавшейся помолвке своей матери. Алла не хотела идти на свадьбу, но Екатерина Андреевна сказала, что это будет неприлично.

Была и Машка. Алла ее сначала даже не узнала. Машка стала девушкой. Вся черная, с ног до головы. Черная помада на губах, черный лак на ногтях, черная куртка, черная мини-юбка.

Алла села рядом с Машкой.

– Привет, ты меня помнишь? – сказала она.

– Помню.

– А ты говорила, что мы больше не увидимся. Вот увиделись.

– И чё ты так радуешься?

– А ты не рада?

– Старый козел трахнул мою мамашу, потому что со мной обломался. Тоже мне праздничек... Достает меня все время. Я из дома убегу, если он к нам переедет. Ненавижу его.

– Что ты имеешь в виду? – Алла уже поняла, что Машка имела в виду, но не хотела в это верить.

– А к тебе он чё, не приставал? Когда к твоей мамаше ходил?

– Нет. Только просил уйти куда-нибудь, погулять. Я ему мешала. Маш, а он что-нибудь сделал? – Алла испугалась. Задним числом. За себя, за Екатерину Андреевну...

– Щас. Как будто я не понимала, что ему надо. Типа поговорить ко мне в комнату заходил. То руку мне на коленку положит и гладит. То за плечи обнимет. Еще просил меня на коленях у него посидеть – извращенец старый. И нотации все читал – про учебу... А потом мне надоели его зажимания, я и дала ему по яйцам. Вот этим самым ботинком. – Машка вытянула ногу и продемонстрировала обувь – высокий тяжелый ботинок на рифленой подошве.

– Ты молодец. Правильно. Я бы не смогла так...

– Я вот удивляюсь, как он смог после этого с моей мамашей трахаться? Я ему так заехала...

– Маш, но ты же еще маленькая... И Виктор Ильич не похож на человека, который будет к дочери своей невесты лезть. – У Аллы вдруг мелькнула догадка, что Машка все придумала. Или ей показалось. В силу возраста.

– И ты туда же. Не веришь. Мне и мамаша моя не поверила. Сказала, что она сама просила Виктора Ильича со мной поговорить по поводу учебы. А я типа специально на него наговариваю, чтобы их свадьбу расстроить и матери всю жизнь сломать. Больно мне надо.

– Может, тебе правда показалось?

– Ага. Показалось. Тебе бы так показалось...

– А Виктор Ильич?

– А что он? Конечно, все на меня свалил. Сказал моей мамаше, что я сама к нему на колени садилась. Меня мать после этих разборок из дома выгнала. Сказала, чтобы я ей на глаза не попадалась.

– А ты?

– Я у подружки жила. Потом вернулась. Пусть мать уходит, если ей так хочется. И живет с этим хромым маразматиком. У него же квартира какая-то офигенная. Он все уши ей прожужжал про эту квартиру. Вот пусть и валят туда.

И тут Алла вспомнила про Димочку.

– Маш, а помнишь, мы на похоронах Дины Матвеевны, твоей бабушки, договорились – когда ты вырастешь, я отдам мешочек с ее драгоценностями. Ты меня просила их сохранить. Боялась, что твоя мама выбросит.

– Не помню. А чё там, брюлики?

– Нет. Бижутерия в основном. Еще менора и мезуза. И книга – «Рецепты еврейской кухни». Все у нас хранится. Твой отец перед отъездом просил меня тебе все отдать.

– Ну, а чё там конкретно из ценного?

– Точно не помню. Ожерелье из речного жемчуга, кольцо янтарное, по-моему.

– А тебе что, не надо? Ты даром отдать хочешь или за деньги?

– Да нет, просто так...

– А чё ты такая добрая?

– Маш, твой отец хотел, чтобы бабушкины вещи у тебя были.

– Он мне не отец. Мне вообще никто не нужен, понятно? Оставьте меня в покое. И ты отвали.

Машка резко встала из-за стола.

– Маша, ты куда? – встрепелась тетя Лиля.

– Да пошла ты... – огрызнулась Маша.

– У нее переходный возраст, – сказала тетя Лиля друзьям Виктора Ильича, – переберется и успокоится.

Гости ели, пили. Заиграла музыка – все пошли танцевать. Алле было скучно, очень хотелось уйти. Еще ее сильно взволновал рассказ Маши – верить или не верить ей? И рассказать ли маме? Алла решила, что не стоит. Раз уж тетя Лиля не поверила Машке, то Екатерина Андреевна точно не поверит.

– Привет, давно не виделись, – услышала Алла за спиной. Повернулась – Витя.

– Привет.

– Я опоздал. Вообще не хотел приезжать, но отец попросил... – Витя сел рядом с Аллой, на Машкино место, и накладывал на тарелку салат.

– Я тоже не хотела идти...

– Может, вместе сбежим отсюда? Уже никто не заметит.

Алла посмотрела на гостей. Тетя Лиля пьяно хихикала и шептала что-то на ухо Екатерине Андреевне. Одна семейная пара переругивалась. Жена закрывала рюмку мужа ладонью и шипела: «Тебе хватит», – а тот вырывал рюмку. Виктор Ильич танцевал с женой второго своего друга. Друг сидел за столом, наклонив голову и не двигаясь. Алла заметила, что у него сквозь расстегнутую ширинку торчит край рубашки.

– Давай, – согласилась она.

Они вышли на улицу и сели в машину.

– Куда едем? – спросила Алла.

– В гости. К моему другу. У него сегодня вечеринка.

Они приехали. Алла наконец поняла, что такое дежавю. Прочувствовала. На лестничной клетке самозабвенно целовалась парочка. В комнатах сидели ребята, девушки. Пили вино... Из спальни доносился смех, там что-то с грохотом упало.

Потом постучались в дверь ванной. Алла крикнула: «Занято». Витя подхватил: «Надолго». Алла засмеялась.

Витя вышел и, не застегивая ширинку, зашел в туалет. Алла одернула юбку, поправила волосы. Заглянула на кухню. На стульчике в кухне сидела девушка – младше Аллы – и тихонечко плакала. Алла взяла ложку и стала есть салат прямо из большой тарелки. В ресторане у нее кусок в горло не лез, а сейчас она почувствовала, что проголодалась. Девушка шмыгала носом. Витя вышел из туалета и тоже зашел на кухню.

– Ты чего рыдаешь? – спросил он девушку.

– Ничего, – ответила та и убежала.

– Она к тебе равнодушна, – сказала Алла, прожевывая салат.

И только тут она вспомнила. Как сама сидела на кухне и плакала, а Витя так же вышел из ванной с какой-то другой девушкой. И та девушка так же ела салат. Алла побежала в туалет. Ее вырвало вином с вкраплениями зеленого горошка.

Она хотела поговорить с той девушкой. Сказать, что у них с Витей ничего не может быть. Так, случайная связь. По старой памяти. Но девушки нигде не было.

Алла сидела и плакала в своей комнате. Вытерла слезы и пошла на кухню – мать стояла у плиты и готовила.

- Мам, мне плохо, – сказала Алла.
- Что, голова болит? Выпей таблетку, – ответила Екатерина Андреевна.
- Нет, не голова. Просто плохо.
- Так давай приводи себя в порядок, у нас вечером гости. Надо еще в магазин сходить – я майонез забыла купить.
- Мам, а давай просто посидим на кухне. Вместе. Я тебе про работу расскажу. И еще кое про что.
- Алуша, обязательно посидим. Только не сегодня. Ладно?
- Мама, я беременна. Что мне делать?
- Как беременна? От кого?
- Не важно. От мужчины. Ты его не знаешь.
- Екатерина Андреевна оторвалась от плиты и села напротив дочери.
- Он не хочет ребенка? Или женат? Это кто-то из издательства? Коллега?
- Нет. Он не из издательства и не женат. Ты его не знаешь. Про ребенка он ничего не знает.
- Так надо ему сказать...
- Зачем? Лучше скажи, что мне делать? Оставлять ребенка или аборт делать?
- Алуша, Алуша. – Екатерина Андреевна заплакала. – Я не знаю. Как же так получилось?
- Так и получилось.
- Надо во Владикавказ позвонить. Регине. Она поможет.
- Мама, при чем тут тетя Регина и Владикавказ?
- Не знаю. Сама не знаю, что говорю... А кто он?
- Не важно. Он скажет, чтобы я аборт делала. Ему ребенок не нужен.
- Алла знала, что говорит, – Вите ребенок не нужен.
- Давай я Лиле позвоню...
- Мам, я тебя спрашиваю. Что ты заладила – тетя Регина, тетя Лилия. Мам, а ты когда-нибудь жалела, что меня родила?
- Господь с тобой. Что ты такое говоришь?

Екатерина Андреевна говорила искренне. Алла – ее дочь, ее единственный родной человек. Но если бы не мать – Алла Сергеевна, неизвестно, была бы Алла. Сейчас другие времена, другая медицина. Екатерина Андреевна не могла сказать дочери, что будь в их время наркоз и те виды аборт, которые есть сейчас, на маленьких сроках, пусть даже с относительной возможностью будущих беременностей, Аллы бы не было. Она не могла сказать дочери – иди, делай аборт. Потому что она – мать. И поэтому предлагала позвонить Регине и Лиле. Пусть бы они сказали. Екатерина Андреевна не хотела, чтобы дочь повторила ее судьбу. Она посмотрела на Аллу, вспомнила и поняла то давнее предсказание Лианы, которое ее напугало. «Ты потеряешь дочь». В этот момент Екатерина Андреевна поняла, что она потеряла дочь. Алла смотрела на нее с жалостью. Не с любовью, а именно с жалостью.

Хотя, наверное, она потеряла дочь намного раньше – в Нижневартовске, у Регины во Владикавказе, здесь, в Москве... Кто знает?

Алла сделала аборт и сняла квартиру. Подальше от родного района. На другом конце Москвы. Вите она позвонила уже после всего.

- Вить, привет. Это Алла, дочь Екатерины Андреевны.
- Привет.
- Вить, я была беременна от тебя, сделала аборт.
- Тебе деньги нужны? Слушай, я сейчас не могу – дал в долг крупную сумму. Давай через месяц.
- Нет, мне не нужны деньги. Я просто хотела, чтобы ты знал.
- Слушай, давай через две недели. Раньше никак не могу.
- Вить, я не про деньги. Я просто хотела, чтобы ты знал.
- Слушай, извини, меня тут вызывают, срочно. Давай потом созвонимся?
- Витя положил трубку. Алла убедилась, что все сделала правильно.

Алла работала. К матери приезжала раз в неделю. Ни разу не застала ее одну. На кухне обязательно кто-нибудь сидел – Виктор Ильич, тетя Лилия, Лариса... В Аллиной бывшей комнате жил Саша – сын тети Регины. Он вернулся в Москву – учиться, работать. Екатерина Андреевна предложила ему пожить у нее первое время. Первое время длилось уже год. Екатерина Андреевна сообщила Алле об этом по телефону. Алле было уже наплевать.

Начиналось лето. У Аллы было три недели отпуска. Настроение – хуже некуда. В съемную

квартиру возвращаться не хотелось. К матери ехать – тем более. Алла сидела и не знала, что делать дальше. Надо заняться личной жизнью. Но не будешь же подходить к каждому встречному мужчине и спрашивать: «Скажите, вы принц? А конь у вас есть? А из темницы вызволите?» На работе – бабский коллектив.

Алла решила поехать во Владикавказ. Сама. Без матери, без участия тети Регины, без повода. Чтобы вообще никто не знал. Она хотела найти могилу бабушки и спросить ее: «Что делать дальше?»

Алла собралась и поехала на вокзал покупать билет. Загадала: «Если билетов не будет, никуда не поеду». Но билеты были, на любое число, в любой вагон. Алла купила на первый день отпуска, в купе, на нижнюю полку.

Поезд отходил рано. Алла приехала заранее. Засунула чемодан. Села и стала смотреть в окно.

Через некоторое время в купе вошла женщина лет сорока. Плюхнулась на соседнюю полку, достала бутылку воды, открыла прямо об стол. По-мужски.

– Здравсьте, – сказала она, отхлебнув воды. – Жарко. Меня Света зовут.

– Здравствуйте, я – Алла.

– В гости или к родным? – спросила Света.

– В гости, – ответила Алла.

В купе вошел еще один пассажир. Мужчина. Молодой. Чуть за тридцать.

– Здравствуйте, – поздоровался он. Забросил вещи на верхнюю полку и вышел.

– Ну вот, – заговорила Света, – теперь не раздеться, не одеться. Ладно, нас все-таки двое, будет выходить в коридор. Лишь бы не храпел.

Поезд тронулся. Мужчина вернулся. Попросил разрешения присесть. Света махнула рукой – мол, чего уж там. Двое суток вместе ехать. Достала еду – помидорчики, яйца вареные, куриную ногу. Поставила на стол бутылку водки.

– Ну давайте есть. Больше делать нечего. Вас как зовут? – спросила она мужчину.

– Вадим.

– Наливай, Вадим. Алла, двигайся.

– Нет, спасибо. Я не буду, – сказала Алла. – Попозже.

– Ну как хочешь.

Алла достала книгу и стала читать. Света с Вадимом разговаривали. Алла смотрела в книгу, но не вникала в содержание. Слушала разговор попутчиков.

– Вадим, а вы – в гости или к родным?

– Домой. Я живу во Владикавказе.

– Не похож ты на осетина.

– У меня отец – русский, а мать – осетинка.

– Тогда понятно. А чем занимаешься?

– Работаю в больнице. Хирургом.

Алла оторвалась от книги.

– Мой дед тоже хирургом был, – сказала она.

Стучали колеса. Алла задремала. Очнулась, когда за окном уже стемнело.

– Проснулась, – обрадовалась Света. – Молодая ты еще, вот и спишь. А у меня бессонница. Садись поешь, небось ничего в дорогу не взяла. Тут Вадим выходил на станции, смотри, картошечки купил, пирожков. Теперь долго без остановок будем ехать.

– Спасибо, – ответила Алла. В купе вкусно пахло картошкой с петрушкой. – Пойду только руки помою.

Алла взяла полотенце и вышла из купе. Она успела дойти до середины вагона и вдруг провалилась куда-то по пояс. Она так испугалась, что даже онемела. Шла, шла – и вдруг прямо на уровне глаз застиранная вагонная дорожка. Алла дернулась. В глазах потемнело. Где-то внизу болью отозвалась нога.

– Помогите, – сказала Алла. От испуга и боли получилось шепотом. Купейные двери были закрыты. – Помогите, – попыталась закричать Алла. И потеряла сознание. Очнулась и увидела перед глазами чьи-то ботинки. Мужские.

Голос сверху кричал:

– Света, бегите к проводнице, у нее должна быть аптечка. Алла, Алла. – Ее тянули вверх сильные руки.

Алла умудрилась провалиться в бельевого люк. Она даже не знала, что в поездах под ковровой лентой дорожки есть бельевые люки. Этот оказался неплотно прикрыт. До нее по коридору ходили люди, носили вещи, а на Алле крышка люка открылась. Она и провалилась туда по грудь. Грудь, собственно, и задержала падение.

Вадим и еще какой-то мужик из соседнего купе вытащили Аллу, перенесли на полку. Ей было

больно. Очень больно.

– Что со мной? – спросила она Свету.

– Ногу разодрала о железяку. Видимо, на штырь напоролась. Вадим сказал, что глубоко распорол. Промывать надо и швы накладывать.

– Мне больно, – сказала Алла.

– На, выпей, вместо анестезии. – Света протянула Алле граненый стакан с водкой.

Алла выпила. Как будто удар ногой под дых получила.

– На, еще выпей. И вот, огурчиком закуси. – Света пихала ей в рот огурец.

– Не могу больше.

– Пей давай. А то опять в обморок грохнешься, – велела Света.

Алла выпила, откусила кусок огурца. Желудок отпустило. И боль отпустило.

– А где Вадим? – спросила она.

– К начальнику поезда побежал. Чтобы «скорую» на следующей станции вызвали. У проводницы – ни аптечки, ни бинтов. Вон, простыню на тебя разорвали.

Открылась дверь, и вошел Вадим.

– Очнулась? – спросил он.

– Я в нее анестезию влила, – отчиталась Света.

– Давайте сюда свою анестезию, – сказал Вадим. – Алла, повернитесь.

Вадим вылил остатки водки на полотенце.

– Остановка в три утра. Полустанок. Обещали врача прислать, – сказал он Свете, – ладно, сами разберемся.

Алла, судя по источнику боли, поняла, что разодрала себе не ногу, а ягодицу. Она заплакала – от стыда, от обиды на жизнь и обстоятельства, от водки...

– Может, врача дождемся? – попросила она Вадима.

– А я кто? Я и есть врач. Поворачивайтесь потихоньку.

Алле сразу понравился Вадим. Как только он в купе зашел. И руки его понравились – грубые, с длинными пальцами. Она хотела выглядеть тонкой, интеллигентной москвичкой. Чуть-чуть загадочной, в меру кокетливой. А получилось, что Вадим должен промывать ей рану на мягком месте.

– Это ж надо, – не могла уgomониться Света, – столько людей до тебя по этому люку прошло, а ведь надо же – ты свалилась.

– Света, сходите лучше к проводнице за водой. И полотенце еще одно попросите, – сказал Вадим. – Алла, давайте, я вам помогу. Надо рану промыть.

– Я не могу. Мне стыдно... – Алла опять заплакала.

– Так, понятно.

Вадим сам перевернул Аллу на бок, задрал ей юбку, спустил трусы. Алла, уткнувшись в подушку, что-то мычала сквозь всхлипы. Вадим не реагировал. Промывал водой, водкой, резал ножом простыню на квадраты, заклеивал рану пластырем.

– Все, готово, но зашивать все равно придется, – сказал он.

– А можно мне еще водки? – попросила Алла. Она боялась посмотреть на Вадима.

– Можно, – обрадовалась Света. – Хорошо, что я две бутылки взяла. А то все на твою задницу ушло. Света открыла бутылку. Вадим тоже выпил.

В три утра в вагон зашла сонная тетка в сопровождении пьяной проводницы.

– Кому тут врач был нужен? – спросила тетка.

– Мне, – радостно ответила Алла.

Она впервые в жизни напилась до такого состояния. Еще никогда ей не было так весело. До трех утра Света рассказывала истории – про своего мужа, про сына, про свекровь... Вадим рассказал, что пошел в тамбур покурить и чуть об Аллу не споткнулся. Та наполовину была на рельсах, а на другую половину торчала прямо из пола. Вадим тоже не знал про бельевые люки, поэтому сначала стоял и не мог понять, с какой стороны к Алле подступить. Алла хохотала до слез. Вадим периодически переворачивал ее на бок и проверял, не сползла ли повязка. Алла опять хохотала.

– Так это вы по пьяни в люк свалились? – спросила докторша с полустанка.

– Нет, это я потом по пьяни, а в люк – по-трезвому, – хохотала Алла. Видимо, нервы сдали.

– У меня ничего нет. Могу валерьянку дать, – сказала докторша.

– Ей валерьянка уже не нужна, – сказала Света, – а мне можете дать.

– Вы что, водку во все места заливали? – спросила докторша, брезгливо трогая Аллину повязку.

– А что бы вы на моем месте сделали? – Вадим миг протрезвел и начал орать на коллегу.

– Вы не на моем месте, лучше молчите. Устроили тут пьянку. Зачем врача вызывали? Нормально тут все. Заживет.

– Так, во-первых, я – хирург. И здесь, – Вадим ткнул Алле в ягодицу, – нужно накладывать швы.

– Вот ты и накладывай. Хотите, сходите здесь с поезда. Утром в больницу придете.

– Вы хоть понимаете, что говорите? У вас что, кроме валерьянки, ничего нет?

Алла опять заплакала.

В результате докторша оставила им упаковку ваты, бинт, перекись водорода, три таблетки анальгина и ушла.

– Ничего, доедем до Владикавказа, я тебя вылечу, – сказал Вадим Алле.

– Обещаешь? – Алла неожиданно сама для себя перешла с ним на ты.

– Обещаю.

Во Владикавказе Вадим прямо с поезда отвез Аллу в больницу. Он промыл, зашил рану. Приходил, делал перевязки. Приносил Алле что-нибудь вкусненькое – яблоко, грушу, пирог с сыром...

– Я так хочу тутовник, – сказала Алла.

Они сидели на лавочке в больничном садике. Вкусно пахло цветущими деревьями.

– Тутовник? Ты знаешь, что это такое? – удивился Вадим. – Сейчас еще рано. Не созрел.

– А ты женат? – спросила Алла.

– Нет.

Они помолчали.

– А ты зачем сюда ехала? – спросил Вадим.

– У меня здесь бабушка похоронена. Хотела сходить к ней на могилу, спросить, что мне делать дальше, – ответила Алла.

– Мы вместе ходим. А что делать дальше, я тебе и сам могу сказать...

Алла сидела, подставив лицо солнцу, и улыбалась.